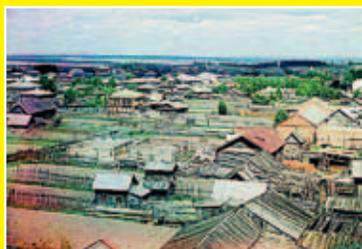

5 (683) май, 2014

«Аэлита» с берегов Чусовой

ПРОСКУДИН-ГОРСКИЙ
В УСАДЬБЕ АЛИНЫХ

ЗА МАНСИЙСКИМИ
НАРТАМИ

ПЛАТИНА НАХОДИТСЯ
В ДУНИТАХ

9 770134 1241006 | 14005

Май 2014

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочкинова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на обложке – В.В. Саргин
Приз-премия фестиваля «Аэлига».

Редакция, издатель –
общественная организация «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христоклюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

**Выпуск издания осуществлен при финансовой
поддержке: Свердловского регионального
благотворительного фонда «Таганский»**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2014 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №5 (683), 2014.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,
выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала. Материалы
принимаются по электронной почте, на электронных но-
сителях CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать
информацию об авторе, указывать согласие на публика-
цию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и ре-
дакторскую правки. Автор несет ответственность за пре-
доставление материалов и иллюстраций, обремененных
правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.** При отправлении электронных со-
общений обязательно заполнять поле **тема**. Любое ис-
пользование материалов журнала допускается только с
письменного согласия ООО «Уральский следопыт».
Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
следопыта» публикуются на правах рекламы.

**Уважаемые читатели, оформите подписку
на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:**

- Почтовые отделения России,
каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки
ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего
и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Добрые попутчики

В.ЖАКОВ

Арт-Чусовая 14

Экспедиция

А.СЛЕПУХИН

Экспедиция за мансийскими
нартами 24

Добрые попутчики

А.ЧИСТОВ

Есть
такая машина!... 32

Камни Урала

А.ПУДОВКИН

Дюпарков камень 3

Добрые попутчики

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ

ТУРИЗМА

Большой Урал

расширяет

границы 16

Безопасность

Д.ОБОСКАЛОВ

Уважаемые
судовладельцы!... 36

Река времени

Наши проекты

И.МАКУШЕВА

Река Чусовая.

Станционный

Полевской 10

День Победы

Н.БЫЛБЕВ

Записки

в дождливый

день 18

Тропой поиска

А.ЯЛОВЕНКО

Калоши для танков –

руками военнопленных 34

День Победы

О.БАЙКОВА

На острове

Долгом 38

Далекое-близкое

С.СОГРИН

Прокудин-Горский:

Моя поездка

в Чердынь 42

Журнал в журнале

Дюпарков камень

◀ На подходе к Конжаковскому камню есть участок, который включает в себя высотную отметку 1311,0 м, Конжаковский перевал, Иовскую площадку и Иовскую пропасть

У каждого места на земле есть своя история. Самая длинная, в сотни миллионов лет, геологическая — история образования горных пород и рельефа местности. Затем история формирования растительного и животного мира. И, наконец, истории, связанные с деятельностью человека.

Горный район вокруг поселка Кыльым на Северном Урале является одним из наиболее значимых туристических брендов Свердловской области и всего Урала. Привлекательность этого края для путешественников определяется великолепными ландшафтами, сохранившимися участками первозданной тайги и горными вершинами, покорение которых является целью большинства туристов. Наиболее популярным является восхождение на высшую вершину Свердловской области — Конжаковский камень. Один из маршрутов — «марафонка» — достаточно хорошо промаркирован на местности, описан и разрекламирован. По линии этого маршрута на подходе к Конжаковско-

му камню есть участок, о котором пойдет речь в настоящей статье. Участок находится на хребте между Конжаком и Серебрянкой и включает в себя водораздел рек Конжаковка, Северный Иов и Полудневая. Основными объектами на этом участке являются вершина с высотной отметкой 1311,0 м, Конжаковский перевал, Иовская площадка и Иовская пропасть.

Вершина с высотной отметкой 1311,0 м официального названия на государственных топографических картах не имеет. Туристы называют эту вершину Южный Иов, геологи — Дюпарков камень. Гора имеет четко выраженную конусообразную форму. Склоны крутизной 20–25 градусов, как

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

А.Е. Пудовкин

Преподаватель Иовского геологоразведочного техникума, г. Нижняя Тура.

Фото: И.А. Лобановой, Е.А. Ляминой

▶ Через Конжаковский перевал проходит марафонская тропа, обозначенная высокими вешками

и всюду в этих местах, покрыты крупно-глыбовым курумником. Вершину украшает замысловатый скальный останец с тесной расщелиной, в которой можно укрыться от ветра. Подъем на вершину кажется легким. Высшая точка видна на протяжении всего маршрута, и с каждым шагом ты видишь приближение к цели. Это психологически легче восхождения на Конжак и особенно на Косьвинский камень, где приходится преодолевать бесконечные нагорные террасы, заслоняющие горизонт. Посещают вершину редко — все стремятся покорить Конжаковский камень. Бывает, что туристическая группа в условиях плохой видимости сбивается с маршрута и вместо Конжака штурмует вершину 1311,0. Но лучше побывать здесь в хорошую погоду. Окрестности горы являются, на мой взгляд, самыми живописными в Свердловской области. На дальнем плане можно созерцать главные горы и долины Северного Урала. Ближний план интересен сочетанием различных элементов рельефа (склонов различной крутизны, горизонтальных площадок, скальных останцев и обрывов).

Следующими объектами нашего участка являются перевалы Конжаковский и Иовский. Конжаковский перевал находится между горой Южный Иов (Дюпарков камень) и безымянной вершиной 1350,7 на восточном склоне Конжака. Иногда этот перевал неправильно называют Иовским. Через перевал проходит марафонская тропа, обозначенная высокими вешками. Многие туристические группы делают здесь привал перед штурмом склонов Конжаковского камня. На юго-восток с перевала крутой спуск в долину реки Конжаковка. На север идет пологий спуск к Иовской площадке (Иовскому перевалу) и краю Иовской пропасти. Иовская площадка находится в 1,3 км на север от Конжаковского перевала и ниже его на 100 метров. Она является перевалом между горой Конжаковский камень и горой Иов (1263,2 м). Называть этот перевал Иовским плато некорректно из-за небольших его размеров.

Оба перевала, Конжаковский и Иовская площадка, представляют собой «поляны» диаметром около 200 метров. Грунт песчано-глинистый, поверхность покрыта травянистой растительностью, слегка заболочена. Такие «поляны» выглядят необычно и живописно в окружении скальных останцев

и каменистых склонов. В центре Иовской площадки находится небольшое озеро диаметром до 100 метров. Озеро очень мелкое, в засушливое лето пересыхает, средний урез воды имеет отметку 1124,5 м. Возможно, это озеро (если его считать озером) является самым высокогорным на Северном Урале. Летом и осенью по этим перевалам, кроме туристов, бродят люди, собирающие золотой корень.

Иовская пропасть (Иовский провал) на северо-восточном склоне Конжака привлекает к себе особое внимание. Это один из немногих сохранившихся на Северном Урале ледниковых цирков. Площадь цирка не более 1 кв. км, форма округлая подковообразная, длина верхней бровки — 2,5 км, глубина — 300 метров, средняя крутизна склонов — 35 градусов. Крутые склоны, покрытые курумником, чередуются с обрывистыми скальными стенками. Из цирка начинается каньонообразный участок долины р. Полудневой протяженностью 1,5 км. Вода в каньон начинает поступать от самой верхней бровки, ниспадая струями-водопадами с крупных глыб и скал. Грандиозность Иовской пропасти на фоне обычных горноуральских пейзажей завораживает. Поражает также коварство пропасти — пологий «ласковый» склон неожиданно резко становится опасным, особенно зимой. Организованным туристическим группам маршрутно-квалификационные комиссии запрещают приближаться к провалу в плохую погоду.

«Свалиться» в Иовский провал мне посчастливилось в далеком 1968 году

в свое первое путешествие на Северный Урал. Этот непродолжительный зимний поход оставил в моей памяти одно из самых ярких впечатлений. Наша группа сформировалась в лесной избушке под Серебрянским камнем из студентов УПИ и Свердловского горного института. С утра покорили вершину Серебрянки и двинулись по хребту в сторону закрытого облаками Конжаковского камня. Погода быстро ухудшалась. Во второй половине дня оставаться наверху, выше границы леса, стало невозможно. Видимость не более 10 метров. Ветер валит с ног чуть оступившего человека и волочет его до ближайшего камня или снежного заструга. Холод. В этот момент мы потеряли ориентировку. Ясно было, что спускаться нужно на юг в сторону дороги Карпинск — Кытлым. Пологий склон и направление ветра толкали нас двигаться на север. В нашей группе оказались две девушки из Карпинска, которые представились опытными туристами, хорошо знающими эти места. Одна из них — Надя — легко убедила выбивающихся из сил и отчасти напуганных людей двигаться вниз по ветру. Железным аргументом явилось утверждение, что компас в этих местах «совершенно не работает», а она уверена, что юг именно в той стороне, куда дует ветер. Спуск к границе леса был ужасным. Сползая по очень крутому склону, мы в разрывах облаков видели отвесные скалы и ожидали вот-вот свалиться с одной из них. Некоторые побросали свои лыжи, видимо от переутомления. Хорошо, что идущие сзади сумели подобрать эти лыжи, иначе группа, спу-

▶ Вершина с высотной отметкой 1311,0 м официального названия не имеет. Туристы называют эту вершину Южный Иов, геологи — Дюпарков камень

сбившись к границе леса, далее по глубокому снегу двигаться не смогла. Даже на лыжах мы из-за усталости и приближения темноты не смогли дойти до хорошего леса. Ночевали с плохими дровами в продуваемой насквозь палатке. К утру ветер стих, на востоке взошло солнце. Спор между компасом и Надей закончился в пользу компаса. Пришлось смириться с тем, что для возвращения в Кытлым нужно штурмовать крутой склон в обратном направлении и потом через перевал уходить в долину реки Конжаковка. Хорошая безветренная погода позволила нам выбрать безопасный маршрут возвращения из Иовского провала. В этот раз туристам повезло.

После этого случая мне не раз зимой на уральских перевалах приходилось сталкиваться с порывами ветра, сбивающими с ног человека. Возможно, трагедия на перевале Дятлова связана с этой стихией. Люди спешно покинули палатку, чтобы помочь сброшенным ветром вниз по склону товарищам.

В геологическом отношении наш участок относится к Конжаковскому магматическому массиву, входящему в Платиноносный пояс Урала. Массив имеет округло-треугольную форму и размеры 8 на 10 км. Геологическим центром этого массива является Иовское дунитовое тело. На современной дневной поверхности оно обнажается на восточном склоне Конжаковского камня и имеет размеры 2,4 на 1,3 км. Дуниты на поверхности быстро разрушаются (выветриваются), превраща-

ясь в песок и глину, что и стало причиной появления своеобразных для данного участка элементов рельефа: маленьких перевальных плато, покрытых травянистой растительностью, и Иовской пропасти глубиной более 300 метров. Иовское дунитовое тело окружено пироксенитами. Эти горные породы гораздо более устойчивы к выветриванию по сравнению с дунитами. Пироксенитами сложены вершины окрестных гор, скальные останцы и глыбовый курумник на склонах. В пироксенитах геологи безуспешно искали железные руды, промышленных скоплений титаномагнетита не встречено. Скопления титаномагнетита на небольшом расстоянии (до 10 метров) могут сильно влиять на показания компаса. Чтобы воспользоваться компасом для ориенти-

рования, нужно отойти от аномального места на несколько метров и убедиться, что стрелка компаса перестала «танцевать» при движении по прямой (Уральский следопыт, 2012, №3).

Но вернемся к дунитам — самым интересным горным породам Кытлымского района. Дуниты — судьбоносный камень для пос. Кытлым. Дуниты, разрушаясь на поверхности, дали платину кытлымским россыпям. Появился поселок, который более 100 лет жил в основном добычей платины. В 80-х годах прошлого века дунитами Косьвинского камня заинтересовались военные. Их появление здесь все равно, что второе рождение поселка. С дунитами может быть связано и будущее района. В конце 70-х годов прошлого века выяснилось, что дуниты Иовского массива являются сырьем для получения огнеупорных материалов (выдерживают температуру до 1770 градусов). Детальная разведка проведена до глубины 100 метров, запасы составили около 100 млн тонн. Месторождение подготовлено для промышленного освоения. Скорее всего, в ближайшем будущем в иовских дунитах попытаются поискать коренную платину, хотя Иовский дунитовый массив считается не очень перспективным — его не сопровождают богатые россыпи платины. Последнее обстоятельство, кстати, может говорить и о том, что если платины в рос-

◀ Иовская площадка представляет собой «поляну» диаметром около 200 метров

сыпях мало, значит, она сохранилась в коренных дунитах.

Истории, связанные с кытлымскими дунитами, этими редкими своеобразными породами, начались давно. В первой половине 19-го века бродячие старатели, продвигаясь на север от платиновых месторождений реки Ис, стремятся найти более богатые участки. В 1835 году ими обнаружена россыпная платина у юго-западного подножья горы Косьвинский камень в верховьях реки Косьва, но разработки начинаются только спустя 40 лет. В 1893 году обнаруживаются богатые россыпи по притокам реки Тьлай, берущим начало с горы Сосновский Увал (западнее горы Косьвинский камень). В 1898 году начинают разрабатываться богатые россыпи на восточных склонах Косьвинского камня, что и стало причиной появления поселка Кытлым. Обнаружение и начало разработки россыпной платины в районе горы Косьвинский камень всколыхнуло жизнь края. Земли Николае-Павдинской дачи перепродаются, переходят из рук в руки и, наконец, становятся владениями астраханского купца К.П. Воробьева. За два года до совершения сделки Воробьев пригласил Луи Дюпарка для проведения геологических исследований. По видимому, результаты первых экспедиций Луи Дюпарка в Кытлымском районе убедили Воробьева в решении приобрести прииски.

Луи Дюпарк окончил Женевский университет и в 1887 году защитил диссертацию на степень доктора физических наук. Впервые в Россию в начале 90-х годов 19-го века молодого ученого пригласил владелец земель и приисков на Северном Урале Леонид Хатим-

ский для изучения месторождений золота и платины. Полевой базой для исследований явилось имение Хотимского — село Всеволодо-Благодатское. Луи Дюпарк обследовал много месторождений и проявлений — но все они не отличались большими запасами. Он описал орографию края и геологическое строение Денежкиного камня, изучал возможности прокладки дорог через девственную тайгу на юг в сторону Богословска. Вероятно, в это время Луи Дюпарк познакомился со своей будущей женой, выпускницей Высших женских курсов Маргаритой Николаевной Тихонович. Луи Дюпарк полнил не только красоту уральских гор, но и перспективы геологических исследований этого малообжитого и неизученного края. Первые экспедиции на Урал сформировали Луи Дюпарка как геолога-исследователя, а статьи, опубликованные в Женеве, принесли ему известность в научном мире. Приглашение Воробьева предопределило судьбу Луи Дюпарка. На протяжении двадцати лет (до 1920 года) он совершает экспедиции на Урал, большей частью работает в Кытлымском районе. Дюпарк изучает платиновые месторождения, руководит геологоразведочными работами на кытлымских приисках, продвигается далеко на север, до Чистополя, в поисках дунитовых массивов. Все это время рядом с ним Маргарита Тихонович. «... В последующие 6 лет я, в сопровождении моей усердной сотрудницы М.Н. Тиханович, исследовал северный Урал ... с целью открыть на этом обширном пространстве новые дунитовые массивы ... и мне удалось найти несколько новых месторождений платины».

Сто лет назад «Горный журнал» опубликовал русский перевод работы профессора Женевского университета Луи Дюпарка «Платина и платиновые месторождения Урала» (Горный журнал. 1913. №№ 1-3). В истории геологического изучения Урала эта работа считается классической. По мнению А.А. Ефимова, известного уральского геолога, автора книги «Кытлымский платиноносный массив», исследования Л. Дюпарка по полноте геологических описаний и тщательности изучения вещества горных пород не имеют себе равных в геологической литературе, посвященной Уралу. Составленная Луи Дюпарком геологическая карта территории Николае-Павдинской дачи отличается точностью и объективностью. Луи Дюпарк и его сотрудники с 1901 по 1920 годы опубликовали на французском языке длинную серию статей и монографий, посвященных Платиноносному поясу Урала. Большая часть этих работ имеет отношение к Кытлымскому платиноносному району. Фундаментальной работой Луи Дюпарка в соавторстве с М.Н. Тихонович стала книга «Платина и платиновые месторождения Урала и мира», вышедшая в Женеве в 1920 году.

Можно с уверенностью предположить, что у Луи Дюпарка, как и у следующих за ним геологов, высотная отметка 1311,0 (г. Южный Иов) являлась любимым наблюдательным пунктом во всей кытлымской округе. «Еще в 1900 году, после первых моих изысканий платиновых месторождений Косьвинского камня, я пришел к заключению, что платина находится исключительно в дунитах...». Все видно и понятно Дюпар-

▲ Река Полудневая начинается от верхней бровки Иовской пропасти, ниспадая струями-водопадами с крупных глыб и скал

◀ Дуниты — самые интересные горные породы Кытлымского района

ку с его наблюдательного пункта. Вот перевалы, появившиеся на месте разрушенных дунитов. Кругом скалы и курумник пироксенитов — устойчивых к выветриванию горных пород. С озерца на Иовской площадке начинает свой бег р. Полудневая. За многие миллионы лет она пропилила в дунитах и пироксенитах ущелье — Иовскую пропасть — и унесла по своему руслу огромное количество дунита. Платина из разрушающегося дунита высвободилась и просела на каменное основание речных отложений — на плитик. «Она может спуститься очень глубоко ... и накапливаться там, как в на-

▲ Крутой подъем по склонам Иовской пропасти

стоящих карманах, которые бывают неслыханно богаты ею». Так было открыто Тылай-Конжаковское месторождение с двумя платиноносными речками: Северным Иовом и Полудневой. «Это месторождение было открыто мной в 1901 году, разработка песков началась на обеих речках с 1907 года». Новый прииск назвали Конжаковским. Разработка велась старательским способом. Ценность платины увеличивалась благодаря примеси иридия. Разведочные работы 1913–1914 годов под надзором А. Н. Дурандина показали высокое содержание платины. Но что-то насторожило руководство Николае-Павдинского округа. Управляющий Горным делом Округа П. С. Рюмин совместно с профессором Луи Дюпарком тщательно осмотрели долины обеих рек, пройдя около 40 верст пешком. Проверка разведочных документов установила, что к результатам прибавлялись нули, что увеличивало в 10 раз реальное содержание платины в песках. Дурандина обвинили в подлоге, разработка Конжаковского прииска хозяйственным способом прекратилась в связи с ожиданием увеличения убытков. Мотивом подлога признали желание Ду-

рандина скрыть ошибки и продлить срок своей службы. Можно предположить, что Дурандин верил в большую платину Конжаковского прииска и увеличивал в отчетных документах содержание металла в пробах, чтобы сохранить финансирование разведочных работ. Где же платина Иовского дунита? Простые расчеты показывают, что ее должно быть около тонны. Может быть, богатую часть россыпи надо искать не близ поверхности, а на глубине в несколько десятков метров на погребенном дне ущелья реки Полудневой, которое было завалено ледниковыми моренными отложениями с убогим содержанием платины? В настоящее время старательские артели лихорадочно ищут участки приложения своих сил, в том числе и в Кытлымском районе. Долина реки Полудневой, возможно, хранит платину Дюпарка, но, как и 100 лет назад, находится в очень тяжелых и неблагоприятных условиях для разведочных работ.

Результаты изучения Луи Дюпарком платиноносности Урала привлекли внимание западных предпринимателей. «В период с 1906 по 1909 год французская Платино-промышленная компания, опираясь на исследования Луи Дю-

▶ Луи-Клод Дюпарк

парка, заключила выгодные сделки на приобретение платины в частных владениях Лысьвенского и Нижнетагильского округов с правом собственной разработки там соответствующих месторождений. Это позволило компании довести свою долю на рынке уральской платины до 94% и стать на нем монополистом» (Вестник Уральского отделения РАН. 2009. №2).

В водовороте экономических, политических событий и научных изысканий в начале 20-го века судьба швейцарского геолога тесно переплелась с судьбами многих русских людей. С Луи Дюпарком связана биография Модеста Анисимовича Клера, известного русского исследователя, организатора и руководителя Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), участника радиового проекта. Во второй половине 1890-х годов Клер стажировался у Дюпарка в Женеве. Клер добросовестно служил отечеству при царском режиме и в советские времена, но, в конце концов, был обвинен в шпионаже. Являясь консультантом Уралплатины, он якобы передавал Французской Анонимной Компании через Л. Дюпарка секретные сведения о платиновых месторождениях. На Урале широко известно имя Бориса Владимировича Дидковского. Революционер, участник гражданской войны, политический деятель — один из тех, кто подписал приказ о расстреле царской семьи. Дидковский, будучи юношей, из-за участия в анархической организации вынужден был эмигрировать из России. Оказался в Женеве, где под опекой Луи Дюпарка получил образование в университете. В 1913 году Дюпарк привез молодого геолога в Россию как помощни-

ка в геологических исследованиях. Вскоре Дидковский становится главным геологом Николае-Павдинского горного округа. Проживал в Павде с 1913-го по 1918 год. После революции и гражданской войны с 1920 года Дидковский занимается организацией геологических исследований на Урале, становится первым руководителем Уральского геологического управления. В 1937 году Дидковского, после ареста по ложному доносу, расстреляли. Скорее всего, тень «французского шпиона» Луи Дюпарка также легла на судьбу этого выдающегося организатора геологического освоения Урала.

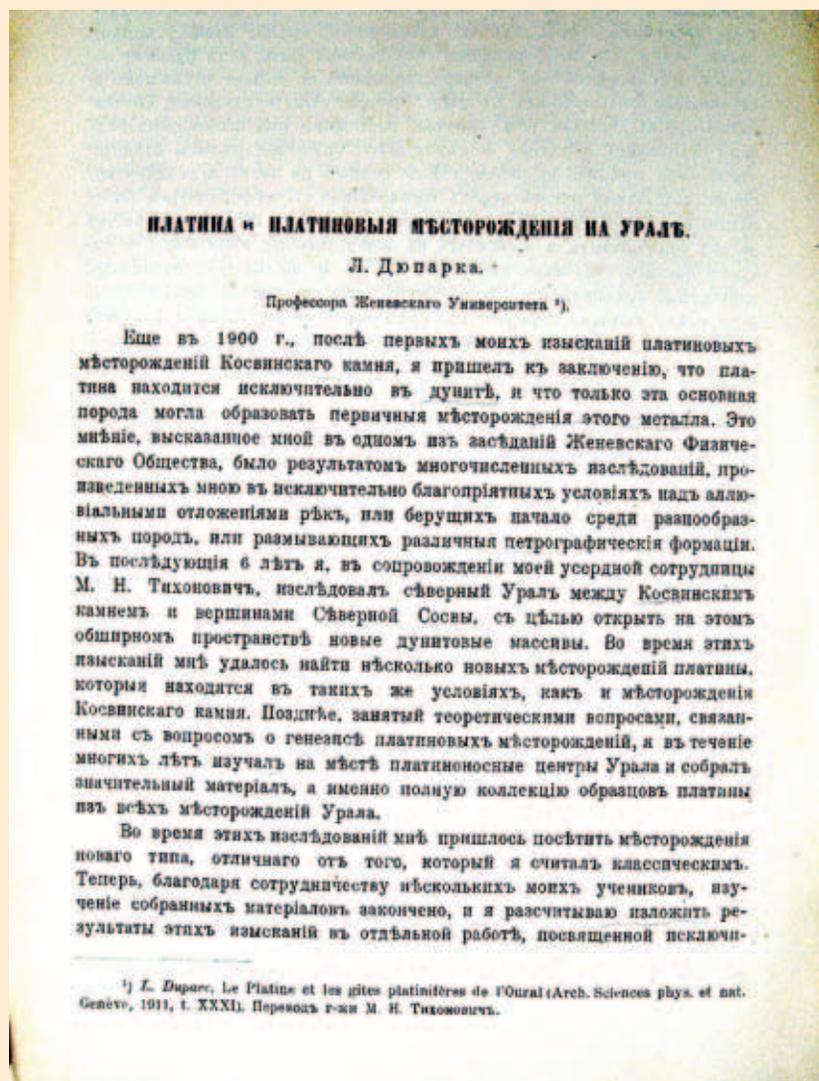
Печальной оказалась судьба самого Дюпарка и его семьи. Жена Маргарита Николаевна погибла за границей в начале 20-х годов. После ранней смерти Дюпарка в 1932 году его дочь вынуждена была вернуться в СССР.

Идея увековечить имя Луи Дюпарка на карте Урала принадлежит известному уральскому геологу О.К. Иванову. Занимаясь в 1980-х го-

▲ Студенты Исовского геолого-разведочного техникума на вершине горы Дюпарков камень

◀ Работа Л. Дюпарка в Горном журнале. 1913 г.

дах изучением Конжаковского массива, для привязки своих наблюдений он давал названия характерным точкам местности — ориентирам. Так на геологических картах О.К. Иванова появилась гора Дюпарков камень. Официально оформить новое географическое название оказалось делом довольно хлопотным. Но скромную мемориальную табличку на вершине мы со студентами Исовского геолого-разведочного техникума установим.

Кытлымские платиновые месторождения были не самыми богатыми, на их долю приходится примерно 5–10% добытой на Урале платины — около 30 тонн. Но с точки зрения «платинового» геотуризма этот район очень привлекателен: уникальный ландшафт, классические геологические объекты, следы старых разработок, возможность «намыгть» для коллекции несколько крупинки платины (когда-то же у нас в стране это будет официально разрешено). В будущем путеводителе по Кытлымскому району найдут себе достойное место тексты и иллюстрации из научных трудов Луи Дюпарка. **UC**

История России. Река Чусовая

(Фотоэкспедиция)

Станционный-Полевской

Габасова гора

Зайцева Будка, Габасова гора... Эти места у жителей на слуху. А все ли знают, чьи имена срослись с историей поселка в этих названиях? На стыке Южно-Уральской и Свердловской железных дорог с 1936 года и в течение 20 лет жила и трудилась большая семья из 10 человек — путеобходчика Гаврилы Зайцева. Так появилась Зайцева Будка.

Когда появился у нас Габас Шакиров, родня не помнит, но перед войной его семья уже жила здесь. В 1941-м их отправили на Марков камень рубить лес. В середине 1950-х они вернулись, построили домик на горе. В семье тогда уже было 9 детей. В деревне дороги

никудашние, везде грязь, а на горе — сухо. Вот деревенские ребятишки и бегали к ним играть. Рядом лес — собирали грибы, ягоды.

Габас — мужик богатырского сложения, лесоруб-стахановец, охотник, всегда держал лошадей. Никого не обижал — добрая душа. Разве что, приняв «с устатку», громко разговаривал.

Как вспоминает дочь, на Марков камень к Габасу привозили Г.К. Жукова. Отец водил его на охоту. Запомнилась высокая папаха и меховые зимние сапоги... Габасу было подарено ружье. К сожалению, оно не сохранилось.

Умер Габас Шакиров 17 октября 1983 года. Похоронен на русском кладбище.

▲ Габас Шакиров

◀ Габасова гора. Вид с пешеходного моста через Чусовую. Ныне этого моста нет

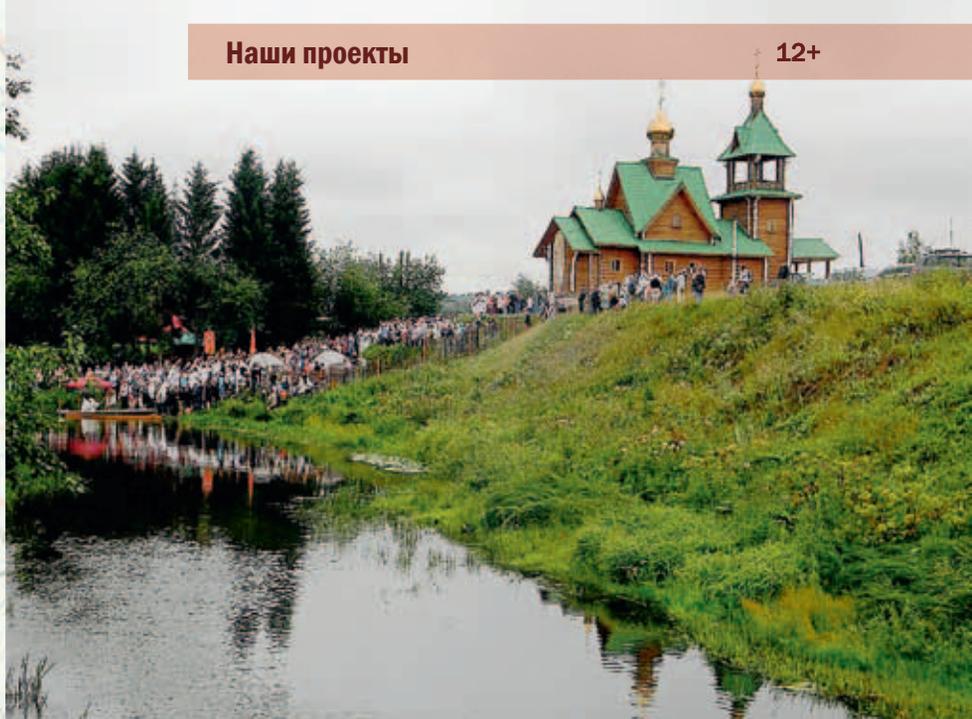
СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Колокола над Чусовой

Поселок Станционный-Полевской Чусовая разделяет надвое. Течет она тихо и незаметно, но неизменно питает нашу землю, радует наши сердца.

В центре, над Чусовой, возвышается Храм во имя Святого равноапостольного великого князя Владимира. Его золотые купола и переливы колокольного звона стали уже неотъемлемой частью нашего поселка. Это место, куда рвется душа. Ежегодно 28 июля в престольный праздник здесь сотни людей со всей области принимают таинство крещения.

▲ Крещение на Чусовой.
Фото Виктора Рябина

▼ Деревянный мост.
А.М. Асанова

◀ Ставят купола

▼ Половодье 1978 года

Ирина Макушева

Материалы и фотографии собрала хозяйка станционной сельской библиотеки №6 города Полевского.

www.uralstalker.com

◀ Покос на Чусовой. 1930-е годы

Из жития Саргина-Чусовского

Кого только не лицезрела Чусовая на своих живописных берегах в Станционном-Полевском! Ее неспешные воды, лики и судьбы поселковех постояльцев вдохновляли уральского прозаика Леонида Фомина, а огонек его гостеприимной дачи, здешние охотничьи уголья, окрестные красоты заманивали то писателей Виктора Астафьева и Николая Никонова, то поэта Германа Иванова... Даже Джеймса Олдриджа с туманных берегов реки Темзы!

Но воды и красоты Чусовой пестовали и свои таланты. Здесь родился и вырос уральский мастер-камнерез и педагог Виктор Васильевич Саргин. Модельер-камнерез завода «Уральские самоцветы», ювелир, педагог-наставник школы-интерната для глухих детей, он под приглядом Чусо-

▶ Саргин В.В. Приз-премия фестиваля «Аэлита». Золоченая латунь, горный хрусталь, халцедон

вой обрел удивительный дар преобразования камня и металла. Ювелирные и камнерезные работы Саргина видели выставочные залы ВДНХ, Праги, Брюсселя и Белгорода, хранят музеи многих городов страны и мира. Мастер обрел Почетное звание Академика Академии искусств и художественных ремесел имени Демидовых.

Счастливая судьба свела Виктора Васильевича с журналом «Уральский следопыт», отделом фантастики «Аэлита», и четверть века были они неразлучны. Весь мир знает ежегодные конкурсы «Аэлита», инициированные журналом. Призов «Аэлиты» были удостоены А. Казанцев и братья Стругацкие, Владислав Крапивин и Кир Булычев, Геннадий Прашкевич и Сергей Лукьяненко и еще очень многие энтузиасты жанра. Но все ли знают имя творца этих неповторимых призов — художественных изделий, сочетающих камне-самоцветы и ювелирные сплавы? А он и посейчас на берегах Чусовой, живет в доме, срубленном в 30-х годах руками деда, обосновавшегося здесь после долгих мытарств раскулачивания.

▶ Панно «Русь». Мрамор, присыпка. Авторы Т.А. Дюкова и В.В. Саргин

◀ Виктор Саргин. Рисунок Владимира Бурнина

▲ Ремонтники «дорожки» на Марков камень. Конец 40-х гг.

«Дорожка» на Марков камень

Когда началась война, Диме Буркову было 16 лет и жил он в г. Кадиевка в Донбассе. Довелось пожить под немцами. А когда наши прорвали фронт под Сталинградом, немцы стали угонять всех мужиков. Оказался в лагере на о. Хор-

тица в Запорожье. Ночевали под навесами, по утрам фашисты приезжали на лошади и увозили мертвых. Затем отправили в Германию. Приезжали покупатели, выстраивали в шеренгу и выбирали. Попал в г. Лауда, на железную дорогу, ремонтировал пути. Практически не кормили. Вы-

жил благодаря австрийцам — те обязательно привозили с собой бак горошницы.

Освободили американцы. Приехал советский представитель, и на машинах перевезли на нашу сторону. Переводили с одного лагеря в другой. Потом собрали команду, больше молодежь, погрузили в вагоны. Ходом через всю страну привезли на ст. Сысерть. В дороге кормили.

Это был ноябрь 1945 года. Привезли 500 человек. Распределяли кого куда. Дали место в общежитии. Работали на «дорожке» — ремонтировали, зимой чистили дорогу на Марков камень. Отработав год, получили постоянные паспорта. Можно было ехать домой, многие так и сделали. Дмитрий Иванович съездил, но потом вернулся.

На «дорожке» встретил свою будущую жену — Екатерину Михайловну Мохову. Она тоже занималась ремонтом дороги. Ремонтировали так: он готовил доски для настилки, женщины сверлили дырки в шпалах, мужики клали доски и вбивали нагели (такие деревяшки, как гвозди).

В 1952-м сыграли веселую, шумную свадьбу. Пили бражку. Тетя Таня дала невесте свое платье. Из приданого была одна подушка. Дали комнату в барак №6. Съездили на товарняке в Свердловск, купили койку и матрас.

Через год дали место под строительство дома. Строил сам. Живет в нем до сих пор. Две дочери выросли — Наташа и Людмила. **УС**

◀ Первая фотография на ст. Сысерть

▼ Драмкружок. «Вишневый сад» по Чехову

Десять дней красоты,

Лучшая декада уральского лета — это незабываемые августовские дни на Чусовой. Их можно провести среди потрясающих природных красот и в гуще ярких культурных событий, в познании и удивлении, творческом созидании и подлинном душевном отдохновении.

С 30 июля по 10 августа на берегах самой красивой и загадочной уральской реки в третий раз пройдет Всероссийский фестиваль-пленэр «Арт-Чусовая» имени Леонарда Туржанского. Это масштабное событие всегда вызывает большой интерес у творческих людей, с каждым годом расширяется география его участников и гостей. Нынче этот, ставший традиционным, пленэр задуман с особым размахом. Пятьдесят художников со всей России, от Владивостока до Москвы и Санкт-Петербурга, приедут в Староуткинск — вдохновиться магической красотой здешней природы, проникнуться духом места и напитаться но-

выми впечатлениями для своих будущих творений.

В этом году «Арт-Чусовая» принимает поистине «звездный» состав гостей, цвет российской художественной интеллигенции: в числе участников фестиваля Народные и Заслуженные художники России, преподаватели художественных вузов страны, доцент, профессор, академики. Все эти мастера будут знакомиться с Чусовой и окрестностями, воспевать ее красоту в произведениях живописи и графики, создавать инсталляции, проводить мастер-классы. И непременно участвовать в мероприятиях насыщенной и хорошо продуманной

Владислав Жаков-Цепернят

Генеральный директор Творческого объединения «Арт Сфера», президент Фонда поддержки и развития культуры Урала — «Соболь», продюсер Всероссийского Фестиваля-пленэра «Арт Чусовая» имени Леонарда Туржанского, организатор Международной выставки-продажи произведений искусства «Арт-Урал», руководитель культурно-исторического проекта «Президенты России».

Организаторы Всероссийского фестиваля-пленэра «Арт-Чусовая»: Творческое объединение «Арт Сфера»

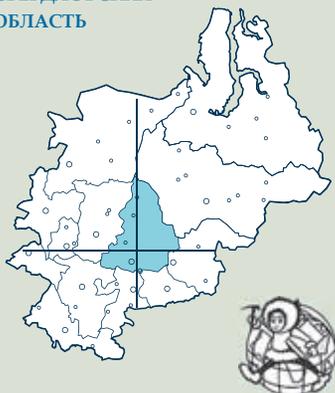

культурной программы: ярмарка искусств и ремесел, музыкальные концерты, скалолазание и рыбалка — есть чем удивить дорогих гостей! Также в рамках Фестивальной программы художники и гости поучаствуют еще в одном мероприятии под названием «Чусовая — река единства». Это будет двухдневный сплав по реке с остановкой для написания картин в бывшей деревне Родина. Организаторы фестиваля позаботились, чтобы эти дни, проведенные на природе, в атмосфере живого творческого и дружеского общения с близкими по духу людьми, стали поистине незабываемыми.

ВДОХНОВЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

Самое главное событие «Арт-Чусовой», подчеркивающее его заслуженно высокий статус, — это церемония награждения победителей конкурса среди художников Премией «Со-Творение», символической бронзовой скульптурой известного уральского скульптора Юрия Крылова. Еще одним подарком художникам станет каталог работ участников этого значимого события. Для создания на Фестивале праздничной атмосферы в субботу, 9 августа, будет представлена насыщенная творческая и музыкальная шоу-программа, в которой будут задействованы все организаторы событийного мероприятия. В поселке Староуткинск имеются приспособленные открытые площадки и отличное помещение Дома культуры. Анимация для детей, конкурсы, игры, местная самодеятельность, вокально-инструментальные группы из Екатеринбурга, Шалинского и Нижнетагильского ГО. Гости и местные жители смогут увезти на память с праздника любое понравившееся произведе-

ние искусства, картину или предметы творчества мастеров народных промыслов или сувениров.

Идейным вдохновителем и основным организатором этого чудесного праздника является руководитель творческого объединения «Арт Сфера», подвижник и галерист Владислав Жаков-Цеперняк. Огромную помощь и содействие оказывает ему в этом Нижнетагильское отделение Союза художников России в лице руководителя Ивана Анцыгина и куратора Фестиваля — Сергея Костылева. Фестиваль-пленэр проходит при активной поддержке Свердловского отделения Русского географического общества. Ежегодно на фестиваль стремятся попасть не только художники, но и представители других творческих профессий — музыканты, поэты, журналисты, люди с воображением и просто ценители творческого общения и местного туризма. Для этого пестрого сообщества на берегу Чусовой, у камня Богатырь, будет организован палаточный городок, где предусмотрено все для комфортной жизни на природе: столы, скамейки, мангальные зоны, спортплощадки, пляж и прочее необходимое. Организаторы планируют подвоз питьевой воды, дров, а кроме того — бардов и рок-музыкантов со своими программами.

Финальным аккордом самого крупного на Урале Фестиваля-пленэра станет совместное создание картины на двухметровом холсте на тему Арт-Чусовая и прощальный вечер с катанием на воздушном шаре и фейерверком. Все, кто хочет реально отдохнуть душой и телом, совместить приятное с полезным — приезжайте к нам на Чусовую и наслаждайтесь. **У**

Большой Урал расширяет границы

В Екатеринбурге в начале апреля 2014 года состоялся II Международный туристский форум «Большой Урал — 2014». Организатором мероприятия при поддержке Федерального агентства по туризму, Министерства экономики Свердловской области, Ассоциации туроператоров России, Российского союза туриндустрии и Уральской Ассоциации туризма традиционно выступил Центр развития туризма Свердловской области.

туристско-информационных центров УрФО и ПФО, ведущие туроператоры и агентства, образовательные учреждения в сфере туризма и организаторы событийных мероприятий.

Для представителей туриндустрии «Большого Урала» была интересна тема перспектив малых исторических городов Урала через Ассоциацию малых туристских городов, которую развил в своей презентации «Самоцветное кольцо Урала» директор Департамента малого и среднего предпринимательства и туризма Министерства экономики Свердловской области Александр Породнов. «Самоцветное кольцо Урала» — новый индустриально-минералогический проект по Свердловской области. Он пройдет через восемь городов региона и привлекает свыше 150 объектов туризма. На кольцевом маршруте протяженностью 635 километров будет открыто более 200 объектов туристско-

Впервые в форуме «Большой Урал — 2014» участие приняли более 20 экспертов, приглашенных из разных уголков нашей страны. За два дня форума более 400 представителей турбизнеса из 20 регионов и четырех стран ближнего зарубежья посетили 11 деловых мероприятий. В обсуждении проблем уральского туризма высказались ведущие эксперты из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Самары, Казани, Уфы, Сыктывкара, Челябинска и других городов, представители муниципалитетов, туристских администраций,

ческой инфраструктуры. Вдоль «Самоцветного кольца» расположено около 70 процентов всех достопримечательностей Свердловской области, и не только минералогических. На маршруте будет создано пять основных тематических экскурсионных программ — уральский быт и ремесла, минералы, промышленный, технический туризм, общие обзорные экскурсии.

Другим важным событием Форума стало Заседание Совета по развитию туризма в Свердловской области под руководством заместителя председателя Правительства Свердловской области Алексея Орлова. На мероприятии были представлены 12 событийных мероприятий, организаторами которых выступили администрации муниципалитетов, коммерческие и общественные организации. Проекты должны были соответствовать таким критериям, как массовость, опыт проведения, наличие своего сайта, софинансирова-

ние из негосударственных источников и уникальность. Победителями стали семь событийных мероприятий для поддержки Правительством Свердловской области на 2014 год — «IV открытый турнир косарей», Фестиваль народных художественных промыслов Урала «Тайны самоцветного Урала», Фольклорный фестиваль и ярмарка народных ремесел «Малахитовая шкатулка», XII Межрегиональная «Ирбитская ярмарка», «Деревенские забавы в День Петра и Павла», XIX Международный горный марафон «Конжак» и IV этап Кубка России

www.uralstalker.com

по скайраннингу (горному бегу)», массовое туристское мероприятие «Майская прогулка».

В рамках Форума состоялась выставка «ЛЕТО-2014», где на 80 квадратных метрах традиционно была представлена экспозиция Свердловской области, собравшая 60 участников из 14 муниципальных образований — представители музеев, мастера сувенирной продукции, коллективы народного творчества. Желающие смогли пройти мастер-класс по ткачеству, уральской домовой росписи, росписи тагильского подноса, валянию, изготовлению изделий из бересты, русской народной куклы и многое другое. Испытать свои силы можно было на аттракционе по чеканке демидовской монеты, а получить душевное и эстетическое удовольствие — от выступлений Уральского народного коллектива (Верхотурье) и перфоманса художника-абстракциониста Бориса Хохонова.

Ключевым событием Форума стало подписание Соглашения о сотрудничестве в сфере туризма. Бренд «Большой Урал» прирос еще одним участником —

Агентством Республики Коми по туризму. По словам Юлии Рыбаковой, подписание Соглашения открывает для республики перспективы для увеличения туристского потока и дополнительного позиционирования региона в рамках бренда, известного на российском и международном туристских рынках. Итог Международного форума «Большой Урал — 2014» — подписание Соглашения о сотрудничестве в сфере туризма и совместном продвижении бренда «Большой Урал» между уже девятью туристско-информационными организациями.

Второй Международный туристский Форум «Большой Урал — 2014» объединил представителей туристической отрасли и государственной власти, экспертов индустрии образовательного туризма, представителей СМИ для достижения общих целей — развития внутреннего и въездного туризма в регионах Урала, создания открытой профессиональной дискуссионной площадки для обмена опытом. **УГ**

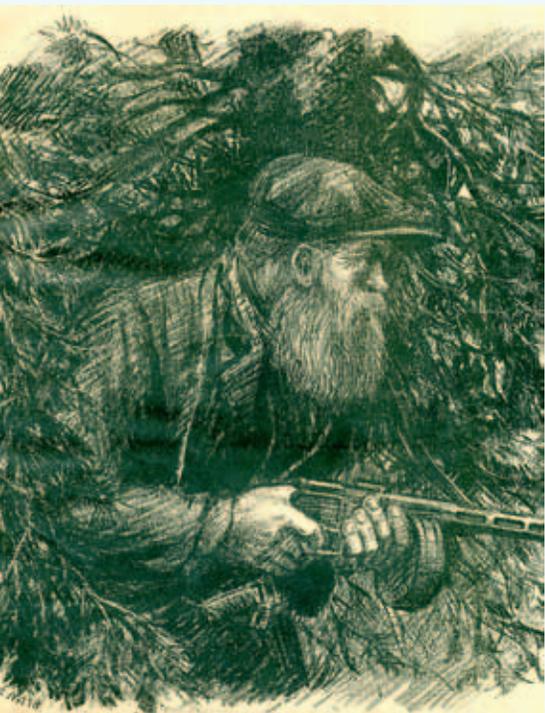
Центр развития туризма
Свердловской области,
Екатеринбург, ул. 8 Марта, 13,
телефон (343) 350-05-25.
Узнать больше о туризме
в Свердловской области
можно на сайте gotoural.com

Записки в дождливый день

Жизнь ленинградского художника в тыловом городе Кирове. Фрагменты

28 декабря 1942 года. Я приезжаю в город Киров с фронтовыми зарисовками партизан Северо-Западного фронта. С первых же дней начинается работа. Мне разрешают сделать серию автолитографий по зарисовкам. В Кирове я встречаю товарищей, которых провожал из Ленинграда в дни блокады в 1941 году — Евгения Чарушина и Рафаила Будилова.

В бывшем каретном сарае с односкатной крышей на улице Энгельса, 43 помещается Кировский областной союз советских художников. Скульптор Будилов лепит в этом бараке монумент товарища Сталина. Глина, 2,5 метра высоты.

Женя Чарушин живет с семьей в баньке на улице Степана Халтурина, 79, по соседству с домом врача Кузнецова. Русская печка в баньке расписана жар-птицами и красивыми яблоками. Это работа восьмилетнего Никиты Чарушина. В этой баньке собираются друзья Чарушина, чтобы скоротать вечер за беседой, побалагурить и хоть немного заглушить этим томительное и непреходящее ощущение голода. Иногда устраивается пир. На стол Наташа ставит противень с полутора десятками картошек, запеченных с кровяными котлетами. Кровяные котлеты Женя Чарушин получает как писатель с мясокомбината. Иногда кости для супа. Иногда так называемый хаш — бульон из костей. Его приносят

с мясокомбината в ведрах — это километра за два от города. Потом делят бульон по списку. Разливают на порции по горшочкам и кастрюлькам. Кировские художники не сумели добиться для себя такого снабжения. Оно кажется лакомством.

У Чарушина я встречаю старого знакомого — писателя Евгения Шварца. Знакомлюсь в баньке Чарушина с Леонидом Дьяконовым. Наташа рекомендует мне его как «сумашая».

Женя с первых же дней принимает во мне участие. Устраивает мне оплачиваемую работу. Вместе с ним мы выполняем маленькие военные литографии для календаря на 1943 год — издание Кировского областного издательства. Весной Женя берет меня к себе в помощники — расписывать рабочие столовые на КУГШО — завод № 266. Там нас подкармливают. Дают по два обеда — тарелка супа из зеленой капусты и репы и по куску холодной кровяной колбасы. Кажется, в течение года меню столовой ни разу не менялось. И все же эти обеда казались нам очень заманчивыми.

В первые же дни по приезду в Киров я был представлен председателю Кировского областного союза советских художников Михаилу Михайловичу Кошкину. Позже этот Кошкин доставил мне немало хлопот, так как стремился влиять на мою судьбу, на мою работу и жизнь, к сожалению, не положительно, а отрицательно.

С ленинградским художником Петром Ивановским я знакомлюсь в бараке на улице Энгельса. Он приехал из района, где жил с тестем, тещей, женой, своим хозяйством, то есть с коровой и огородом. Голод не коснулся его так, как коснулся нас, работавших в городе. В 1943 году Ивановский носил бороду. Черная борода и небесно-голубые глаза — вот первое впечатление.

В 1943 году Ивановский переехал из деревни в город Киров. Побрился, помолодел. Зимой 1943 года мы живем с ним в мастерской, в нашем ба-

Иллюстрации из фондов
Государственного архива
Кировской области

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Николай Быльев

Быльев-Протопопов, Николай Михайлович (псевдоним Быльев) (1907–1986), художник-график, архитектор, действительный член Академии художеств СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Сын М. Н. Протопопова (1859–1927) — севастопольского художника, фотографа, краеведа. Первый разработчик проекта поселка Амурской судостроительной верфи, возведенного на месте села Пермского и переименованного в декабре 1932 года в город Комсомольск-на-Амуре. Один из создателей и постоянных участников «Боевого карандаша» — уникального вида массового агитационного графического искусства, сочетавшего в себе черты плаката и народного лубка. Яркие и доходчивые листы «Боевого карандаша», создававшиеся в годы Великой Отечественной войны за одну ночь и печатавшиеся литографским способом, призывали к борьбе с врагом, клеймили трусов, прославляли подвиги героев фронта и тыла, вскрывали истинное лицо фашизма. Эмблемой издания, объединившего 28 «солдат пропаганды», стали палитра и винтовка с карандашом, направленные как штык.

раке. Тут же наша хозяйка, наша помощница — уборщица союза [художников. — Ред.] старушка Анисья Степановна Филимонова. Незабываемая Анисья. Анисья топит печи, ходит получать нам хлеб по карточкам, бережет наше добро. Мы, обосновавшиеся в бараке ленинградцы — Ивановский, Будилов и я, — привыкаем к Анисье, как к родному человеку. Когда Анисья уходит в субботу на воскресенье «навестить своих» куда-то на край города, в мастерской без нее кажется скучно и пусто. Спит она в мастерской, в темном углу за печкой. Тут и все ее хозяйство — сундучок, какие-то плоски, ветошь. «Лапотина» — так она называет одежду. Анисья недоедает, голодает, как и все мы. Варит себе похлебку из картофельной шелухи и угощает нас.

1 апреля 1943 года, по предложению председателя Ленинградского союза советских художников Владимира Серова, меня исключают из союза художников в Ленинграде за невозвращение в блокадный Ленинград после окончания командировки к партизанам. Сообщение об этом приходит в Кировский союз советских художников в сентябре 1943 года. Я апеллирую. Высылаю документы и справки, чтобы предоставить доказательства того, что я командирован с фронта в Киров, где и работаю. Два с половиной года, до весны 1946 года, все мои апелляции напрасны. Обстоятельства складываются в Кирове для меня очень тяжелые. (Все документы в рукописи есть. — А.Р.)

От всех неприятностей я ухожу в работу. Поселиться мне приходится в мастерской на улице Энгельса. Первое время сплю на столе. Потом сооружаю себе койку наподобие гамака. Натягиваю кусок гефера на старый подрамник. Под углы подрамника подставляются четыре старые, перемазанные масляной краской табуретки (мазки на табуретках принадлежат кисти немалого количества известных мастеров). Так и сплю в подрамнике. Прописывает меня в своем доме наша изумительная хозяйка — в другой части города на улице Дерендяева. Более двух лет она ежемесячно заверяет мне стандартные справки для получения хлебных карточек. В том доме я ни разу не ночевал.

Далее приводится перечень работ, выполненных Н. Быльевым-Протопоповым с июня по сентябрь 1943 года, в их числе: Эскиз для литья из металла, барельеф на доске соревнования литейного цеха завода № 266; Пейзажная роспись сцены клуба ЭГ-4088 (кулисы, занавес) маслом; Декорация сце-

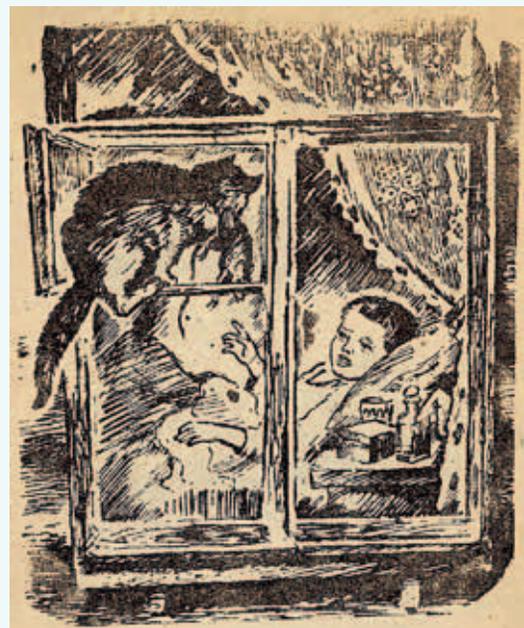
ны и настенный агитационный плакат по шпукатурке для фабрики «Красная Звезда»; Орнаментально-графическая роспись рабочей столовой завода № 266 (два зала). Совместно с Е.И. Чарушиным; Декоративный портрет для постановки пьесы «Генерал Брусилов» в Кировском драмтеатре.

Наблюдаем и обмениваемся мнениями о наших суждьях. Михаил Кошкин сдержан и молчалив. Это хорошо. Если он говорит, слово его пригибает к земле. Это не упрек Михаилу. Это объяснимо. Это отсутствие для члена совета, то есть «советывателя» мышления. Михаил привык мыслить административно. Вполне естественно, ведь такого рода мышлению он отдает почти все часы каждого дня своей жизни.

Чарушин — вдохновенный советчик. Его критика развивает мысль, заложенную автором в свое произведение, и окрыляет автора. Он подскажет всегда очень много замечательного и всегда в помощь автору, пусть даже перед ним вещи самого различного толка. Будь то скульптура Будилова, или пейзажи Князева, или игрушка дымковчан, или рисунки. Наш Женя мыслит поэтически, вдохновенно. Большую часть каждодневного времени, с утра до вечера, он мыслит именно таким образом.

Под руководством Чарушина я работаю на заводе № 266. Мы оформляем более 1000, а то и 2000 стен и потолков рабочих столовых завода. Роспись проводится из краскодува, аэрографически по трафаретам, которые Чарушин с ножницами в руках тут же импровизирует из синей светомаскировочной бумаги. (На самом деле, светокопировальной. — А.Р.) Мы изображаем цветы, листья, снопы, виноград, орнаменты.

Организатор и вдохновитель этой работы Исаак Рувимович Микулинский, начальник отдела капитального строительства завода № 266, мой ровесник. Хорошо этого парня мы узнаем позже, после того, как нам придется работать с ним и в 1944-м, и в 1945 годах. Не раз мы обижались на него, ссорились, ругались и расходились, но все же расстались друзьями, когда в начале 1946 года он уехал в Москву продолжать учебу. Микулинский — инженер-строитель и философ-марксист, доцент института Маркса-Энгельса-Ленина в Москве, коммунист. Человек чрезвычайно конструктивный, вся деятельность которого направлена на создание материальных ценностей для всех — для советских людей, для народа. Работает он бурно и страстно и считает все средства пригодными для разрешения поставленных задач. В этом отношении человек парадоксальный, фигура ско-

▲ Мой «доброжелатель»
Кошкин

Река времени

рее отрицательная, чем положительная. Карьерист. Беззастенчив. Хамоват с зависящими от него людьми. Хамство он называет «применением санкций». Хамит он остроумно и весело, с шутками. Обещает без обязательств сдерживать свое слово. Любит манить пряниками. Заказывает, вопреки имеющимся кредитам в банке и статьям смет, с уверенностью, что авось да как-нибудь выкрутится. Подолгу задерживает зарплату. Расплачивается с одними за счет других, комбинируя. Не одно, а порядочно отрицательных черт. Но итог парадоксальный. Благодаря смелости

и энергии этого человека город Киров получил асфальтированную троллейбусную дорогу от завода № 266 до Театральной площади в 1944 году. Рабочие завода получили несколько первоклассно отделанных столовых, с росписью стен и потолков, точно рестораны. Скульптор Будилов отливает по его заказу из диораломиния статую маршала Сталина, которая устанавливается в виде памятника на площади перед заводом № 266.

В Кирове сооружается хорошее здание авиационного техникума, начато строительство нового театра на 700 мест в районе города, где расположен завод № 266. И все это в хорошем архитектурном стиле — с колоннами, капителями, гипсовыми карнизами в помещениях, с оформлением залов скульптурой и масляной живописью. Кировчане не знают другого строительства такого размаха и вкуса.

Будилов, перебравшись в начале 1945 года в Ленинград, летом по вызову Микулинского приезжает в Киров, чтобы создать скульптурное оформление для строящегося театра. Евгений Чарушин расписывает до 500 квадратных метров стен в призаводском детском саду. Работа эта получила известность в Москве. За эту работу Чарушина представили на соискание Сталинской премии в 1945 году. А Микулинский так и обманул Чарушина в какой-то части своих обещаний. За одну из исполненных Чарушиным для завода работ он так и не доставил ему дрова.

По ассоциации с Микулинским возникает в представлении фигура другого администратора, тоже призванного создавать реальные материальные ценности — Михаила Кошкина. Здесь тоже есть свой парадокс. У Михаила все как будто бы обосновано, формально правильно, разумно и логично. Нет в манере работать ничего, к чему можно было бы придаться. А в итоге — почти полное отсутствие результата. Возможности, предоставленные ему, не используются, дела мертвы. Собственная работа как скульптора — близка к нулю. Как директор музея, он не приобретает работ художников-кировчан. Не собраны работы Чарушина, исполненные этим замечательным художником в Кирове в годы войны. А музей мог бы иметь коллекцию всех работ Чарушина. Музейная библиотека остается все время закрытой для художников, так как в уставах не записано, что библиотеку музея можно организовать таким образом, чтобы ею могли пользоваться художники и обогащать свой творческий опыт. Коллектив художников не сцементирован. Наоборот, издивением самого руководителя кол-

лектив разрушается из-за склок, травли того или другого художника, при отсутствии творческого содружества. Этот человек, каким бы смиренным и приличным он не казался внешне, навсегда опозорил себя как товарищ, которому доверили возглавлять коллектив людей творческого труда. Лицемерию научила его собственная жизнь. Он поочередно был в неприятных, натянутых отношениях со всеми своими земляками-художниками. С одними раньше, с другими позднее.

В годы войны для этого человека, ни разу не слышавшего, даже отдаленно, разрыва авиабомбы, оказался, по стечению обстоятельств, объектом для травли и я, приехавший из Ленинграда Быльев, бывший дистрофик, смертник, ускользнувший от смерти. Было время, когда мои товарищи по блокаде, ленинградские художники, мысленно уже попрощались со мной. К их удовольствию, я опроверг их печальное предположение. Выжил. И вот в Кирове надо мной начинает довлеть злая воля человека, никогда ранее не знавшего меня. По малейшему поводу или без всякого повода мне приходится испытывать его злонамеренность. Однажды, не выдержав, я замахнулся на него, но отдумал ударить.

Весной 1944 года мы сооружаем Дом пионеров. Чарушин расписывает фойе — панно на сказочные темы. Живописцы пишут вставки на стены зрительного зала. Мне поручено две рабо-

ты: панно «Битва доисторических зверей» и панно «Будущее». Будиллов лепит пионерку со знаменем на пилон перед входом в Дом пионеров, военные барельефы над дверьми, конные скульптуры в фойе — Богатыря и Чапаева. Работа развернулась напористая. Замышляли, набрасывали проекты коллективно.

Замечательна работа Евгения Ивановича Чарушина по росписи фойе Дома пионеров. Евгений Чарушин, по существу, открывший возможности аэрографической техники для создания больших панно и настенной живописи (своеобразные фрески) очень увлекается малярным аэрографом. Он расписывает им столовые завода № 266, фойе Дома пионеров, затем детсад завода (свыше 500 квадратных метров росписей на сказочные сюжеты). Замечательная по технике и красивая работа. В этот период он расписывает со свойственным ему вдохновением все, что попадает по руку (портсигар, подносы, косянки, шкатулки). Даже обычный граненый стакан превращает в художественное произведение, напоминающее художественное венецианское стекло. В течение месяца он не может отмыть свои руки от въевшейся нитрокраски. Однажды, в гостях у Евгения Шварца, он предложил хозяину расписать что-нибудь ему на память: «Женя, дай я что-

нибудь тебе выкрашу». Шварц ответил: «Пожалуйста, выкраси свои руки в телесный цвет».

У Чарушина.

«Наталочка, я умылся. Чем можно вытереть руки, где полотенце?»

— А вот на шкафу Женькины подштанники. Это у нас вместо полотенца. Ты не смотри — они чистые, только старенькие. Руки вытри о концы.

— А физио?

— А физио можешь о середину вытереть».

В дождливые дни Анисья, бывало, подсаживается к моим козлам, за которыми я работаю на большой доске, и начинает вспоминать о своей жизни, рассказывать мне немудреные истории. Она у нас незамужняя. И никогда не была. Девушка. Самый большой грех, который случился с ней в жизни, это когда она служила в прислугах у товарища прокурора. К ней на кухню зашел солдат и взял ее за грудки. Солдат тут же получил оплеуху. Грешней этого с ней ничего не случилось. Исповедаться ей больше не в чем.

Иной раз взглянешь на Анисью — в чем душа? Питание никакое. А поди лет сто назад ела пироги рыбные да мясные с требухой.

«Что, Анисьюшка, пригорюнилась?»

— Хлеб заела вперед за три дня...».

В эту минуту я зарисовал Анисью. Я повторил позже рисунок в автолито-

графии — в эстампе «Дед, баба и курочка Ряба».

Что я думаю о ремесле художника. Мне вспоминаются дни блокады в Ленинграде в 1941 году. Художники были единственными, кто до последних минут жизни мог не терять и не терять свое особое отношение к окружающему, не утрачивал своего художественного мышления, оставался художником. Писатели этого не могли. Не хватало сил сосредотачиваться и конструировать мысли и слова, строить художественное произведение. Композиторы не писали, подавленные дистрофией. Софроницкий и Шостакович работали в особых условиях — в бомбоубежище, в подвале здания Александринского театра, куда не проникали звуки выстрелов и бомбардировок. Художники выходили на улицу. Пожар. Художник наблюдал характер и цвет дыма, пламени, неба, горящих зданий. И стремился воспроизводить виденное. Мертвец, оставленный на площади. Художник наблюдал отношения в цвете — одеяла, в котором завернут мертвец, к вечернему синему снегу. Многие стремились создавать свои картины непосредственно с натуры. Кажется, Левитан был первым русским художником, который стал работать таким образом. Он показал нам, что писать с натуры картину — хорошо.

Дирекция кинотеатра «Октябрь» в декабре 1943 года должна была «спасти» неизрасходованные за год деньги на украшение фойе. Подворачиваюсь я. Мне выплачивают авансом 12.000 рублей за панно и росписи сцены, которые я обязуюсь выполнить к марту 1944 года. Начинается трагикомическая история моей работы над картиной «Партизанка». Выполнение мною заказа затягивается почти на два года. Это дало предлог для длительной и очень раздутой интриги, которой развлекался мой друг Кошкин.

Началось с того, что заказчик сильно запоздал с предоставлением мне холста и подрамников для панно, что полагалось по договору. Я получил их только в апреле 1944 года. Но уже в марте председатель исключил меня из Кировского союза советских художников за то, что я не закончил всю работу к февралю. Правда, в августе 1944 года я был восстановлен при энергичной поддержке со стороны Будилова и Чарушина. Свое право я доказывал работами.

В нашем бывшем каретном сарае на улице Энгельса, 43 я занимаю среднее, наиболее благоустроенное помещение. Свою мастерскую я сам отремонтировал и отопляю. Мы живем в ней с Анисьей. Я спешно заканчиваю полотно «Партизанка» (холст, масло, 2х3 метра), которое хочу показать на традиционной выставке союза в дни октябрьской годовщины. Для картины мне позирует актриса Столова. Михаил Кошкин заглядывает ко мне во время сеансов и вслух удивляется моему рвению. Он советует мне не торопиться с окончанием этой работы к празднику. Не лучше ли мне все свое время отдать оформлению города?

Не лучше ли сходить на рыночную площадь да проверить, как там идут дела? Эта точка находится под моим наблюдением. И все же я заканчиваю свое полотно.

Филипп Пестов помогает мне отнести картину на выставку в Дом офицеров. Идет монтаж. Руководит Алеша Князев. Художники заняты экспозицией своих работ. Все делают вид будто не замечают, что в зал внесен большой холст, 2х3 метра. Потом Князев говорит мне: «Кошкин распорядился не принимать твою картину. Выставлять ее не будем».

Я начинаю кипеть. Приходит Михаил. Он приглашает меня присесть в кресло, садится рядом, и мы начинаем ворковать, как самые милые друзья. Михаил говорит мне: «Видишь ли, наша выставка в этом году, надо прямо сказать, неважная. Тематически она не на высоте. Одни пейзажики да натюрморты. Уже идут об этом разговоры, а откроем выставку — таких разговоров будет еще больше. Твоя «Партизанка» вещь, во-первых, тематическая, и этим бьет все работы. Во-вторых, большая по размерам. И этим убьет все работы. 60% внима-

ния посетителей выставки, естественно, обратится к твоей картине. Написана же она декоративно, не как картина. Если бы художники захотели, они могли бы навести достаточную критику на эту твою работу. И вот мой тебе совет: если ты не хочешь всем своим товарищам оказать медвежью услугу, то не выставляй свою «Партизанку», а лучше отдай ее заказчику. Пусть она будет выставлена в другом месте — в фойе кинотеатра. Народу там посмотрит эту картину больше, чем на нашей выставке. Потом Михаил добавил: «Я знаю, что ты любишь советоваться в отделе искусств и в отделе агитации обкома партии. Так ты лучше не передавай там этот разговор. Там могут не так понять». И все же я должен был по-

советоваться по поводу этого своеобразного разговора. Я поговорил с секретарем парторганизации Вадимом Черемовским. «Партизанка» была оставлена на выставке.

Парторганизация работников искусств выставила мою кандидатуру в числе представляемых к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Моя кандидатура была отведена из-за истории с работой над «Партизанкой». Уж слишком громкую известность получила эта история. Кошкин, конечно, получил эту медаль.

Чего так не хватало мне все эти годы в среде моих товарищей, художников-кировчан, я нашел у кировских писателей — творческое содружество. Когда я бывал с ними, я всегда отдыхал от забот, не относящихся к искусству. И как о своих лучших друзьях вспоминаю о Леониде Дьяконове, Алексее Мильчакове, Николае Васеневе, Борисе Порфирьеве, Владиславе За-

болотском. В 1946 году, при творческой помощи этих товарищей, выпускаются кировским издательством два моих сборника: «Рассказы о Кирове» и «Рассказы про ребят».

После того, как Ленинградский союз восстановил меня, Москва присылает подтверждение моего членства по Кировскому союзу. Наконец-то эти мытарства окончены.

Будучи в Ленинграде, я отчитывался в Ленинградском союзе своими работами, исполненными в городе Кирове. После моей недельной выставки правление Ленинградского союза приняло единогласно меня в члены Ленинградского союза советских художников по секции графики.

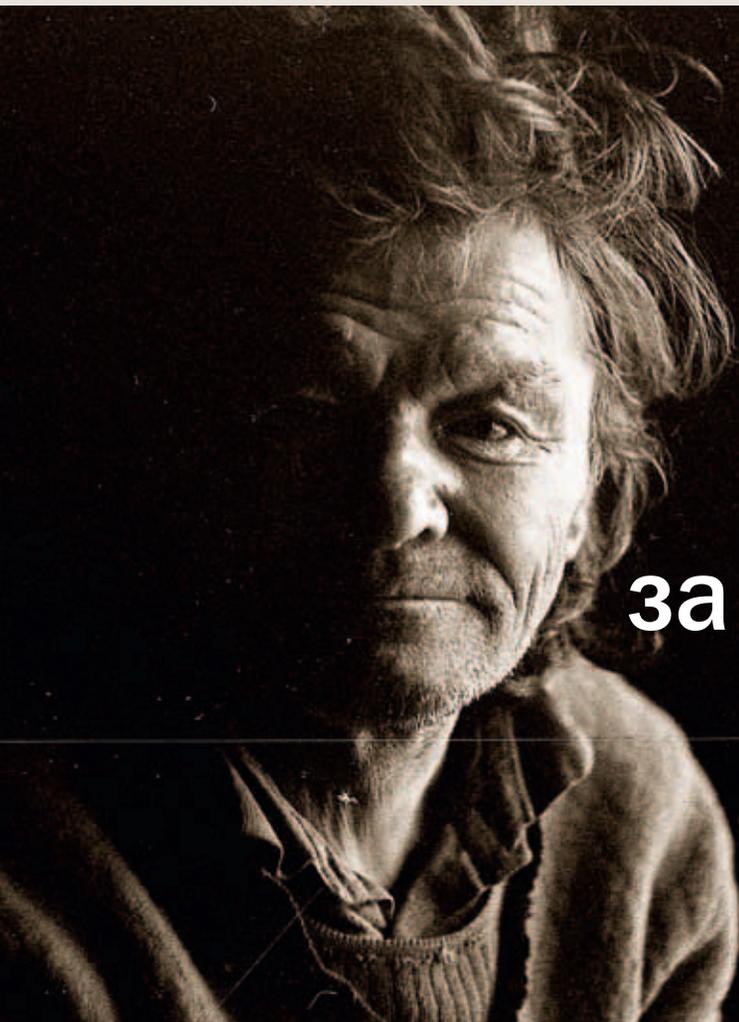
Я имею право гордиться. Ленинградские художники-графики — ведущие художники в Советском Союзе. Они широко известны и за рубежом. Таким образом, я зачислен в гвардейскую часть.

Хорошо, если «Записки в дождливый день» смогут развлечь кого-то или даже пригодиться. Если не так, то они будут выброшены и позабыты как ненужные архивные бумаги. Писал я без правок, непосредственно. Значит — предвзято. Но факты — вещь упрямая.

*Публикация
Александра Раиковского.*

От редакции: «Записки в дождливый день» много потеряли от сокращений, вызванных форматом журнальной публикации. Надеемся, что в будущем они выйдут в свет в своем полном объеме. Текст хранится в Кировском краеведческом музее. ☞

Иллюстрации предоставлены автором

Экспедиция за мансийскими нартами

◀ Сергей Савельевич Бахтияров, оленевод, последний мансиец в североуральском районе (фото В. Муканова)

Продолжение экспедиции.

Начало читайте в номере 4 за 2014 год.

Утро. Мы идем к подножию

Мы устраиваемся в отведенной специально для нас дальней комнате и идем осматриваться. Пока все остальное «общежитие» досыпает и умывается, успеваем приготовить свой завтрак и лечь передохнуть.

Через три часа подъем и лыжная разведка восточного склона. Отдыхающих на базе много. Правда, к вечеру уезжает домой группа коллег-врачей из Североуральска, которая проводила здесь корпоративный праздник. Остаются несколько человек со снегоходами и мы.

Перед нами во всей красе кусочек ГлавУрала. Погода — радость. На небе небольшие облака, подсвеченные скудным морозным солнышком, контурируют с белоснежным покрывалом гор. Ветра нет ни здесь, в долине, ни там, наверху.

Зацепив туристические лыжи, мы выходим к подножию. Наша задача — посмотреть склон и предполагаемый путь, так чтобы завтра потратить меньше времени на подъем. Восточный

склон в этом месте достаточно крутой, поэтому нам необходимо решить, как проще пройти.

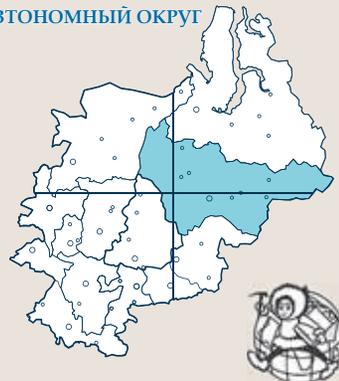
Дорога от базы хорошо наезжена — чувствуется, что на снегоходах здесь гоняют постоянно. Наш путь недолог, мы принаравливаемся. Вскоре за очередным поворотом лес заканчивается и сразу же начинается подъем. Склон у подножья весь изъезжен. Нам приходится идти по стыку целины и трассы. Подымаемся на несколько «ступеней». Внизу снег на склоне есть, но потом замечаешь, что выше его очень немного — в основном тонкий наст. И удерживаться на нем не так-то легко. Да, задачка.

Решаем, что завтра нам придется выйти как можно раньше, чтобы преодолеть непростой подъем.

Возвращаемся обратно. У подножья показывается снежный домик-землянка, построенный туристами. Он очень напоминает небольшую пещерку, куда можно попасть только ползком.

Настроение у нас превосходное, да и природа вокруг радует глаз: царственно возвышается хребет с белыми шапками и яркий закат.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Алексей Слепухин

Путешественник, врач, действительный член Русского географического общества, победитель конкурса «Многоликая Россия — 2010».

Уральский следопыт, май 2014

Вечер проходит в обсуждениях, обмене впечатлениями и подготовке к завтрашнему переходу.

Ложась спать, я вспоминаю все, что узнал за прошедшие годы исследований про Сергея Савельевича Бахтиярова.

Последний манси Североуральского района

Дело в том, что с последним манси Североуральского района нам довелось познакомиться лишь на последнем его жизненном этапе. Это случилось в холодный, пронизывающий ветрами, туманной изморозью и низкими температурами февраль 2005 года. Мы завершали свое пребывание во время очередной экспедиционной вылазки к манси на Северный Урал. Тогда и узнали необычную новость: мэр села Всеволодо-Благодатское Сергей Александрович Петров во время декабрьских холодов подобрал на дороге замерзающего Сергея Савельевича Бахтиярова. Он — «последний из могикан». Никаких других манси в этом уголке Северного Урала давно уже нет...

Поскольку у мансийца не оказалось при себе ни ружья, ни ножа, ни даже спичек, то велика вероятность, что он мог замерзнуть в этот суровый предновогодний период. К тому же, выяснилось, что мансиец «слегка не в себе» — плохо отражал действительность. Для того чтобы как-то помочь ему, оставшемуся без крыши над головой (об этом отдельный разговор) и должного ухода, его поместили в небольшую больницу (приют для престарелых) в поселке Калья. Там-то мы его и нашли.

Чтобы встреча состоялась и старый манси согласился с нами поговорить, попросили давнего знакомого Вячеслава Соловьева съездить с нами. Дело в том, что Вячеслав долгое время работал вместе с Сергеем Савельевичем с оленьим стадом в Госпромхозе в поселке Сольва у подножья горного узла Денежкин Камень. Вячеслав много нам рассказывал о работе в ста-

▶ Встреча с С.С. Бахтияровым (фото А. Слепухина)

де, делился воспоминаниями о давнем друге-мансийце. Впечатление от нашего посещения и знакомства с Сергеем Бахтияровым осталось удручающим. Старый, пожилой человек оказался никому не нужным на закате своих лет. Все время порывался куда-то идти. С трудом, но узнал Вячеслава и даже немного разговорился. Эта короткая беседа повергла нас в уныние. Впечатление наше усилилось еще и от скудной и невеселой обстановки самого Кальинского приюта для престарелых.

Сведения о Сергее Савельевиче пришлось собирать по крупицам. Благодаря нескольким источникам нам удалось кое-что из его жизни восстановить. Он из древнего рода Бахтияровых, пришедших с Вишеры. Сергей родился в поселке Вижай. О его семье известно очень немного. Мы можем лишь упомянуть старшего брата Прокопия, судьба которого сложилась трагично. По воспоминаниям нескольких человек (в их числе и Сергей Александрович Петров), Прокопий был заносчи-

вым и взбалмошным человеком. Как и Сергей, долго работал в оленьем стаде, но жизнь его оборвалась еще в молодые годы: погиб во время какой-то потасовки в одной из лесных избушек. Сохранилась лишь одна фотография (автор С.А. Петров) во время его интервью корреспонденту журнала «Знание — сила».

Сергей Савельевич прибывает, как и другие мансийцы (друг детства Яким Якимович Бахтияров с женой Ниной, брат Прокопий Савельевич, мансиец Евгений Николаевич Фадеев), в Сольву, куда его зовут поработать в оленьем стаде. С ним из Вижы приезжает и жена Галина Александровна, молоденькая мансийка. О ней информации почти нет: родом из того же поселка; закончила шесть классов в Бурмантовском интернате.

Во время своей экспедиции в поселок Сольва всех, кто работал с оленьим стадом, снимал фотокор газеты «Уральский рабочий» Вячеслав Михайлович Ветлугин (с его фотоархивом и экспедиционным дневником нам удалось поработать). Среди них была и семья Сергея Савельевича.

На замечательных черно-белых фото мансийцы заняты делом: кастлюют стадо на Еловский увал, общаются с оленями, прививают их — в общем, картины настоящей жизни. А еще уникальные семейные кадры: здесь и зарисовки Нины, жены Якима Бахтиярова,

◀ Галина Бахтиярова с сынишкой Яшей — замечательный, теплый и радостный фотопортрет мансийки (фото В.М. Ветлугина)

▲ Лямпинская избушка. Завалило снегом так, что долго приходится расчищать, прежде чем попасть вовнутрь ее

с маленькими Гришей и Аней, и потрясающие портреты Гали Бахтияровой, супруги Сергея Бахтиярова. На них она с двухлетним сынишкой Яшей. Нас поразило лицо Гали: живое, полное неподдельных чувств, с забавной мимикой. У Вячеслава Михайловича получилась даже целая серия этих уникальных снимков-портретов.

В семье у Сергея Савельевича родятся еще трое сыновей — Савелий, Мартин и Алексей. К сожалению, Галина в конце 70-х годов (неточная дата) умирает. Поскольку отец вынужден постоянно находиться в стаде, всех ребятшек передают в интернат. Судьба у каждого из них складывается по-разному. Мартин жил в Каменске-Уральском, но уже умер. О Савелее найти хоть каких-то сведений нам не удалось. А вот следы Алексея затерялись в Туринской Слободе.

Более точные сведения есть только о Якове. Он проживает в Краснотурьинске. После выписки отца из больницы в поселке Каляя именно Яков перевез отца в деревушку Баяновку к знакомому, где и прожил последние месяцы Сергей Савельевич.

Мансиец не нажил какого-то добра, даже дома своего толком не было. Все время находился с оленями, как настоящий манси-оленьевод. После распада Госпромхоза оленье стадо разделили между двумя «старожилами»: между Митрофаном Александровичем Хозяиновым (до сих пор проживает во Всеволодо-Благодатском) и Сергеем Савельевичем Бахтияровым. Оленей довольно быстро съели, поменяли, растеряли. Лишь Бахтияров еще долгое время каслал со своим небольшим стадом.

Но, видимо, наступила пора, когда и он уже не смог удержаться в ритме этой кочевой жизни.

Зато нам повезло ранним летом кормить домашних олешек на хребте Кваркуш, куда их гонял старый манси. Они с большим удовольствием брали у нас из рук вкусный белый хлеб — настоящее лакомство для них.

А позднее во время другой экспедиции на хребте возле речки Лямпы у избушки наша группа обнаруживает нарты, остатки упряжи — никому не нужные атрибуты кочевой жизни с оленями.

▲ Наша цель — запорошенные мансийские нарты — словно ждет нас (фото А. Слепухина)

Так закончилась история Сергея Савельевича Бахтиярова. Если повезет, то нам удастся восстановить еще какие-то эпизоды из жизни последнего мансийца Североуральского района.

Ранний подъем

Утром 9 января мы встаем рано. Быстро завтракаем, собираемся и выходим. Только Султанч опять чего-то задерживается.

Государственное унитарное предприятие санаторий «Карагай» Республики Башкортостан

Основан в 1969 году

В живописном месте на берегу чистой горной реки Ик, в 300 км от городов Уфа, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, в сосновом бору расположилась одна из лучших здравниц Республики Башкортостан - санаторий «Карагай». Великолепные вековые сосны и журчание реки создают атмосферу уюта и покоя. Сегодня санаторий «Карагай» является центром, предоставляющим многосторонние услуги по оздоровлению и восстановлению здоровья. Природные факторы как сапропелевая грязь озера Культубак, минеральная вода «Карагай» и хвойный воздух способствуют лечению заболеваний опорно-двигательного аппарата, органов дыхания и пищеварения, нервной системы, кожи и подкожной клетчатки, гинекологии и урологии.

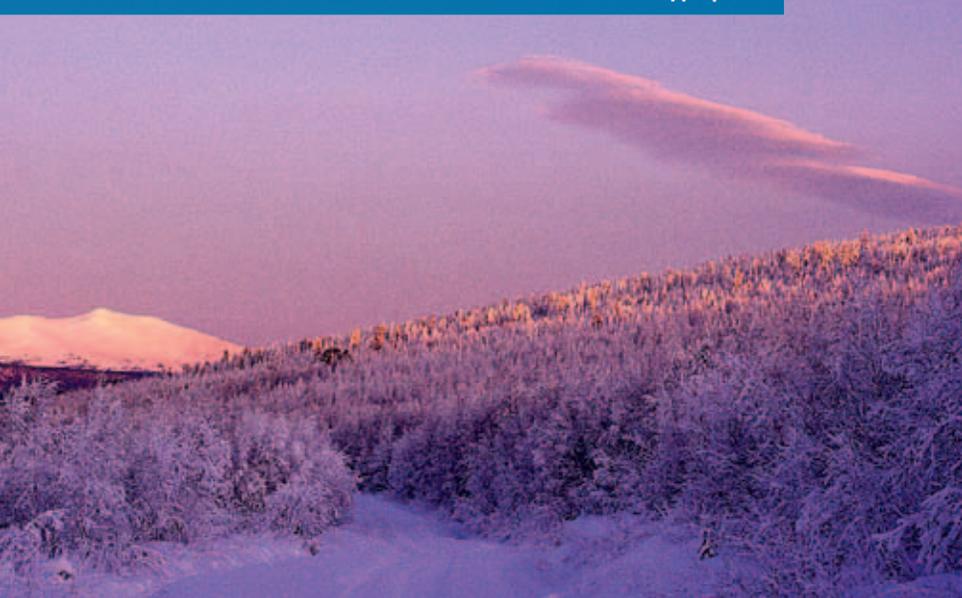
К услугам отдыхающих лодки и катамараны, рыболовные снасти, ролики и велосипеды, пляж, бассейн, теннисный корт, волейбольная площадка, бильярд, библиотека, кинозал, компьютерный зал, Wi-Fi, киноконцертный зал, детская комната с воспитателем, детская площадка и т.д.

Прекрасное место для семейного отдыха!

Республика Башкортостан, Мечетлинский район, с.Большеустыкинское, ул. Курортная, 90
тел. (34770) **2-08-52, 2-08-49, 8-800-100-93-89** - звонок по России бесплатный

www.karagay.ru

▲ Горы ГлавУрала
в безмятежной розовой дымке
(фото А. Слепухина)

Сумрачно. Но даже в эти утренние часы видно, что над хребтом ветер гоняет тучи. И сюда, в долину, прорываются его порывы. Что же там, наверху?

Делать нечего — выходим. Пока пробираемся через последний участок леса, светает. Здесь, внизу, чувствуется, что на самом хребте царствует непогода. Мы лезем наверх. Вскоре понимаем, что попали в непростую ситуацию: ветер сумасшедший, удерживаться на крутом склоне очень непросто. Подымаемся наверх, стараясь обойти ложбинки, на верхний козырек которых при таком ветре забраться просто нереально. Приходится все время выискивать удобный путь. А ветер словно взбесился! Его порывы — это постоянные толчки, под которыми удержаться все труднее. К тому же, склон представляет собой одну сплошную тонкую ледяшку. Лыжи постоянно соскальзывают, палки невозможно воткнуть в наст, а ветер так и норовит свалить тебя. В общем, подъем превращается просто в кошмар. Если ты подскользываешься и падаешь, то под таким напором ветра встать обратно на лыжах — задача очень непростая. Мешает тяжелый рюкзак (взяли с собой снаряжения и продуктов минимум на три дня, так как никто не знает, что может случиться!) и скользкий наст. Палки в такой ситуации помогают совсем слабо. Сбиваемся в кучку — идем гуськом втроем. Лишь Сережа ниже нас метров на двадцать пытается идти своим путем. И зря. Вот ветер вырывает у него из рук варежку и уносит вниз по склону. Султанч сбрасывает рюкзак и лыжи пытается догнать потерю.

▶ Робкое солнце над хребтом

Мы же стоим на склоне, ожидая развязки его погони за варежкой, под постоянным давлением ветра. Холод пронизывает нас. Пока идешь по этому склону навстречу почти ураганному ветру, еще согреваешься, но чуть остановился — холодно. Моментально обмерзает лицо — капюшон анорака совсем не спасает.

Видимость упала до 5–7 метров. В округе нашей маленькой группе, стоящей на крохотной ступеньке обрывистого склона, виден лишь постоянно летящий навстречу колкий снег. Пытаюсь сориентироваться. Карта в этом случае помогает мало. GPS-навигатор выдает только приблизительное положение — погрешность огромная: то 36 метров, то 49! Да и показания альтиметра все время разнятся. Куда идти — совсем непонятно. Куда-то наверх...

Где-то он, намеченный нами перевал?

Сережа наконец догоняет нас, и мы начинаем двигаться все вме-

сте. Если падаешь, поскользнувшись на насте, то подняться из-за шквального ветра одному совсем непросто — помогают другие.

Бредем, обходя снова какую-то коварную ложбинку. Остановка. Совещаемся. Ощущение, что сбились с намеченного маршрута, уходя все южнее. Так нам придется делать очень приличный крюк. При таких погодных условиях любая задержка и лишние сто метров могут сыграть очень злую шутку. Потеряться, конечно, не потеряемся, но выдохнуться в такой ситуации — легко.

По показаниям GPS-навигатора, до вершины хребта остаются какие-то 100–110 метров. Приблизительно, конечно. Наш подъем длится уже 3,5 часа, приходится забирать все впра-

во, но куда именно выйдем, не знаем.

Еще через час подобного сопротивления со снежной бурей мы наконец-то выходим на южный склон и начинаем медленно продвигаться в западном направлении. Теперь становится понятным, где мы примерно находимся. Обходя ложбины, мы сбились с пути.

Ветер восточный склон отшлифовал настолько, что по нему катиться приходится с огромной опаской — удержаться совсем непросто. Мы с Алексеем, перекинув ветер, во время небольшой остановки делимся мыслью, что даже нам, крупным мужчинам с рюкзаками за плечами, тяжело под порывами такого ветра. Как же непросто приходится легким Тане с Сергеем! Но делать нечего — нужно выбираться из этой снежной бури.

Еще минут через сорок мы преодолеваем опасный участок. Видимость немного улучшается — становится видно, что мы почти на перевале, у северного склона Сосьвинско-

го Камня. Значит, мы все-таки сделали крюк, потеряв в снежной буре направление на избушку. Но, возможно, это был не самый плохой вариант. Да, мы потеряли время, прошли большой путь, но зато обошли бурю на крутом участке хребта.

Буквально через полчаса мы замечаем первые ели на западном склоне. Все, скоро нам станет полегче. И вправду, достигнув кромки леса, мы попадаем под его защиту. Видимость не лучше, но зато порывы ветра ослабевают. Мы облегченно вздыхаем. Остается докатиться лишь до заснеженной Лямпы и найти на ее левобережье избушку. А это уже просто.

Здесь очень красиво. Ели с огромными шапками и лапами снега окружают нас. Хоть каких-то следов пребывания человека здесь до нас нет. Ощущения первозданности природы не оставляют нас до самой избушки. Ходьба по такому лесу также не проста — снега здесь в разы больше, чем на восточном склоне, но зато нет ветра.

Вскоре мы выкатываем на открытую площадку — где-то здесь должна быть избушка. А, вот и она. Виден небольшой кусочек ее передней части посреди снежной равнины. Ура! Наконец-то мы у цели.

Подкатываем к речке, аккуратно соскальзываем с берега на берег — вот и все. Первым делом иду смотреть на нарты. Да, вот и они стоят себе, запорошенные и прислоненные к краю крыши. Никому не нужные, кроме нас. Значит, мы шли, преодолевая грозную снежную бурю, не зря!

А сейчас, сейчас нужно позаботиться о нас самих. Откапываем вход, забираемся в избушку, оцениваем ее состояние. Здесь до нас жили и совсем недавно. Все хорошо. В избушке есть немного дров — молодцы туристы. Оставили запас тем, кто придет после них, т.е. для нас.

Пока светло, отправляемся рубить дрова. Сережа в сумерках наступающего вечера легко находит нужную сухару, словно чувствует, где она дожидается нас. Вывозим на плечах небольшие «карандаши» — остальное напилим у избушки. Пока мы возимся с дровами, Татьяна хлопчет внутри избы. Еще через час-полтора небольшое строение прогревается и мы забираемся вовнутрь, смакуя ее тепло после тяжелого экстремального дня. После долгожданного ужина и тепла мы обсуждаем все сегодняшние переживания. Только удобно устроившись, мы начинаем всерьез осознавать, насколько непростая была сегодня ситуация. Весь несложный при нормальной погоде подъем занял у нас больше шести часов шлос переход по лесу за-

падного склона до лямпинской избушки за час с небольшим.

В сумерках выхожу наружу вдохнуть свежего воздуха. Южнее избушки виднеется вершина Сосьвинского Камня, над которой продолжает бурлить снежный вихрь, но нас это уже не заботит. Обсуждаем лишь вопросы мансийской ворги да мысли о завтрашнем подъеме на хребет нарты.

На ночь в стаканчик налили спирта — задобрили духов, чтобы дали хорошей погоды и пропустили нас с нартами, в общем, попросили легкого пути.

Кочевые пути древних народов

Совсем не секрет, что древние уральские племена, и вслед за ними и мансийцы, кочевали по траверсу хребта. Так удобнее и быстрее. Эти пути были разведаны давно — по ним прошло огромное количество людей, о чем остается только догадываться. Современным мансийцам в наследие достался огромный «багаж знаний» об этой территории. И неслучайно, что они прекрасно знали и легко ориентировались в наших горах.

Лямпинская избушка — проходная на ворг. Издавна мансийцы каслали (гоняли) свои олених стада по этому пути. Здесь же на хребте выбирали удобные места для стоянок, обустривая их и устанавливая избы, как научили русские переселенцы. Вот поэтому часть избушек и сохранилась до наших дней.

Сергей Савельевич Бахтияров был последним хозяином небольшого оленьего стада, доставшегося ему после распада Госпромхоза в поселке Сольва. По сложившейся традиции он и ходил со своими оленками по давно знакомой горной тропе. На ней же было несколько удобных изб, в которых хорошо было останавливаться. Сколько их было, какие из них обустроивал сам Сергей Савельевич, мы не смогли разузнать — времени прошло очень много. Однако мы наверняка знаем, что последние две живые избушки на Глав-Урале, в которые по настоящий момент ходят туристы (в истоке Малой Лямпы и возле Ходового перевала), использовались и Сергеем Савельевичем.

От лямпинской избушки до хребта Кваркуш (излюбленного места выпаса оленьих стад мансийцев) всего один переход. В июне 2005 года одна из наших групп кормила белым хлебом (лакомство!) оленей из стада Сергея Бах-

тиярова. Но его самого там, на Кваркуше, уже не было. Видимо, последней остановкой для интересующей нас нарты, а также и оленьей упряжи небольшого стада, и стала лямпинская избушка.

Нас встречает кедр

Утро третьих суток застало нас уже в пути. Рано встав и позавтракав, мы начали собираться в путь. Сборы коротки. Уложили свои рюкзаки, запасли дрова в избушку, прибрались и стали готовить нарты.

Из стаканчика исчез весь спирт. Выдохнуться за короткий промежуток он не мог (мы не пожалели горячительного напитка), а потому мы и решили, что наше приношение принято!

На полозья нарт привязали куски пластиковой полосы, чтобы они легче скользили. Привязали веревку и решили тянуть с ее помощью саней. Но уже через четыреста метров выдохлись — эффект совсем не тот. Много тратится сил, а нарта движется медленно. И как ее тащили бедные олени? Мы сами проваливаемся в пухлый снег, тянуть веревку, перекинутую через плечо, тяжело и неэффективно.

Остановились. Пока передыхали, решили попробовать другой способ. Один уходит вперед, максимально расправляя веревку, двое вытягивают нарты, последний толкает ее сзади.

► Тяжелый подъем нартов «в горку» (фото А. Слепухина)

Моток веревки решили не делить и привязали целиком. Таким образом, впереди идущий постоянно находился от пары спутников метрах в двадцати, плюс метров десять до самих нарт. Так образовался караван из четырех лыжников и нартгы посредине. Поначалу нам было непривычно, но уже через полчаса мы приноровились, стало хоть и жарковато, зато удобно.

Через два часа мы почти вытянули нартгы из леса. Западный склон хребта в этом месте более пологий, лесополоса поднимается довольно высоко к перевалу. Оставалось не так уж и много. Весь наш маленький коллектив отметил, что погода нас сегодня жалует. Хоть и прохладно, но без ветра. Бури-то не было...

Передохнув в зоне последних елей, мы приготовились к последнему броску. Нам надо забраться на сам хребет. Эти последние пятьсот метров нам дались гораздо сложнее. Склон стал более крутым, снег очень плотный, его мало, под ногами опять наст. Подымаемся сами, потом немного фиксируем себя, чтобы не съехать, и лишь после этого за-таскиваем нартгы. Конечно, подустали.

Зато какое мы испытали чувство облегчения, когда поднялись на хребет. Здесь, наверху, нас встретил небольшой кедр высотой всего сантиметров пятнадцать, с трудом уцепившийся за каменистый покров и робко выглядывающий из-под жесткого наста. Ох, как ему здесь непросто...

Да и нам не очень понравился этот наст — он так сильно поранил наши лыжи за этот короткий поход, что их измочаленный вид говорил сам за себя. Нелегко им пришлось...

Ну и ветер быстро охладил нас, взмокших после трудного подъема. Мы коротко осмотрелись, пофотографировали хребет, доминирующие вершины,

а также себя на их фоне, и приготовились спускаться.

А вот со спуском нам повезло больше. Чуть мы спустились, поменялись ролями и перенесли основную веревку назад. Мне выпало идти спереды с коротким куском бечевы, выбирая дорогу. Трое моих спутников страховали нартгы сверху — так получилось проще. Лыжи мы сняли и приторочили к нартге — на склоне они только мешали, а спускаться было легче без них.

Уже через полчаса мы преодолели половину пути, когда я выскочил на козырек большущей ложбины. Наст в ней был настолько плотный, что удержаться на нем даже без ветра стоило многих усилий. Каково было бы нам, если бы мы вчера стали подыматься именно здесь...

Возможно, мансийские боги и духи здешних мест были как раз благосклонны к нам, раз провели нашу маленькую экспедицию обходным путем. Наверное, они знали, как лучше нам было

◀ Через сказочный лес
(фото А. Слепухина)

проходить этот участок. А мы были не правы, кляня все на свете, подымаясь во время снежной бури и сетуя за проложенный лишний крюк.

Солнце вышло из-за туч почти сразу же после преодоления перевала. Словно в награду за тяжелый и опасный путь. Дальше спуск доставил нам одно удовольствие. Спустив нартгы к подножью, мы надели лыжи и легко выступили на последний отрезок. Лишь подымая ее к домику базы, ощутили, насколько мы устали за эти сутки.

Остаток дня мы отдыхали, лишь под вечер нашли в себе силы поужинать.

Обратный путь домой был продолжительным, но зато простым. Утром солнце выглянуло из-за хребта, снова завьюжило, прикрыв светилу снежным вихрем, и опять все утонуло в предутренних сумерках. В горах снова царил снежная буря — вершин и перевала не было видно. Но нас уже это совсем не тревожило.

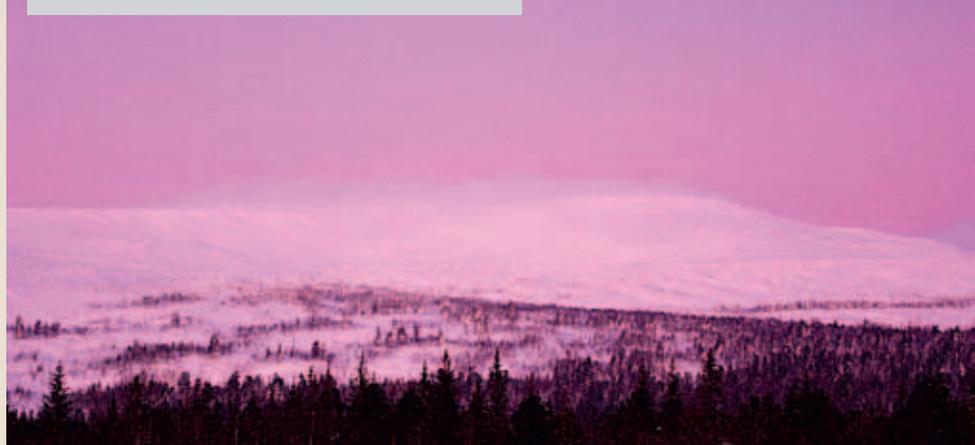
Проехав большую часть пути до Североуральска, мы остановились бросить взгляд на хребет. Нас провожали в розовой дымке красивые, но суровые горы Главного Уральского Хребта.

И напоследок

Кто-то, читая наш очерк, подумает, что есть ведь такие чудачки, что поперлись за какими-то нартгами куда-то в горы... Сидели бы лучше дома, или катались бы по трассам горнолыжной базы, или уж, в крайнем случае, если так приспичило, то арендовали бы снегоход или что-то в этом духе...

Поверьте, каждому свое. А вот нам было интересно осуществить такую экспедицию за нартгами мансийца, бывшего последним в этих горах... **УС**

▼ Снежная буря в горах (фото А. Слепухина)

МАНАРАГА

ТОВАРЫ ДЛЯ СПОРТА И АКТИВНОГО ОТДЫХА

www.manaraga.ru

Екатеринбург,
ул.Гагарина, 35
(343) 374-90-16

Екатеринбург,
ул.Комсомольская, 7
(343) 374-25-90

Нижний Тагил,
ул.Пархоменко, 22
(3435) 41-94-53

Челябинск,
ул.Труда, 173
(351) 211-54-19

Компания «Ex-Road»,
дистрибьютор вездеходов
Mercedes-Benz Unimog в России

Санкт-Петербург, Выборгская набережная, 51

Телефон: 8 800 555 36 39

www.ex-road.ru

Есть такая машина!

Иллюстрации предоставлены автором

Однажды, посещая один из столичных автосалонов, специализирующихся на продаже внедорожников, невольно стал свидетелем полушутливого диалога между продавцом-консультантом и покупателем. Дословно, конечно, не передам, но суть разговора такова:

Клиент: Я бы хотел приобрести такой автомобиль, чтобы он, во-первых, обладал максимальной проходимостью, во-вторых, был вместительным и достаточно грузоподъемным и, в-третьих, мог бы без особых проблем тянуть по бездорожью груженный прицеп. Да, ну и цена, чтобы адекватная.

Консультант (иронично): Может, вам лучше приобрести трактор?

Клиент (вполне серьезно): Я уже думал об этом, но проблема в том, что на тракторе очень неудобно ездить по шоссе — скорость маловата, да и с вместительностью тоже не очень.

Консультант: Вынужден вас разочаровать, но такой машины, наверное, пока еще не придумали.

Андрей Чистов

Менеджер по маркетингу и PR компании Ex-Road.

Хотелось вмешаться в разговор и сказать решительно, как Ленин в семнадцатом на съезде Советов про свою партию: «Есть такая машина!», но не стал лишать продавца потенциального покупателя — в том салоне ничего подобного действительно не было, а уговорить клиента пойти на компромисс и приобрести что-то из имеющегося в наличии у консультанта шанс, какой-никакой, но был.

Гибрид трактора, грузовика и внедорожника родом с ювелирного завода

Если посмотреть на год разработки первой модели этого уникального немецкого автомобиля, станет ясно, что Германия переживала тогда нелегкое время и рациональное расходование средств было одной из приоритетных задач в разрушенной войной стране. Восстановление аграрного сектора стало одним из ключевых направлений развития государства, которое еще совсем недавно практически все силы бросало на развитие и поддержание мощной военной машины. И хотя Вермахт был разгромлен и фактически упразднен, инженеры-конструкторы, на протяжении многих лет разрабатывавшие качественную и грозную военную технику, смогли направить свой талант в мирное русло.

Первый экспериментальный Unimog (от нем. Universal Motor Gerät — универсальный моторизованный агрегат, или проще — универсальное транспортное средство) был разработан в 1945 году для сельскохозяйственных нужд. Фермерам нужна была машина, которая могла бы выполнять функции трактора и грузовика. А уже через год, при активной финансовой поддержке американцев, на ювелирном заводе

Erhard & Söhne были собраны несколько опытных образцов.

Уже тогда бросалось в глаза то, что внешне новый вездеход мало походил на трактор — передние и задние колеса были одинакового диаметра (это позволило машине развивать вполне приличную скорость), просторная двухместная кабина, вместительный кузов. Но, несмотря на внешнюю непохожесть, благодаря большому клиренсу, постоянному полному приводу, особой конструкции подвески с гибкой рамой и нескольким валам отбора мощности, Унимог унаследовал от трактора его главные качества — повышенную проходимость и мощную тяговую силу.

Как он стал Мерседесом

Через несколько лет, после появления на свет первых опытных образцов, Унимог начал собираться серийно, но из-за финансовых трудностей и недостатка рекламной поддержки Erhard & Söhne не сумели добиться высоких тиражей, и спустя два года, в 51-м, производство было поглощено концерном Daimler-Benz. С тех пор машина стала выпускаться под маркой Mercedes-Benz. Тогда же вездеход обзавелся новым дизельным двигателем, объемом 1,7 л.

Превосходные рабочие качества автомобиля быстро оценили не только фермеры, но и коммунальные службы, а впоследствии — военные. И, что характерно, в связи с запретом на собственную армию, наложенным на Германию сразу после войны, первыми государствами, взявшими Унимог на вооружение, стали некоторые страны-победительницы, в частности Франция. Сегодня, спустя без малого 70 лет после своего рождения, Унимог — основной военный грузовик и в Бундесвере.

Unimog сегодня

Помимо армии, сейчас вездеход используется в самых разных сферах: от доставки людей и грузов в труднодоступные места до применения в качестве

строительной и специальной техники. Шестилитровый двигатель, высокий дорожный просвет, восьмиступенчатая коробка передач и способность развивать скорость до 90 километров в час позволяют этому превосходному транспортному средству оставаться вне конкуренции и сегодня. Даже если речь идет о машинах, собранных несколько десятков лет назад.

Ну и, конечно, нельзя не упомянуть, что Unimog — это идеальный автомобиль для охоты и рыбалки. Он может быть оборудован в качестве полноценного дома на колесах — с душем, кухней и спальными местами. Вообще, что касается дополнительного оснащения, то здесь ограничений нет вообще — все зависит только от пожеланий конкретного заказчика.

Но и это еще не все. За свои фантастические «проходимые» качества Unimog попал в книгу рекордов Гиннесса. Без отрыва от грунта грузовой внедорожник преодолевает косогор с боковым креном 40 градусов. Там, где другие внедорожники рискуют встать на два боковых колеса и перевернуться, Unimog уверенно движется вперед на всех четырех колесах!

Это достигается за счет блокировки дифференциалов и низкого центра тяжести. Помимо этого, снегоболотоход способен двигаться вверх по склону под углом 45 градусов, а из-за тщательного продуманного продольного угла проходимости для него не существует риска «сесть на брюхо», когда передние колеса уже на вершине, а задние еще на склоне.

Благодаря клиренсу в 50 см, Унимог способен преодолевать брод глубиной до полутора метров. В целом, можно сказать, что Mercedes он и есть Mercedes, даже там, где нет дорог!

По вопросам приобретения снегоболотохода, а также по всем интересующим Вас вопросам можно обращаться по телефону 8(800)555-36-39 (бесплатно по России). Компания Ex-Road (Санкт-Петербург, Выборгская набережная, 51). УС

«Калоши» для танков — руками военнопленных

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и чуть позже на территории Челябинской области были организованы лагеря для военнопленных и интернированных. Их было 12. А также — спецгоспиталь, который обслуживал эти лагеря.

Первым по времени организации был Кыштымский лагерь НКВД для военнопленных. В архивном документе (ОГАЧО.Ф.Р — 1317. Оп. 2. Д. 26. Л. 3) имеется схема этого лагеря. Прямоугольная территория огорожена дощатым забором. Внутри за колочей проволокой — барак для военнопленных. Внутри барака амбулатория и кухня. Туалет — рядом, с восточной стороны барака. В отдельном бараке размещались бытовые помещения — дезокамера и баня. Расположение прямоугольника с севера на юг. Главный вход с южной стороны. На входе помещение для вахтеров. По углам лагеря — четыре вышки. Рядом со входом в лагерь, с наружной стороны, на расстоянии 300 метров находится караульное помещение для гарнизона охраны, чуть дальше — общежитие гарнизона. Вокруг лагеря — постоянный дозор, обходивший территорию по внешнему периметру.

Лагерь с порядковым номером 95 был организован 14 октября 1942 года на 7-м километре. Как известно, до декабря (Сталинградская битва) 1942 года общее число военнопленных немецкой армии не превышало 10 000 человек. Основная их волна пошла по завершению Сталинградской битвы, после февраля 1943 года. Так что можно предположить, что это был первый лагерь военнопленных на Урале. Сквозная нумерация лагерей в это время ещё не была выработана, и данная нумерация являлась временной. В дальнейшем, в 1944 году, Кыштымский лагерь волился в лагерь № 180, управление которого находилось тоже в Кыштыме. Он, в свою очередь, был организован на основании приказа НКВД СССР № 001248 от 10 октября 1944 года. Скорее всего, лагерь № 95 стал лагерным отделением № 1 лагеря № 180.

Численность военнопленных в 95-м — 270 человек. Размещались они в одном деревянном бараке с трехъярусными нарами. Имелось электричество. Температура и санитарное со-

стояние — нормальные. Эпидемических заболеваний не было. Работала баня с дезокамерой, пекарня, амбулатория. Военнопленные проходили санобработку 4–5 раз в месяц. Продуктами питания и спецодеждой лагерь снабжался по нарядам Главного управления лагерей военнопленных НКВД СССР.

Начальником лагеря был майор госбезопасности И.Д. Сошников. (В то время майор госбезопасности приравнивался к армейскому званию полковник.) Илья Дмитриевич родился в с. Михалево Смоленской губ. в 1904 году в семье машиниста паровой машины. Член КПСС с 1926 года. Образование: начальная заводская школа, рабфак при Днепропетровском металлургическом институте, Днепропетровский металлургический институт.

Трудовую биографию начал смазчиком на листопрокатном заводе «Коминтерн» в Екатеринославе (Днепропетровск). Потом — техник-исследователь, зам. начальника цеха, нормировщик, заведующий промышленно-транспортным отделом Днепропетровского обкома КП(б)У. С 1939 года — в распоряжении ЦК ВКП(б).

► Старая печь для обжига, которую строили немецкие военнопленные

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Яловенко

Ювелир, краевед, коллекционер минералов. Долгое время был помощником депутата Госдумы. Работая в архиве ГУВД, собрал большой материал об узниках политизоляторов Челябинской области. Недавно в Челябинске небольшим тиражом вышла его книга «Тайны Верхнеуральского политизолятора» (в 2-х ч.).

В органах НКВД руководил УНКВД Челябинской области, лагерями — Спасо-Заводским, Елабужским, Кыштымским. Уволен из НКВД в мае 1943-го связи с призывом в РККА. После войны был заместителем управляющего карагандинским трестом «Кировуголь» по спецконтингентам, зам. секретаря Днепропетровского горкома КП(б)У по металлургии, директором завода «Вторчермет» в Днепропетровске. Награжден орденом Красной Звезды, знаком «Заслуженный работник НКВД», орденом «Знак Почета» и двумя медалями. (Из книги: Н.В. Петров, К.В. Скоркин «Кто руководил НКВД. 1934–1941». Стр. 391.)

Охраной лагеря занималась 3-я рота 152-го отдельного батальона конвойных войск НКВД (2-й и 3-й взводы.) (Батальон по охране особо важных предприятий промышленности сформирован в сентябре 1941 года. Общая численность — 735 человек. Имел 24 лошади и 12 собак. Входил в состав 44-й бригады (г. Куйбышев), а она в свою очередь — в состав 70-й дивизии конвойных войск МВД СССР.)

Ротой командовал ст. лейтенант Сабдырь, зам по политчасти — ст. лейтенант Щербаков. Личный состав размещался в отдельном помещении для гарнизона, в бараках с двухъярусными койками. Освещение электрическое. Личный состав пользовался баней и дезокамерой лагеря три раза в месяц. Гарнизон имел кухню и столовую. Рота — своего санинструктора. При необходимости пользовались услугами Кыштымской горбольницы. Продукты питания получали, кроме хлеба, со склада батальона. Хлеб пекли на Кыштымском хлебозаводе. Топливо заготавливали на делянке в 300 метрах от подразделения. С личным составом ежедневно проводились политзанятия. Были коллективные походы в кино.

Военнопленные работали на строительстве каолинового комбината. (В дальнейшем на этом производстве трудились около 1500 военнопленных). Каолин — глина белого цвета, состо-

ящая из минерала каолинита. В начале войны к нему было усиленное внимание. Дело в том, что каолин «работал» на оборону, так как сырье применялось в изготовлении резиновых литых катков для танков, а почти все открытые месторождения каолина были

уже под немцами. Слово «каолин» происходит от китайского Као-Лин (место, где добывалась глина для производства китайского фарфора).

Старая печь для обжига, которую строили немецкие военнопленные, действует до сих пор. **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

Уважаемые судовладельцы!

В связи с наступлением навигационного периода 2014 года и большим количеством вопросов от населения поясняем ряд основных моментов из административных регламентов, применяемых при освидетельствовании маломерных судов.

Маломерное судно предъявляется к очередному освидетельствованию до начала его эксплуатации (для маломерных судов, не прошедших очередное освидетельствование во время классификации) или до истечения 5-летнего срока со дня предыдущего очередного освидетельствования. Например: маломерное судно прошло освидетельствование в 2012 году, то следующий год прохождения освидетельствования — 2017. В случае временного отказа собственника маломерного судна от его эксплуатации маломерное судно предъявляется к очередному осви-

детельствованию до начала его эксплуатации. Освидетельствование маломерного судна в процессе эксплуатации осуществляется на плаву и на берегу.

Маломерное судно на освидетельствование предъявляется в чистом виде и технически исправном состоянии.

Освидетельствование маломерного судна в процессе эксплуатации включает следующие действия: проведение осмотра маломерного судна; проверку состояния корпуса и надстроек маломерного судна; проверку неизменности эксплуатационно-технических характеристик маломерного судна, его

технического состояния; проверку маломерных судов на соответствие техническим нормам выбросов в атмосферный воздух вредных (загрязняющих) веществ, с помощью газоанализатора.

При проведении осмотра маломерного судна осуществляется: проверка соответствия типа, модели и заводских номеров судна, двигателя или подвесного лодочного мотора данным, указанным в судовом билете; проверка целостности механизмов, отсутствие грязи, подтеков горючесмазочных материалов и воды на корпусе, механизмах и оборудовании; правильность нанесения регистрационного (бортового) номера.

При обнаружении физического старения маркировки, нанесенной на судно, двигатель или подвесной лодочный мотор, должностное лицо подразделения ГИМС фотографирует эту маркировку, снимок которой подшивается к заявлению для сличения при последующих контролях.

При обнаружении несоответствия судна, двигателей или подвесных лодочных моторов сведениям, указанным в судовом билете, должностное лицо подразделения ГИМС передает информацию в территориальные органы МВД России.

При проверке состояния корпуса и надстроек маломерного судна производится проверка целостности корпуса и надстроек. Подъем судна из воды для осуществления проверки состояния подводной части корпуса судна обеспечивает заявитель в сроки, согласованные с должностным лицом подразделения ГИМС.

Перечень документов при представлении государственной услуги по освидетельствованию маломерного судна в процессе эксплуатации: заявление; документ, удостоверяющий личность заявителя (паспорт, копия, 2-3, 5 стр.); документ, подтверждающий право пользования и (или) распоряжения маломерным судном; доверенность (копия); судовой билет маломерного судна (копия 1, 3, 4, стр. отметка о последнем ТО).

Перечень документов при представлении государственной услуги по освидетельствованию маломерного судна, подготовленного к переходу (перегону): заявление; документ, удостоверяющий личность заявителя; документ, подтверждающий право пользования и (или) распоряжения маломерным судном; маршрут перехода (перегона) с указанием времени перехода, категории сложности и разряда района плавания, убежищ на случаи штормовой погоды и установленных ограничений по погоде; судовой билет ма-

ломерного судна; технический паспорт маломерного судна, двигателя или подвесного лодочного мотора с данными о заводском номере и техническими характеристиками (в случае приобретения ранее незарегистрированного маломерного судна); судовой билет маломерного судна с отметкой о снятии с предыдущего учета (в случае приобретения ранее зарегистрированного и снятого с учета маломерного судна).

Освидетельствование маломерного судна с проведением испытаний на мореходные качества

Освидетельствование маломерного судна с проведением испытаний на мореходные качества включает следующие действия: проведение осмотра маломерного судна; испытание маломерного судна на мореходные качества; проверку состояния корпуса, надстроек, оборудования и устройств маломерного судна; определение грузоподъемности, допустимое количество людей на борту; определение массы маломерного судна; оформление результата выполнения административной процедуры.

Для освидетельствования маломерного судна с проведением испытаний на мореходные качества заявитель обеспечивает подъем судна из воды и (или) спуск его на воду в согласованные с должностным лицом подразделения ГИМС сроки.

В процессе осмотра маломерного судна осуществляется: проверка соответствия типа и модели двигателя или подвесного лодочного мотора данным технического паспорта или судового билета; проверка подлинности заводских номеров двигателей или подвесных лодочных моторов и соответствия их паспортным данным или данным судового билета; идентификация материала корпуса и надстроек.

Проверка соответствия типа, модели и подлинности заводских номеров двигателей или подвесных лодоч-

ных моторов данным технического паспорта или судового билета производится методом сличения данных, представленных в документах, необходимых для предоставления государственной услуги, с фактическими данными.

При испытании маломерного судна на мореходные качества осуществляются следующие действия: проверка главных размерений маломерного судна; проверка статической остойчивости маломерного судна; проверка плавучести маломерного судна; проверка непотопляемости маломерного судна.

Проверка главных размерений маломерного судна производится методом сличения данных, указанных в документах, необходимых для предоставления государственной услуги, с фактическими данными.

При проверке плавучести маломерного судна проводится сличение фактически полученной высоты надводного борта и осадки маломерного судна с данными, указанными в документах, необходимых для предоставления государственной услуги.

Проверка непотопляемости наддувных лодок не производится.

При проверке состояния корпуса, надстроек, оборудования и устройств маломерного судна производится контроль корпуса и надстроек, работоспособности и надежности рулевого устройства, производится оценка технического состояния механической установки, противопожарной безопасности, электрооборудования маломерного судна, якорного и швартового устройства, парусного вооружения и ходовых огней.

По результатам проверки должностное лицо подразделения ГИМС принимает решение о годности маломерного судна к плаванию.

Годность маломерного судна к плаванию определяется оценками, отражающими фактическое состояние маломерного судна: «годное», «ограничен-

но годное», «непригодно к плаванию», которые вносятся в судовой билет.

Более подробную информацию вы сможете получить из следующих нормативно-правовых актов:

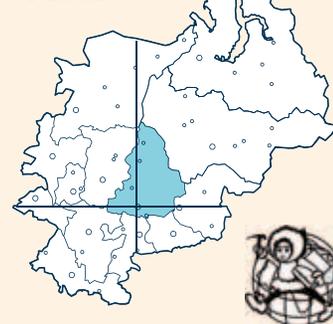
Приказ МЧС России от 18.10.2012 г. № 608

«Об утверждении Административного регламента Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий предоставления государственной услуги по освидетельствованию маломерных судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.05.2013 №28343);

Постановление правительства Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. №820

«О государственном надзоре за спортивными парусными судами, прогулочными судами и маломерными судами, используемыми в некоммерческих целях, об их классификации и освидетельствовании, о государственной регистрации маломерных судов, используемых в некоммерческих целях, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов правительства Российской Федерации». **УС**

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Д.В. Обоскалов

Старший государственный инспектор группы технического надзора ЦГИМС МЧС России по Свердловской области.

На острове Долгом

«Мне по родной земле ходить не стыдно...»

Я. С. Бочкарев

«За десять часов боя партизаны отразили двадцать две фашистские атаки. Артиллерия и минометы молотили по острову, самолет-разведчик помогал. Атакующие, по пояс в воде и грязи, возвращались на исходные позиции

не солоно хлебавши! Попытку атаки сделали и танки, но ничего не вышло...» — это строки из книги А. Рогалевича «Невыдуманные истории». Политруком партизанской роты был в том отряде Яков Бочкарев, уроженец деревни Бочкаревой, что под Верхотурьем.

Юность

Его родители всю жизнь занимались сельским хозяйством. До 1927 года считались середняками, то есть не нанимали в хозяйство работников-батраков, трудился своей семьей. В 1927-м отец перевез семью в рабочий поселок Верхотурье, где они и жили на улице Комсомольской в доме 12.

Семнадцатилетний комсомолец Яков Бочкарев заведует сельским клубом в селе Меркушино, работает избачом. Потом молодой, энергичный Яша Бочкарев был избран в том же селе секретарем комсомольской организации, окончил Верхотурскую школу леспромуча. В октябре 1937 года его призывали в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Служил красноармейцем в 46-м отдельном мотострелковом батальоне в Москве. А с мая 1938-го он уже курсант Минского пехотного училища

имени М.И. Калинина. До начала войны командовал взводом курсантов этого же училища.

Первый день войны

Снова читаем книгу А.И. Рогалевича: «В среду, 25 июня 1941 года, из горящего после немецкой бомбардировки Минска в деревню Подсадские прибежала наша соседка Анна Александровна Судник (Бочкарева) с грудным ребенком, дочкой Людочкой, на руках. Минск горел, все семейные пожитки молодой офицерской семьи остались в горящем городе. Ее муж, офицер Красной Армии Яков Семенович Бочкарев, с группой курсантов Козыревского военного училища был брошен на эвакуацию имущества Белорусского Государственного банка. Имущество банка грузили на грузовики, в кузова сажали по одному курсанту с винтовкой и отправляли по шоссе на Москву.

А на реке Березине и в Борисове уже были немцы. Выполнив задание, Бочкарев оказался в окруженном немцами Минске. Он с группой военных стал уходить на юг в сторону Подсадских. В Подсадские пришли двое: Бочкарев Яков Семенович и Кацман Борис Ефимович».

В партизанах

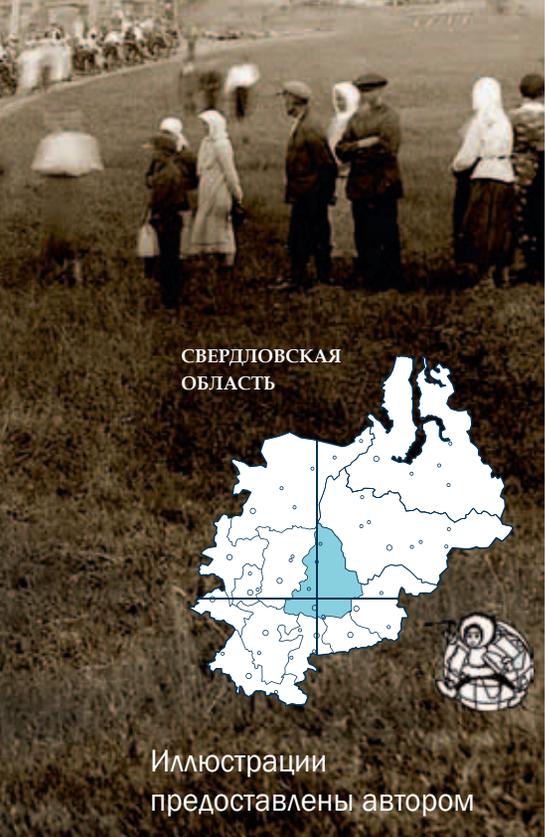
В июле 1941 года Яков Семенович и Борис Ефимович ушли из деревни Подсадские и организовали в лесах Червеньского района партизанский отряд. Бочкарев еще не знал, что навсегда потерял семью. Его жена Анна Александровна прошла все ужасы войны: блокады, расстрелы, пожары и голод. Потеряв всякую надежду дождаться мужа живым, она создала семью второй раз.

А Яков Семенович по заданию штаба Западного фронта был команди-

Ольга Байкова

Воспитанница Верхотурского детского дома. Краевед. Учитель истории в школе села Усть-Салда Верхотурского района.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

ром партизанского отряда. В сентябре 1941 года с его участием в лесах Руденского района из попавших в окружение военнослужащих, бежавших из плена и концлагерей бойцов Красной Армии, была сформирована группа в 60 человек, которая до мая 1942 года самостоятельно боролась с оккупантами. А затем в качестве роты волилась в партизанский отряд имени Н.И. Никитина. Политруком роты был Я.С. Бочкарев.

Потом в отряде было уже четыре роты. Общая численность отряда составляла 120 человек. Вооружился отряд пятью станковыми пулеметами «Максим», девятнадцатью ручными пулеметами отечественного производства и трофейными, винтовками и карабинами — все было подобрано за отступавшими или добыто в бою.

Отряд базировался на небольшом острове среди болота в полутора километрах западнее деревни Александрово. Партизаны постоянно трепали немецкие военные силы: в ходе смелых вылазок и операций уходили под откос поезда с немецкими солдатами, подрывалась идущая на фронт военная техника. Отряд доставлял большое беспокойство оккупантам.

Остров Долгий

Это остров размером 150 на 300 метров, расположенный среди топкого

◀ Июнь 1941 г.
Проводы на фронт из деревень Усть-Салдинского сельсовета

▼ С мамой, женой и дочерью Людмилой

болота, окруженного лесом, в тридцати пяти километрах южнее Минска. Здесь партизаны оборудовали землянки для жилья, склад под оружие и боеприпасы, вырыли окопы и площадки для пулеметов, стрелковые ячейки. Беспокорил оккупантов этот непокорный советский островок среди труднопроходимого болота.

24 июня 1942 года немцы решили уничтожить отряд. Опять возвращаемся к книге «Невыдуманные истории»: «В четыре часа утра 24 июня группа карателей в составе трех охранных батальонов (347, 469 и 913) 603-го охранного полка Вермахта, 18-го полицейского латвийского батальона, литовского полицейского батальона, а также подразделения полиции Узденского и Дзержинского гарнизонов обложили лагерь партизан. Немецкая сторона имела более полутора тысяч человек, два артиллерийских дивизиона, три минометных батареи, танковый взвод. Бой обеспечивали два разведывательных самолета противника. По живой силе противник превышал партизан более чем в 13 раз и имел абсолютное превосходство в вооружении... За десять часов боя партизаны отразили 22 фашистские атаки.

К 14 часам бой утих. Видимо, «доблестное воинство» решило пообедать и заправиться шнапсом. В это время партизаны провели разведку на участке обороны 4-й роты и покинули остров. Проведя сильную артподготовку по пустому месту, каратели к исходу дня ворвались на остров. Там было пусто. Обогнув Узду с северо-востока, партизанский отряд вышел в лес восточнее деревни Теляково, в десяти километрах от Узденского гарнизона. В звери-

▲ Яков Семенович Бочкарев

ной злобе за свои неудачи каратели ворвались в деревню Александрово и расстреляли всех мужчин, 22 человека, деревню сожгли. Отряд ушел от преследования».

В Узденском историко-краеведческом музее через много лет после войны обнаружился документ. Среди трофейных немецких топографических карт, изъятых у убитого в бою на острове Долгом 24 июня 1942 года начальника полиции Узденского гарнизона Тумаса, оказалась топографическая карта с пометками плана боя по уничтожению партизанского отряда имени Н.И. Никитина. Найдена и полетная карта Люфтваффе, относящаяся к обеспечению этого боя.

Солдаты начала войны

Рогалевич пишет: «В июле 1942 года отряд был переименован в бригаду имени Н.И. Никитина. Она совершала рейды по Руденскому, Червеньскому, Дзержинскому, Узденскому и Бегомельскому районам Минской области; Ушачскому району Витебской области; Ивенецкому и Воложинскому районам Барановической области. В ее составе было уже 410 партизан. До поздней осени 1942 года бригада Н.И. Никитина действовала на территории Белоруссии, а в ноябре через «Суражские ворота» — разрыв между фронтами — вышла в советский тыл на участке 4-й ударной армии Калининского фронта, где и была расформирована».

Наша великая Победа ковалась уже в 1941–1942 годах — защитниками Брестской крепости, такими сражениями, как на острове Долгий. Ее ковали с первых дней пропавшие без вести, в списках не значащиеся солдаты рассеянных частей. Это они своей самоотверженной борьбой и кровью задерживали и изматывали фашистскую армию, которая проехала по Европе и была уверена в победе своего «блицкрига». Это они, советские солдаты, сломали хребет Гитлеру под Москвой и вселили еще большую уверенность в Победу.

Именно в это трудное время были самые большие потери, но не была потеряна вера в победу. Сколько солдат того времени до сих пор считаются без вести пропавшими! Их останки на местах сражений до сих пор находят отряды поисковиков. А семьи тех бойцов не получали никакой помощи, так как похоронки к ним не приходили.

На танках

После расформирования партизанской бригады в ноябре 1942 года часть партизан направили на учебу. Яков Бочкарев прошел подготовку в Москве в Академии моторизации и механизаци-

▲ Мост

ции Красной Армии имени Сталина и в должности командира маршевой танковой роты отправился на фронт. Но прежде он приехал на военный танковый завод в город Нижний Тагил, где получил новые танки Т-34, на которых и стал воевать. Был рядом с домом, но не дома, родители сына не увидели. В конце войны он с действующей Советской армией находится за границей — в столице Польши Варшаве. Осенью 1944 года был тяжело ранен и попал в госпиталь, лечился долго, до конца января 1945 года.

А с февраля Яков Бочкарев служит комендантом 149 БТРБ в городе Будапеште в Венгрии. Потом командует производственной ротой на 31-м танково-ремонтном заводе. В феврале 1946-го демобилизовался из армии как инвалид Отечественной войны в звании старшего лейтенанта. Прошел всю войну — со второго до последнего ее дня. Был на оккупированной территории Белоруссии, из окружения вышел с партизанской бригадой Н.И. Никитина, миновав плен. За свои подвиги во время Великой Отечественной войны награжден орденом «Красной Звезды», Орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За отвагу» и другими наградами.

Снова в Верхотурье

В родительский дом Яков Семенович вернулся только в 1946 году. Ему было почти тридцать лет, он перенес пять ранений: три легких, два тяжелых. Поселился в родительском доме, что стоял в рабочем поселке Верхотурье на улице Комсомольской. (Статус города, утерянный в 1926-м, Верхотурье возвратило в 1947 году.) Женится

на Клавдии Дмитриевне, которая работала на телеграфе.

На Верхотурье бомбы и горящие самолеты не падали, на полях танки не горели, но люди жили так же тяжело, как и вся страна. Работы было много. И фронтовики, будь они инвалиды или нет, влились в жизнь: нужно было восстанавливать страну почти заново. Потери были огромные.

Яков Семенович получил пост заведующего районным торговым отделом исполкома Верхотурского райсовета. Тем, кто назначал, казалось, что пост несложный. Торговля — это не колхоз и не завод, а Бочкарев инвалид, пусть потихоньку работает. Но легкого заведования не получилось: страна переходила от карточной системы к свободной торговле. И хотя торговля была свободная, но запасов, особенно хлебных, не было. Известно, что послевоенные 1946 и 1947 годы были самыми неурожайными, а карточки уже отменили...

9 марта 1959 года депутаты избрали Якова Семеновича Бочкарева заместителем председателя исполкома Верхотурского районного совета. Он несколько раз избирался членом пленума партийного комитета и депутатом Верхотурского районного совета, председателем райкома союза работников госучреждений. А зампред райисполкома отвечал тогда за работу бытовых предприятий и дорожное строительство.

Мостостроитель

Ирбитский тракт связывал город и район не полностью. Была часть района, куда попасть можно было только через Заимку. Именно там горожане перебирались на другой берег реки Туры. Для этого там был брод, а еще с берега на берег был протянут сталь-

в Верхотурье через реку Туру, по которому до сих пор ездит весь транспорт, был построен к 50-летию Советской власти и открыт в 1967 году и с тех пор основательно даже не ремонтировался. Дорога от моста до Черной речки прорублена тогда же. А новая улица почему-то названа именем Фрунзе.

Мы все пользуемся результатами труда руководителей Верхотурского района того времени, а в памяти нашей даже имен их нет. Это непростительно. Полагаю, что шоссейная улица-дорога от железобетонного моста до Черной речки должна быть названа именем Якова Семеновича Бочкарева.

На Кубани

В 1967 году Якову Семеновичу было всего пятьдесят лет. Он отказался от военной пенсии и уехал с семьей в город Новокубанск Краснодарского края, где

▲ Венгрия, 1945 год

▲ Яков и Клавдия Бочкаревы

▲ Мама

ной трос, держась за который, люди отталкивали плот от одного берега и перебирались на другой. Такая переправа была опасна, особенно во время ледохода и весеннего паводка. Бывали случаи, когда люди гибли.

Вопрос о дорогах и мостах стоял очень остро. Дорогами Бочкарев занялся сразу. То и дело ездил за деньгами в Москву. Тогда его мама Екатерина Федоровна и жена Клавдия Дмитриевна собирали наградные документы, начищали пуговицы, ордена и медали... Наконец деньги на строительство были получены.

В 1961 году деревянный мост через реку Салду у села Усть-Салда был почти готов. Мосты в то время строили довольно быстро. Железобетонный мост

жила его единственная дочь Людмила. Там он купил саманный домик с садом, который требовал приложения умелых и хозяйственных мужских рук. Росла груша, которая пережила всю войну... Своими руками Яков Семенович обиходил сад, вырыл пруд, куда запустил амуров и толстолобиков.

Он еще несколько лет работал в Научно-исследовательском институте снабжения (КНИТИМ). Проверял на полигоне прочность сельскохозяйственной техники. В Новокубанске он и вышел на пенсию. До самой смерти бережно хранил именно оружие и бинокль, напоминавшие ему о войне, об острове Долгом. В семье дочери Людмилы Фроловой хранится военный билет офицера запаса СССР. **У**

Иллюстрации предоставлены автором и Чердынским краеведческим музеем

Прокудин-Горский: «Моя поездка в Чердынь»

В 1975 году на 97-м году жизни в Бразилии скончалась Анфия Даниловна Алина (ур. Ржевина) — жена чердынского купца 1-й гильдии Николая Петровича Алина и дочь камского парходчика Даниила Евдокимовича Ржевина.

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Сергей Согрин

Родился в 1937 г. в Шанхае (Китай). Когда ему было 10 лет, семья вернулась в Россию, в Свердловск. Закончил Уральский политехнический институт по специальности «металлургические печи». Живет в г. Усть-Лабинске Краснодарского края.

Более ста лет купеческий род Алиных вел торговлю по всему Печорскому краю да и по всей России, с каждым поколением наращивая объемы торговли и свой капитал. К 1917 году Алины занимали среди купечества Чердыни и всего Северного Приуралья лидирующее положение. В 1919-м они вынуждены были всей семьей покинуть родину. Два сына Анфии Даниловны, Петр и Василий, жили с матерью. Петр ушел из жизни в 1980 году, а Василий — в 1995-м. Прямых наследников не было. Но в бразильском городе Сан-Паулу сохранился семейный архив Алиных, который долго лежал невостребованным. Спустя годы он вернулся в Россию.

Встреча

Мои предыдущие публикации (УС 2011. № 11-12; 2012. № 1; 2014. № 2) вызвали живой отклик у жителей Чердыни, этой далекой окраины России. Память об Алиных жива здесь и по сей день. Не только в сердцах людей, но и в исто-

▲ Маргарита Васильевна Карловская — автор музыки на стихи С. В. Володиной — исполнила песни о Чердыни

рических памятниках. «Жива» улица Алинская, церковь Успения, тоже именуемая в народе «Алинской», и другие свидетельства, сохранившиеся в Чердынском краеведческом музее.

Летом 2012 года, по приглашению директора музея С. А. Пьянковой, я был гостем города.

Мои впечатления о Чердыни достойны отдельного повествования. В свою очередь, чердынцы мало что знали о судьбе Алиных после их исхода из России. Встреча взаимно обогатила нас. Завязались творческие и дружеские отношения с сотрудниками музея и горожанами.

На встрече в Выставочном зале музея Маргарита Карловская и исполни-

▼ Герб С. М. Прокудина-Горского

◀ У стен отчего дома

ла свои песни на стихи чердынской поэтессы и писательницы Светланы Володиной. А учительница Елена Михайловна Матвеевко прочитала собственные стихи. Их строки меня очень тронули на земле моих предков:

*Тихо всхлипнет во сне половица:
До сих пор ей хозяин снится,
И скучает она по ночам
По тяжелым его шагам.*

*Нет, не знают живущие сути,
Что дома тоскуют, как люди,
Помнят праздники, помнят тризны
И на мир глядят с укоризной.*

Было много и других интересных встреч. Но сейчас речь пойдет совсем о другом.

Прокудин-Горский

Научный сотрудник Чердынского краеведческого музея Е.Г. Мырзина сообщила об уникальной находке. Вот строки из письма в музей Вячеслава Николаевича Ратникова:

«Направляю Вам скан очерка С.М. Прокудина-Горского. Чуть ли не единственный экземпляр удалось отыскать в библиотеке Университета штата Северная Каролина по запросу из Библиотеки Конгресса США. В России ни одного номера журнала «Русский очаг» нет.

Будем признательны, если при исповедании очерка где-нибудь дадите ссылку на наш научный проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского».

Этот документ бесценен и дорог не только потомкам Алиных, но и всем жителям города, историкам и краеведам Урала. Статья Прокудина-Горского в парижском журнале «Русский очаг» (1934, №2). «Моя поездка в Чердынь» — единственное свидетельство знаменитого современника о встре-

че с Н.П. Алиным и поездке на Урал в 1913 году.

«Древний род Прокудиных-Горских берет свое начало от татарского князя Мурзы, покинувшего Золотую Орду и принявшего православие и имя Петр. В 1380 году Петр сражался в войске Дмитрия Донского на Куликовом поле. За храбрость ему была отдана в жены княжна Мария из династии Рюриковичей и «вотчина, Горюю называемая». Отсюда и пошла у Петра фамилия Горский. Внук Петра Прокопий, по прозвищу Прокуда, дал приставку к фамилии. И стали они на века Прокудиными-Горскими.

Герб нашей фамилии означает: звезда и луна — происхождение от татар, весы — служба кого-то из предков в судном приказе, а река Непрядва — участие в Куликовской битве»

Потомки Петра верой и правдой служили своему Отечеству более пяти столетий.»

Сергей Михайлович получил неплохое образование, якобы был учеником Д. Менделеева. За границей читал лекции о спектральном анализе и фотохимии. Так он подошел к ортохроматизму — учению о правильной передаче цвета в черно-белой фотографии. Впоследствии это привело его к цветным снимкам. Начал работать и над созданием цветного кино.

Интересы Прокудина-Горского, как человека одаренного, были разнообразными. Он увлекался живописью, играл на скрипке. Какое-то время был слушателем Императорской Военно-медицинской академии...

Истинное призвание и признание обрел, освоив способ получать цветные фотографии методом цветоделения. Метод сложный, необходимо было за несколько секунд сделать три снимка с разными фильтрами, а потом их совместить, чтобы получить цветное изо-

бражение. У Сергея Михайловича появилось страстное желание запечатлеть «в натуральных красках» все богатство России. Ее просторы, города, архитектурные памятники, церкви, великих людей и простых крестьян... Но как это осуществить?

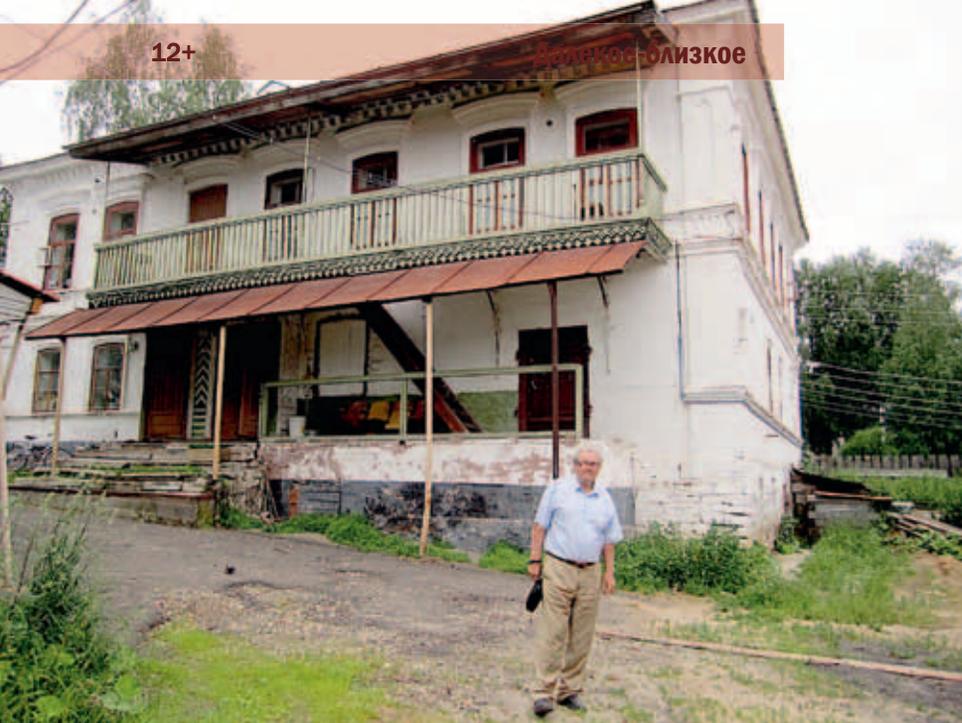
Благодаря знакомству с великим князем Михаилом он получил аудиенцию у императора Николая II. Показ снимков его семье 3 мая 1909 года оставил сильное впечатление. Император дал указание всем и во всем содействовать «увековечению Российской Империи в цвете». Для Сергея Михайловича оборудовали специальный вагон-лабораторию, который неоднократно исколесил всю Россию. Уже осенью того же 1909 года он посетил северную часть промышленного Урала, а позже и Южный Урал. Но дадим слово самому Прокудину-Горскому.

«Моя поездка в Чердынь»

«Моя летняя поездка 1913 года была посвящена увековечению памятников старины, относящихся к избранию на царство Михаила Федоровича Романова и к другим событиям из истории дома Романовых.

Государь решил посетить с семьей некоторые особо выдающиеся по воспоминаниям места, как то: Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и многие другие; но Высочайшая поездка шла слишком быстрым темпом — остановки были очень кратковременными и совершенно исключали возможность серьезной работы и детальной съемки всех выдающихся исторических памятников. Тем не менее, для посещения Костромы и Нижнего Новгорода я присоединился к свите Государя, так как имел в виду еще и другую задачу.

Из Ярославля мне пришлось перебраться в Чердынь, на реку Колву — приток Вишеры, впадающей в Каму.

До Перми я доехал в своем вагоне и, оставив его там, пересел на предоставленный мне казенный пароход, на котором отправился в Чердынь, чтобы увековечить место заключения Михаила Никитича Романова.

В Перми в то время губернатором был Кошко, родной брат начальника Московской сыскной полиции. Я представил ему свои бумаги и просил дать знать в Чердынь, чтобы мне к определенному времени приготовили лошадей для поездки в село Ныроб, где был заточен Михаил Никитич Романов. Тратить много времени на эту поездку я не мог, так как мне предстояло посетить в этом же году еще раз Туркестан, а потом ехать в Муганскую степь, граничащую с Персией.

В тот день я обедал у Кошко, который уже имел ответ из Чердыни и сказал, что мне не миновать знакомства с Н.П. Алиным и что, вероятнее всего, лошадей для меня вышлет именно Алин. Кошко очень советовал мне познакомиться с этим крупным зверопромышленником, одним из самых крупных не только на Урале, но и в большей части Сибири, человеком очень интересным во многих отношениях, известным своей невероятной физической силой.

Итак, я сначала двинулся по Каме, затем по Вишере и, наконец, по Колве в Чердынь.

Там на пристани уже находилось все местное начальство, т.е. исправник, становой, городской голова и др. Исправник сообщил мне, что меня ожидают лошади местного купца Н.П. Алина. Действительно, на пристани стояло две тройки в красивой наборной русской упряжи. Одна для меня, другая — под везици.

Последних было так мало, что мы их взяли с собой, и вторая тройка поехала по-рожной.

► Чердынь. 1913 год.
Фото С. Прокудина-Горского

Не успели мы с сыном сесть, как наша тройка понеслась, и через несколько минут мы буквально влетели в открытые настежь ворота и подкатили к подъезду большого деревянного дома. На ступенях крыльца стоял сам хозяин — Николай Петрович Алин с хлебом-солью, а около него жена с подносом с вином и рюмками. Это был чисто русский старинный прием почетных гостей.»

Этот снимок современный, а тогда, в 1913-м, здесь было просторное красивое деревянное крыльцо, закрывающее весь фасад. Потому в памяти Сергея Михайловича и сохранилось представление, что дом был деревянный (Прим. — С.С.).

«После приветствия мы с хозяином выпили по рюмке наливки и зашли в очень большую приемную комнату, где уже был накрыт стол, уставленный всевозможными закусками и винами. Хозяйка за столом не садилась, а по древнему обычаю обносила всякими блюдами и усиленно угощала.

Алин был человек лет сорока, невысокого роста, но очень крепко сложенный и, видимо, огромной силы.

О его силе было известно далеко за пределами Чердынского уезда. Например, он с легкостью разрывал толстую полотняную салфетку, сложенную в восемь раз, не делая резких движений, совершенно так, как мы бы сломали кусок хлеба.

Однажды из тюрьмы Чердыни бежали два очень опасных каторжника — профессиональные убийцы — и скрывались в лесах, нападали и убивали проезжих. Поимать их не удавалось. Тогда Алин предложил свои услуги. Приказал запрячь самую плохую лошадь и, одевшись купцом средней склад-

ки, вечером при свете луны поехал по проезжей лесной дороге, где предполагалось, что эти два каторжника могут быть. Никакого оружия он с собой не имел, находя это лишним.

Через несколько времени действительно на дорогу вышли два здоровых человека, один схватил лошадь под уздцы, другой же с дубиной бросился на Алину. Последний схватил его сначала за дубину, затем за шею, — в это время на выручку товарища подбежал другой, но и его постигла та же участь.

«Первый что-то не сопротивлялся, видно, я ему сломал позвоночники, — рассказывал Николай Петрович. — Затем я их треснул башками друг о друга».

◀ Сюда во двор усадьбы Алиных влетела тройка с гостем.
Фото С. Согрина

В жизни Н.П. Алина, как и все почти люди исключительной силы, был очень мягок и добродушен.

Знали его на многие сотни верст, да и мудрено было не знать: это был крупнейший промышленник по всякому зверю, у которого на службе были тысячи стрелков-охотников, доставлявших ему шкуры самых разнообразных зверей. Несколько десятков приказчиков время от времени обвезали охотников и забирали у них товар, снабжая их порохом, пулями и дробью, а иногда и оружием, и рассчитывались за товар.

Один раз в году поздней осенью сотни этих охотников съезжались к Алину в гости, и тут был пир горой. На улице и в огромном дворе расставлялись столы, и целую неделю шло веселье, душой которого был сам хозяин.

Популярность Алина была огромна. Можно сказать, что на Урале и в большей части Сибири у него было очень большое преданное войско отличных стрелков.

Ошибочно было бы думать, что Алин был простой, грубый, разбогатевший мужик. Напротив. Он был в достаточной мере образован, чего достиг совершенно самостоятельно.

После обильного завтрака Алин предложил мне посмотреть его «хозяйство». Хо-

▼ Лиса альбинос из породы чернобурых. Горностаи. Рысь. Совы. Рябчик кедровый. Из коллекции Н. П. Алина. Фото С. М. Прокудина-Горского

зайство это заключалось в огромных сараях, где хранилось много тысяч разных зверей. По стенам сараев тоже были развешаны шкуры и все первоклассного качества. Мало-мальски не первоклассную шкуру Алин направлял к скупищикам мелкого калибра, да и от охотников приказчики не принимали такого товара.

Чтобы судить о размере такого дела, приведу фразу Алина, когда мы осматривали огромный сарай с лисьими шкурами: «Уж извините, сейчас не время хватать чернобурой лисой, вот приезжайте к ранней весне, а сейчас здесь висит всего 500–600 шкур».

Все самые крупные торговцы России и Европы, как и Америки, были клиентами Алина.

«А теперь позвольте похвастать своим музеем», — сказал Алин, когда мы окончили беглый осмотр сараев. Он привел нас в большой зал в доме, где под стеклянными колпаками в отличном порядке стояли чучела зверей и птиц. Был один экземпляр лисицы альбиноса, причем вся лиса снежно-белого цвета из породы чернобурых с очень длинной и густой шерстью. За эту лису Лондонский музей предлагал Алину 50 тыс. рублей. «К чему мне их деньги, — сказал мне Алин. — Я это дело и сам люблю, да и лисе здесь хорошо».

Особенно большая коллекция выродков была из рябчиков и белок. Была удивительная коллекция рогов благородного оленя. Один экземпляр таких рогов имел 22 отростка на каждом роге абсолютно одного размера и одинакового расположения — явление исключительно редкое. Был черный медведь с широкими белыми полосами, как у зебры. Поразительна еще была коллекция выродков горностаев.

Всего не опишешь. Алин очень гордился и дорожил своим музеем, постоянно пополняя его чем-нибудь новым. С охотниками у него был договор на случай, если им попадался интересный, по окраске или другим каким-либо особенностям, зверь или птица; за него платилась особо высокая цена.

Из описанного видно, что Алин не был простым разбогатевшим мужиком, да он и не производил такого впечатления. Наоборот, в беседе с ним чувствовался в нем интеллигентный, развитый человек. По видимому, он был старого толка, т.е. старообрядцем, как и его жена, и держался старых обычаев.

После осмотра музея мы возвратились в столовую, где был накрыт чай и подано шампанское.

За чаем Алин обратился ко мне со следующими словами:

«Не окажете ли вы мне помощь в одном деле, о котором я не раз обращался к гу-

бернатору, но без успеха. Он нашел это неуместным».

«В чем дело?» — спросил я.

«Несколько лет подряд я собирал мех молодых зверей исключительного качества и сделал из них малахай, который хотел бы поднести Наследнику Цесаревичу».

«Сам я сделать этого не могу, и потому обращался к губернатору, но, видимо, он или не хочет, или не может этого сделать. Вы имеете очень легкий доступ к Их Величествам и, быть может, мне можете. Никаких наград я не хочу, а просто хочу выразить наши чувства Их Величествам. Зимой хорошо будет Наследнику в этой шубке».

Я совершенно не знал, мог ли или нет губернатор помочь Алину в этом деле; возможно, что если и мог, то это было сложно, ибо он не мог действовать помимо министра внутренних дел, а последний помимо министра двора.

С другой стороны, в таком отказе я лично видел большую ошибку, так как игнорировать выражение преданности таких людей, как Алин, особенно людей, живущих на далеких окраинах России и располагающих большими силами, по моему мнению, не следовало. Если считать очень скромно, то можно сказать, что у Алина было 3–4 тысячи охотников, а у последних были еще свои люди, и это уже целая армия преданнейших людей, и преданных не по обязанности, а «за честь и за совесть». Никаких мыслей о каком-либо вознаграждении у Алина, конечно, и быть не могло при его огромном состоянии, и, понятно, он не имел в виду «дать яйцо, чтобы получить быка», как говорят французы.

Зная из опыта моих многочисленных поездок по окраинам России манеру отношения русской высокой администрации к окраинам и находя ее глубоко неадекватной, я решил помочь в данном случае, ибо действительно имел полную возможность действовать без всякого риска.

Я человек ученый, могущий не знать тонкостей этикета и церемоний, и по своему неведению игнорируя все инстанции, мог прийти и принести. Обдумав это, я просил Алина прислать его подарок ко мне на квартиру в Петроград и, обещал передать его Императрице, так как подарок предназначался для Наследника. Кроме того, это был не первый случай, когда мне приходилось непосредственно передавать подношения Их Величествам, всегда встречаемые с большим вниманием.

Алин очень расстроился. «Никогда не забудем вашего внимания, это не меня одного касается, а всего промыслового Урала, да и значительной части Сибири». Просьбу Алина я исполнил по возвращении из Туркестана...».

Прочитав статью С. М. Прокудина-Горского, я вспомнил одну семейную историю.

▲ Семья Алиных. 1913 год. Из фондов Чердынского краеведческого музея

► Спасская часовня на месте захоронения 85 воинов-защитников Отечества, погибших в 1547 году в борьбе с ногайскими татарами. Построена в 1793 году. Взорвана большевиками в 30-е годы. Трудно понять этот акт вандализма по уничтожению памятника героям-воинам своими же соотечественниками. Та же участь была уготована Троицкой церкви (справа вдали). На этом месте, на Троицком холме, находилась Чердынская крепость, отражавшая набеги врагов. Фото С. М. Прокудина-Горского

Мария Николаевна Алина (Согрина), моя мама, когда ей уже было за 80, достала икону, которую я ранее не видел. Кто на ней был изображен, уже не помню. Но в памяти сохранилось другое.

Икона размером где-то 35 на 25 см была написана маслом на серебряной пластине. Больше всего поразило то, что, с маминых слов, эта икона — дар и благословение Императрицы Александры Федоровны.

Всерьез я эти слова тогда не воспринял. Причем тут «Ея Величество» и какой-то купец Алин с далекой окраины России, куда Императрица не поедет благословлять своих подданных. Хоть Н. П. Алин и поставил на стол «Их Величеств» рябчиков, белорыбицу и семгу, но это, скорее всего, делалось через посредников. Да разве императорское дело — знать, кто поставит ему на стол продукты.

Мама, конечно, обиделась за недоверие к ее словам. Скорее всего, она сама не знала причину появления иконы в семье Алиных. Когда Алины покидали родину, маме было всего 10 лет, а когда Прокудин-Горский был гостем у Алиных, ей шел всего лишь пятый год.

Второй раз мне пришлось иметь дело с этой иконой после смерти мамы, и по ее просьбе передать икону в церковь после отпевания. Значит, наша икона должна сейчас находиться в церкви города Багратионовска Калининградской области.

Перебирая уже сейчас архивы, я наткнулся на два документа: Автограф и «Благословение Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на маленьком молитвеннике. 1915 год, Царское Село» и второй — фотография «Ея Императорского

▲ Чердынь. Вид на север с водонапорной башни. Фото С. М. Прокудина-Горского

► Молитвенник с автографом Императрицы Александры Федоровны. Из архива Алиных

◀ Княжна Мария Николаевна.
Из архива Алиных

Высочества Великой Княжны Марии Николаевны» с автографом.

Статья Прокудина-Горского «Моя поездка в Чердынь» дала ключ для объяснения происшедшего: в благодарность за подарок «малахая» Наследнику Александра Федоровна послала в Чердынь этот дар и благословение семье Алиных. Подтверждают эту мысль и слова С.М. Прокудина-Горского «...это был не первый случай, когда мне приходилось непосредственно передавать подношения Их Величествам, всегда встречаемые с *большим вниманием*».

На руках — Мария, старший сын Петр и Василий. Последний, живя в эмиграции в Маньчжурии, а затем с 1957 года в Бразилии, стал ученым, самоучкой-энтомологом. Им открыто, описано и названо его именем около 30 видов бабочек и насекомых.

Вопреки своим намерениям, С.М. Прокудин-Горский задержался в Чердыни не на один день. На память потомкам он сделал там около двадцати снимков в разных частях города. А каждый снимок — выбор точки съемки, установка штатива и всего оборудования для метода цветоделения — занимал немало времени.

Это позволяет нам увидеть, какой Чердынь была сто лет назад. Увидеть, какими были храмы, уничтоженные большевиками. По его фотографиям восстановить некоторые из них.

Свой многотысячный архив фотографий Сергей Михайлович хотел ис-

пользовать в целях народного образования. Он ходатайствовал о введении нового учебного предмета в гимназиях — «Родиноведения».

Новая власть Советов приняла его как единственного специалиста в области цветной печати. В августе 1918 года Прокудин-Горский направляется Наркомпросом в командировку в Норвегию для закупки проекционного оборудования для низших школ. С этой поездкой он связывает реализацию своей общеобразовательной идеи использования фотоколлекции, которая не осуществилась в имперской России по причине расходов на Первую мировую войну.

Но с началом Гражданской войны, затянувшейся не на один год, новой власти было не до цветных фотографий. Про Сергея Михайловича забыли. Командировка превратилась в эмиграцию.

Из Норвегии Прокудин-Горский перебирается в Лондон, где пытается создать цветное кино. Однако все его коммерческие проекты из-за отсутствия достаточного количества средств не осуществляются.

В конце концов, он оказался в Париже. Его коллекция при невыясненных обстоятельствах была вывезена. Возможно, это осуществила его семья, эмигрировавшая в 1924–1925 годах. В Париже он устраивает демонстрацию своих снимков многочисленной российской эмиграции, пытается издавать альбомы своих фотографий, публикует в журналах очерки своих воспоминаний о поездках по России, интересных знакомствах и событиях. В конечном итоге,

чтоб прокормить семью, он возвращается к роли простого фотографа.

Так заканчивает свою жизнь в 1944 году талантливейший ученый, создатель первой цветной фотографии в России, наследник древнейшего дворянского рода Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Похоронили его на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Его коллекция в годы войны хранилась в плохих условиях и сильно пострадала. В 1948 году сыновья продали архив отца в Америку, и на десятилетия о ней ничего не было известно, как было забыто и имя автора. Только в начале XXI века снимки С.М. Прокудина-Горского, бережно хранившиеся все эти годы в Библиотеке Конгресса США, в результате новейших технологий были отсканированы и выложены в Интернет, стали культурным достоянием человечества. Благодаря глобальной компьютерной сети состоялось триумфальное возвращение Прокудина-Горского на Родину. **УС**

▶ Спаситель в темнице. Деревянная скульптура в Успенской «Алинской» церкви. Фото С. М. Прокудина-Горского

▼ Реконструкция (макет) крепости на Троицком холме. Фото С. Согрина

24-25 мая Майский экстрим

В программе:

24 мая с 10:00 на городском пруду:

- Выставка «УралБотШоу»
- Регата парусных катамаранов
- Регата яхт класса «Микро»
- Регата яхт класса «Пико»
- Состязательная программа инвалидов

25 мая на городском пруду:

- С 10:00 Выставка «УралБотШоу»
- С 10:00 Второй день парусных регат

25 мая в историческом сквере:

- С 10:00 Выставка экипировки, снаряжения и оборудования
- С 10:00 Мото- и автосалон

С 11:00 «Всероссийский Азимут»

С 11:00 Состязания по силовым единоборствам: масс-рестлинг, воркаут

С 13:00 Слэклайн, спелеотрасса в створе плотины, радиоуправляемые модели оффроад, дрифт

С 14:00 Водные дисциплины, кануполо, «лосось идет на нерест», ралли на каяках, байдарках, катамаранах

С 15:00 Воздушная гимнастика на полотнах

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com
ISSN 0134-241X

май 2014

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ВЛАДИМИР НОВИКОВ,
АНДРЕЙ ФЕДОРОВ
Зеркала лгут

50

68 **Сумма технологий**

ЯН РАЗЛИВИНСКИЙ
Приближали как могли...

68

77 **Координаты чудес**

ЕФИМ ГАМАЮНОВ
Своей дорогой

77

Зеркала лгут

Владимир Новиков

Родился и живет в республике Беларусь. Окончил физико-математический факультет Гомельского государственного университета. Работает инженером. Женат, двое детей. Участвует в сетевых литературных конкурсах. Любимый жанр — социальная фантастика.

Андрей Федоров

Все как всегда. Родился (относительно недавно — 22 декабря 1985 года). Учился (относительно отлично). Закончил (относительно неплохо). Начал (просто начал). И вот он — результат (относительно чего бы то ни было).

Ложь разлита в воздухе. Клубы ее плавают по комнате, разъедаая реальность. Даже зеркала лгут. Все вокруг фальшиво и эфемерно. Все, кроме... него самого? Не-ет, и он тоже — искусная подделка, обман, искореженная кукла.

Пожалуйста, хватит! Сколько можно издеваться?!

Мгновенье назад дом пылал. Огонь с адским проворством карабкался по стенам и страстно облизывал потолок. Казалось, от дыма легкие превратились в мешок, набитый осколками тех самых

лживых зеркал. Пламя подбиралось ближе. Еще миг и, смачно облизнувшись, проглотит...

Он только и успел закрыть глаза, чувствуя, как плаваются ресницы. Мертвенно-бледный свет вдруг хлынул отовсюду. Обжег даже сквозь закрытые веки.

Безумие — на лице и коже рук, в каждой клеточке. У света появились вкус и запах. Вкус страха. Запах ... должно быть, смерти, его не все помнят.

Поднять веки. Именно поднять, дрожащей рукой — мышцы лица отказались слушаться, и оно превратилось в пергаментную маску. Следов пожара не было и в помине.

Лишь пустой зал с теряющимся в высоте потолком. Еще дверь впереди. Чудная, сумасшедшая — скривившаяся, будто рот беззубой старухи, на один бок.

Свет на мгновение, лишь на долю секунды, погас. Но Им хватило. Они обступили стеной. Гниющая плоть, едва держащаяся на костях, струпья, язвы, горящие глаза-угли.

Когтистые пальцы потянулись, стремясь впиться, влезть под кожу, изорвать в клочки.

Внутри головы родился зловещий шепот. Вначале слов было не разобрать, но затем голос окреп. Казалось, деловито, по-хозяйски зашевелился в черепной коробке.

«Останешься... останься здесь... ос-с...»

Пистолет сам прыгнул в ладонь. Не даваться живым! Хотя...

Зачем мертвым жизнь?

Снял с предохранителя... Боже, как просто!!! Если — здесь и сейчас — исчезнуть, умрет и весь этот свихнувшийся мир! Отлично. Теперь ясно, куда стрелять. Промахнуться будет чертовски трудно.

Треск и хлопок. А значит, Уна на месте. Злая ирония — местом этим оказалась уборная. Ведь слэп — чувствительная перегрузка, подобно приземлению самолета. И каждый раз она чувствует давление на мочевой пузырь. Интересно, у всех так, или только у нее? Кто знает, а спрашивать не станешь.

Вроде бы — раз уж оказалась в туалете — пользуйся на здоровье! Но нельзя: в суде поднимут на смех — камера снимает все без разбору. А запись монтировать запрещено — не примут в качестве вещественного доказательства. Почти как в детстве: хочется, спасу нет, но за дверью спальни темно. Нужно выбраться из-под теплого одеяла и пробежать по жуткому коридору. Перебороть себя и тьму.

Не так уж, в конце концов, и беспокоит. Терпеть можно, и Уна терпит.

Тихий писк зуммера. Три, два, один — адреналин в кровь, и поехали. Уна открывает дверь уборной. Выходит, не глядя по сторонам, — сейчас только вперед! — пересекает коридор. Она точно знает: заплывший жиром, обрюзгший охранник смотрит в другую сторону. Остановиться, улыбнуться выходящему из офиса номер два мужчине — допустимое вмешательство. Улыбаться можно. Говорить — нет. Невысокая, слегка полноватая жгучая брюнетка — вот и все, что он запомнит.

Мужчина, набрасывая на ходу пижонистый белый плащ, рассеянно кивает. Отпускает дверь, поворачивается и исчезает за поворотом. Та хлопнется и без его участия. Он не видит, как Уна проскальзывает внутрь кабинета.

Взгляд девушки шарит по помещению, цепляясь за ящики, тумбочки, шкафы.

Стандартный офисный набор, канцелярский шик: имитация красного дерева и серебряный

блеск фурнитуры. Тяжелые, непроницаемые шторы на окнах. Хорошо. Кому нужны лишние глаза?

Вот он — сложенный вчетверо лист. Она разворачивает его, даже не стараясь вникнуть в смысл. Сделано: камера все снимет и превратит в неоспоримый аргумент обвинения.

Зуммер снова пищит, значит, документ получен, занесен в базу. Пора уходить.

Сделано.

Сердце отплясывало, ускоряясь. А потом вдруг проваливалось в бездонную пропасть. Мчалось навстречу... чему? Неважно, ведь там — Она была уверена — ее ожидало счастье.

— Та-да-дам, ти-да-да-ти-да-да-там, — неожиданно для себя запела она, хотя сопротивлялась безудержному веселью до последнего.

Как мало нужно человеку — и особенно женщине — для счастья! Свободна от работы, жалование пару часов назад перекечовало на счет и терпеливо ожидает возможности ее побаловать. А еще они наконец-то увидятся. Роман такой занятой. Вечно хмурый, но к его плохому настроению привыкла.

Что поделаешь — «бывший русский». Тащит на плечах мировую скорбь. Пропадает неделями неизвестно где.

Но не сегодня. Когда же они встречались в последний раз? Десять дней назад или больше... целая вечность. И то в спешке, на бегу. Он почти прошел мимо. Поникший, сгорбленный, чем-то сильно озабоченный. И ужасный кровоподтек на левой скуле.

Уна схватила его за руку и сильно дернула. Будто пыталась вытащить утопающего из воды. Получилось — он поднял взгляд, вздрогнул. Потом узнал ее, улыбнулся широко, открыто. Так только он один умеет.

— Привет, пропажа.

Она чмокнула его в щеку. В правую, а по левой бережно провела пальчиком.

— Где это тебя так?

Роман пробормотал что-то нечленораздельное. Она разобрала всего два слова: «Работа, понимаешь».

— Давай сегодня закатимся в «Арктурианскую пчелу». Я угощаю.

— Знаешь, малыш, не получится.

— Фу, какой противный! — протянула она и обиженно надула губки. — А когда мистер «Я чертовски занят» сможет?

— На следующей неделе, тогда уже точно.

— Хорошо, вернусь из рейса, и ты не отвертись. Попробуй только!

— Заметано, — с облегчением согласился он, снова улыбнувшись. Тут же превращаясь в того самого, единственного.

И с тех пор не звонит. Мужчины...

Так позвонит она.

Но телефон вероломно предал — окатил холодным душем безразличных к ее желаниям гудков.

Один, два, три.

Девятый гудок оказался особенно громким и длинным. А когда оборвался — возникла тишина, какая бывает за секунду до сна. Уна почувствовала, как время пытается сжать тело. Неужели она еще там? Одна, вокруг чужой, враждебный мир. Свернулся клубком змей и угрожающе шипит: «Мерзавка, пош-ш-ш-ла вон!». Представилось это так ясно, что она почти услышала звук трущихся друг о друга чешуек.

В следующую секунду тишина лопнула. Десятый гудок разорвал ее пополам. Наваждение слынуло, оставив лишь кислый с горечью привкус во рту.

Прежняя радость почти исчезла, подернулась тонким слоем серого пепла.

Пятнадцать. Шестнадцать.

Она сбросила набор.

Вот же! Должно быть, ошиблась номером. Конечно, это все объясняло. Глупая гусыня!

Еще попытка, и прежняя пустота на том конце. Может, он в ванной? Вышел за сигаретами и оставил телефон? Украли, потерял, в ярости разбил о стену, да мало ли.

Однако сердце... Вначале оно тихонько покусывало, а теперь стало подвывать.

Набрала еще раз. Для себя решила, что в последний. Зачем-то невыносимо защипало глаза. Уна заморгала часто, пытаясь прогнать резь. Но помогало слабо: слеза родилась, поползла вниз и, соскользнув по щеке, обожгла уголок рта.

Десять. Двенадцать. Пятнадцать...

А сердце-паникер ревели в голос: «Немедленно — слышишь?! — немедленно приезжай, бросай все... спаси! Если ты здесь и сейчас, я жду!».

И вдруг...

— Да.

Голос мужской, низкий и хрипловатый. И самое главное — абсолютно Не Его.

— Добрый вечер, я, должно быть, ошиблась.

Уна назвала последние цифры номера.

— Все правильно, — ответили ей.

— Тогда Роман как же...

— А вы кем ему доводитеесь?

— А вы вообще кто?! — огрызнулась она, начиная злиться, резко встала на ноги и заходила из угла в угол.

Собеседник представился. Фамилия Линдерни о чем ей не говорила. А вот должность — детектив из службы внутренних расследований — за-

ставила вздрогнуть и снова присесть на край кровати. С этими ребятами она еще ни разу не встречалась, хотя и слышала об их существовании.

— Еще раз прошу, мэм, назовите свое имя.

Она выполнила теперь ставшую законной просьбу.

— Одну минуточку, — попросили ее, и она повиновалась. Ожидала, впрочем, недолго.

— Мне очень неприятно вас огорчать, но... Роман Маркоф обнаружен сегодня мертвым, мэм.

Уна вновь услышала свой голос со стороны. Казалось, он сыпал грязными ругательствами. Смысл некоторых из них она и понимала-то с трудом. А потом он умолк, растворившись в слезах и почти зверином рычании.

— Привет.

— Привет. Вы тоже здесь новенькая?

— Да, сегодня первый день.

— Будем знакомы, я — Роман.

— Уна.

— Вы не представляете, насколько приятно.

— Мне тоже. Ну? Еще увидимся?

Уна вздрогнула и проснулась. Когда из светлого сна-воспоминания выскальзываете в холодный мир — это всегда как смерть. Зарылась в подушку, укрылась с головой. На какое-то время сработало. Кажется, она заснула вновь.

Но...

...утро все равно настало. Солнцу нет дела до творящегося под ним бедлама. Уна попыталась открыть глаза, но это вышло не сразу. Смесь высоких слез и туши надежно склеила ресницы.

Будто ожидая ее пробуждения, запищал телефон.

— Алло, — прошептала она и едва расслышала собственный голос, тусклый и безжизненный.

— Добрый день, я говорю с госпожой Роа?
— Да, — прозвучало еще тише.
— Извините, что тревожу, мне неловко вас об этом просить, — равнодушный сухой голос, на автомате говорящий вежливости, — но больше некого.

Очевидно, детектив Линдер был уверен: его узнают и так, поэтому и не счел нужным представляться.

— Что вы хотите?

Некоторое время Линдер молчал, выдерживая паузу.

— Нужно опознать тело.

Уна ахнула.

— Чистая формальность, но ее нужно соблюсти. Родных у господина Маркофа не было. Согласно нашим данным, близких отношений он ни с кем, кроме вас, не поддерживал...

Следователь вздохнул.

— Поможете?

На миг возникло желание выкинуть телефон из окна. Тогда, услышав завывание ветра, Линдер поймет, что она думает по этому поводу.

— Я помогу, — ответила девушка и мысленно послала детектива к черту.

— Замечательно, — отозвался Линдер. — За вами прислать машину?

— Прямо сейчас? — растерялась Уна.

— Только если вам удобно, — ответил он тем же бездушным голосом.

Удобно, неудобно, но уже через три четверти часа ее доставили в городской морг. Гигантское здание, пепельно-серое снаружи, стерильно белое внутри. Линдер встретил ее у входа. Он оказался высоким худощавым мужчиной средних лет с серым, испещренным морщинами лицом. Он поздоровался и предложил следовать за ним.

Лампы заливали холл ярким, чуть голубоватым светом. Ее провели по коридору, услужливо поддерживая под локоть. Она то и дело хотела закричать: «Отпустите, пойду сама». Но не стала, понимая, что сейчас не справится с такой длинной фразой.

Следующие полчаса из жизни Уна предпочла бы вычеркнуть. Не видеть ровные ряды прозрачных коробочек с прессованным прахом. Наборы посверкивающих холодным блеском инструментов. Серые, безразличные к чужому горю люди.

И Роман, изуродованный, непривычно мертвый.

А когда все кончилось, ей почему-то сразу стало легче. Как миновавшему точку возврата летчику: назад дороги нет, мрачная определенность безнадёжности.

Линдер, заметив перемену, отвел ее в просторный зал без окон, но с диванами и столиком.

А когда Уна устроилась на одном из диванов, задумчиво сказал:

— Вы знаете, это очень странное самоубийство. Не возражаете, я спрошу одну вещь? Насколько вы были близки?

Уна вспыхнула.

— Это допрос?

— Нет, мэм, что вы! Просто есть вещи, которые меня смущают. Послушайте, Роман был ... скажем, модником? Или нарциссом?

— Конечно же, нет! Какая нелепость!

Линдер кивнул.

— И я так подумал. Но знаете, что интересно? Он застрелился, глядя в зеркало.

Зеркало? Озноб пробежал по спине Уны. Почему именно зеркало?

— Вот и я думаю, почему зеркало, — сказал Линдер, и девушка осознала, что последнюю фразу произнесла вслух.

— А знаете, что еще интересно?

Не найдя сил справиться с голосом, Уна мотнула головой. Линдер внимательно взглянул ей в лицо.

— Вам плохо?

Не дожидаясь ответа, он подал ей пластиковый стаканчик с водой.

— Вот, выпейте.

Благодарно кивнув, Уна последовала совету. Прохладная вода хлынула в пищевод, и горло отпустило.

— Спасибо, — хрипло поблагодарила она.

Линдер кивнул и продолжил:

— Так вот, на колонне, ближайшей к двери, обнаружена кровь Романа.

— Что же тут странного? Кровь появляется, если люди стреляют себе в голову.

Линдер бросил на девушку быстрый взгляд.

— Странно то, как эта кровь располагается на колонне, — вкрадчиво сказал он, сделав ударение на слове «как». — Предположим, ваш бойфренд покончил с собой, сидя у зеркала, — а траектория пули это подтверждает, — значит, кровь обогнула колонну и отпечаталась с противоположной от тела стороны. Иных ран нет. Роман умер мгновенно. Допустим совсем невероятное — ему помогли: умер он рядом с колонной, а потом его усадили за стол. Но следы перемещения тела отсутствуют. Как и признаки того, что пол мыли. Не по воздуху же его доставили? Отсюда вопрос: как кровь попала на колонну?

Почему-то эта деталь особенно испугала Уну. Она потянулась за сигаретами, но Линдер кивнул на запрещающую красную табличку. Чертыхнувшись, девушка с силой швырнула пачку в урну и вызывающе взглянула на детектива. Но тот, ка-

залось, даже не обратил на это внимания. Он рассеянно смотрел в другую сторону.

— От меня еще что-то требуется? — ледяным тоном спросила она.

— Нет, спасибо, что выкроили время. Я вас больше не задерживаю, — засуетился Линдер. — Может быть, подвезти?

— Я сама как-нибудь доберусь, — мысль о еще хотя бы минуте в обществе детектива вызвала тошноту. Уна чуть ли не выскочила из кабинета, успев напоследок заметить, как детектив поглядывает на ее стаканчик с водой.

Решение пришло само. Ей даже показалось, что она проснулась с этой волнующей мыслью. Сразу все переживания дня показались никчемными и пустыми. Линдер со своими странными взглядами отошел на второй план.

Она же слэппер! Конечно, организация постаралась вдолбить ей мысль об опасности недопустимого воздействия. И Уна была согласна с доводами. Но теперь... умер Роман.

Она все исправит, сможет исправить, должна...

Ворочая эту фразу во рту, будто горькую, но спасительную таблетку, она добралась до работы. Пускай сегодня была и не ее смена, Уну пропустили внутрь. План действий сформировался в голове и нетерпеливо требовал исполнения.

Лишь один человек мог помочь ей. И уж своего шанса она не упустит.

— Привет, Скот, как твои меченосцы? — спросила она, тихонько войдя в кабинет и остановившись у шарообразного аквариума.

— Ой, здравствуйте, — весело поприветствовал ее высокий рыжеволосый парень в белом халате и поднялся навстречу. — Эд совсем плох, грибок, я думаю, а так все о'кей.

— Бедный Эд, — протянула Уна сочувственно. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Ну, я попробую что-нибудь придумать.

Уна подошла к нему поближе, их разделял только стол.

— Конечно, придумаешь. Ты же ведь умница.

— А вы пришли поработать? — Скот постарался перевести разговор. — Просто вас нет в списке. И я не видел сегодня заявок из прокуратуры.

— И да и нет, — загадочно улыбнулась Уна. — А если я скажу, что пришла к тебе, ты меня выгонишь?

Скот постарался не подать виду, что взволнован. Но зардевшиеся щеки выдали его.

Как цинична и беспардонна жизнь. Этот парнишка, в сущности, совсем ребенок, но с докторской степенью. Почти год он смотрел на нее как на божество.

Притворялся, что внимательно изучает ее состояние перед слэпом. А сам стремился лишний раз подержать за руку, отсчитывая пульс и заглядывая в зрачки. Так мило, что Уна даже перестала напоминать о мультидатчиках, предназначенных для этой цели. Сначала ей было чертовски приятно. Но со временем приелось и раздражало.

И сейчас самое главное, чтобы Скот не заметил раздражения.

— Ну, не положено, конечно... — только и промычал он.

— Скот, мы можем поговорить?

Она облокотилась на стол. Парню открылся замечательный вид на глубокий вырез ее платья.

— Я вас слушаю, — заметно изменившимся голосом ответил Скот.

— Мы уже год знакомы, давай на «ты»? А то я чувствую себя такой старой...

— Хорошо. Ты так выглядишь, что я сначала думал, мы почти ровесники.

— О, комплимент. Спасибо, приятно, — улыбнулась она и кокетливо поводила плечами. А вместе с ними и другими соблазнительными прелестями.

Скот смутился еще больше.

Тут голос Уны дрогнул. В нем появились печальные нотки.

— Скажи, Скот, у тебя есть девушка?

— Нет, по правде, ничего серьезного. Так, от случая к случаю.

— А ты любил?

Скот опустил взгляд и пробормотал нечто невразумительное.

— Понимаешь, человек, которого любила я, умер.

— Мне очень жаль, правда.

— Ладно, я почти привыкла жить без него. Да... привыкла. Мне очень плохо, Скот, я не вру... но так уж вышло. Единственное, не знаю, поймешь ли ты... мы даже не попрощались. И я очень виновата перед ним.

— А сейчас, — продолжала девушка, — отдам все, чтобы просто еще раз заглянуть ему в глаза. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, и вы хотите...

— На «ты», помнишь?

— Простите... прости. И ты хочешь, чтобы я...

— Скот ... давай я заплачу тебе?!

— Меня уволят, если узнают.

— Тогда скажи, что мне сделать? Ну, пожалуйста, если бы ты любил, на что бы был готов? Или может...

Она быстро прыгнула к нему на колени. Прижалась всем телом и горячо прошептала на ухо:

— Я сделаю все, слышишь?!

И тут же, будто возвращаясь из секундной слабости, из забытья, отстранилась.

— Прости, я не должна была.

Но Скота как подменили. Он порывисто схватил ее рукой за талию и притянул к себе.

Уна не ожидала от парня такой прыти и слегка растерялась.

— Уна, поймите... пойми. Я же не железный!

И он сделал то, что совсем не входило в ее планы: опустил руку ей на бедро и пребольно впился в губы поцелуем. А когда отпрянул, с придыханием сказал:

— Будем считать это задатком.

Она облизала губу, почувствовав солоноватый вкус, и мягко выскользнула из объятий.

Скот проводил ее слегка безумным взглядом.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Сейчас.

Ученый воровато огляделся, будто шкодливого мальчишка.

— Сейчас, значит? Хорошо. Справимся быстро, — он встал с кресла и скрылся за защитным экраном. Уна двинулась за ним. Когда она вошла в операторскую, Скот уже колдовал над панелью управления.

— Точная дата? Время?

Уна назвала.

— Та-ак. Перегрузки в этот раз будут не такими сильными. Суперточность не нужна... Ага, садись.

Девушка мигом очутилась в кресле. Пристегнулась, нацепила датчики.

Скот подошел, проверил. Слегка провел пальцем по щеке Уны. И убрался обратно в операторскую. Дверь за ним с шипеньем закрылась.

— Готова? — донесся из динамиков голос.

— На все, — шепотом ответила Уна.

Воронка пространства-времени захлестнула. Желудок качнулся из одного бока в другой. Свет мигнул и рассыпался дождем осколков...

— Что за черт?!

Озабоченный голос Скота рассеял иллюзию. Уна скривилась — чертовы приступы стали учащаться. Вот спасет Романа, нужно будет разобраться.

— Что случилось, Скот?

— Четыреста девятая, — бросил он, будто это все объясняло.

— Какая? — переспросила Уна.

— Ошибка четыреста девять. Конфликт запросов.

Уна привстала с кресла, чтобы видеть лицо Скота.

— Чего? Объясни нормально!

Ученый мельком взглянул в ее сторону. Затем вышел из операторской, уселся рядом с Уной и тихо сказал:

— Это закрытая информация... Но ты из своих, тебе, наверное, можно.

— Давай, не томи. Что случилось?

Скот вздохнул и пояснил:

— Ошибка четыреста девять значит, что ты там уже есть.

Несколько мгновений Уна осознала услышанное.

— Погоди-ка. Хочешь сказать, я уже была там с Романом в момент его смерти?!

Скот кивнул.

— Бред! Когда бы я успела? Он же только вчера...

— Уна, никто и не говорил, что ты успела. Вполне возможно, это была ты... из будущего.

Девушка не нашлась, что ответить. Значит она — та, которая только будет, присутствовала там. Совер-

шенно некстати вспомнился Линдер с его «загадочной кровью».

— И что же я там делала? То есть буду делать?

То есть... черт! — разозлилась Уна.

— Очевидно, пыталась спасти Романа, — пожал плечами Скот.

— Но ведь он... — Уна прикусила губу. Если Роман по-прежнему мертв, значит, второй Уне не удалось его спасти. Либо... она там была вовсе не для этого.

— И когда же я смогу туда попасть? Или теперь никогда?!

Скот положил ладонь на плечо девушке, но тут же убрал:

— Я не знаю. И никто не знает. Давай попробуем завтра. Вдруг ты прыгнула в прошлое именно из завтрашнего дня? Хорошо?

Ученый помог девушке выбраться из кресла. Совершенно потерянная, она прошла мимо Скота и направилась прочь из кабинета.

Благословенен будь придумавший тьму. Она ослабляет нервы, заботливо укутывает. У слабых духом рождает страх. Смешно. Уне казалось, будто ее нет. И только темнота сидит на краешке кровати и прислушивается к себе. За стеной негромко постукивала скрипка в объятиях виолончели.

Все лучше, чем наглые, до спазмов в животе, электронные басы.

Пустота и скрипка. Уна почувствовала, как к горлу подкатывает соленый с горечью ком.

А, к черту!!! Она хлопнула в ладони, зажигая свет. Темнота трусливо поджала хвост. Рванулась в дальний угол и замерла, ожидая нового шанса. И вовремя, поскольку Уне начало казаться, что во тьме появились и стали приближаться бесформенные тени.

Бессмыслица! Зачем этот сумасшедший прострелил себя?! И какого черта она там делала? Девушка

сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, причинив боль. Таковую необходимую сейчас боль. Она отрезвила.

А ведь она была там, когда Роман... Так почему же ни одна ее извинка не сохранила и частицы воспоминаний об этом?

Она не заметила, как начала говорить вслух:

— Скот что-то напутал. Наверное, он не хотел, чтобы я оказалась там и нашкодила еще больше.

Нет, не сходитя. Он был готов на все. Где ему схитрить, когда вся кровь не в голове. Так смотрел, будто из штанов сейчас выпрыгнет.

Тут она осеклась. Почувствовала, что последняя мысль — о ужас! — взбудоражила, доставила ей удовольствие. Воображение нарисовало несколько ярких картин. В них — обнаженная плоть, пот и стоны.

И вдруг стало противно. До рези в животе, до тошноты. Она ударила себя по щеке. Сильно, беспощадно, на уничтожение.

— Дура! — закричала Уна.

Крик совпал с моментом, когда в комнате погас свет. Показалось вдруг, будто кто-то зажал ей рот и нос холодной скользкой ладонью. Даже запах, удушливо-сладковатый смрад, забрался через поры кожи. Просочился в мозг. Страх пустил корни. Будто голодный паразит, впился во все органы, по-хозяйски пошевеливая отростками. Уна попробовала зажечь свет хлопком. Но тот отчего-то медлил. Тьма брала верх, довольно потирая руки. Кто знает, есть ли они у нее? Стало страшно по-настоящему.

Она рванулась к выключателю на стене. Зацепилась за прикроватный столик и рухнула на пол, взвывая от ужаса. Ей повезло — сбросила на пол телефон. От удара тот заискрился мягким зеленоватым светом. Уна тут же схватила его обеими руками. Будто меч, направила в темноту, вспоров ей брюхо. Луч осветил

зеркало на стене. А оттуда на нее смотрела незнакомая женщина. Нет, в ней что-то оставалось от прежней Уны.

Слишком мало.

И самое главное, Уна почувствовала — на нее смотрела женщина, умеющая убивать ее счастье.

А на следующий день позвонил Линдер.

— Доброго вечера, мэ. Мы с вами недавно встречались, помните?

— Помню, — поджала губы Уна.

— Не хотите встретиться сегодня? Скажем, через час или два.

От возмущения Уна сразу не нашлась что ответить. Помолчала и выдавила:

— Зачем?

— Как зачем? — удивился детектив. — Неужели такой мужчина, как я, не может пригласить девушку на свидание?

Затем в трубке раздался смех, довольно приятный, заразительный. Именно этот смех прорвал плотину терпения. Уна зло прошипела:

— Учитывая обстоятельства, мне кажется, ваш тон несколько...

Ей даже не пришлось заканчивать фразу. Собеседник сам понял, что погорячился.

— Извините, не удержался, — попытался исправить положение Линдер. — Шутка, мэ. Хотел вас ободрить, и только. Еще раз прошу прощения.

— Допустим, принято. Чего вам угодно?

— Понимаете, дело о самоубийстве вашего друга закрыли. Но у меня осталось несколько соображений, которые никак не дают покоя. И получается, я не могу этим поделиться ни с кем, кроме вас.

Уну будто током ударило. А что, если теперь она сможет разобраться в произошедшем? Вдруг получит шанс спасти Романа?

— Я готова. Куда приехать?

— Если не возражаете, встретимся на нейтральной территории.

— Где хотите.

Гори оно все! И Уна выбрала самое любимое платье. Макияж и прическа заняли довольно много времени. Девушка целиком отдалась простому делу — приведению себя в порядок. Конечно, старалась она не для Линдера. Скорее для себя. И самую малость для Романа, пусть он и не увидит ее такой.

Название ресторана, который выбрал для встречи Линдер, показалось ей знакомым.

Линдер был на месте и явно выказывал признаки нетерпения. Однако попрекать девушку опозданием не стал. Она что-то заказала. Ели пила без вкуса, будто отдавая долг. Линдер же насыщался впрок, как изголодавшийся зверь. А когда закончил, сыто откинулся на спинку стула и спросил:

— Скажите, Уна, — я ведь могу вас так называть? — насколько вы были близки с Романом?

— Вы уже спрашивали, — поджала губы девушка.

— Спрашивал, — согласился детектив. — И вы не ответили.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Боюсь, — покачал головой Линдер, — самое прямое. Ну? По шкале от нуля до десяти, насколько?

— Достаточно, — сквозь зубы ответила Уна.

— А конкретнее? — улыбнулся Линдер и подался чуть вперед.

Стараясь говорить ровно, девушка посмотрела детективу прямо в глаза:

— Господин Линдер, вы заманили меня сюда, чтобы лишний раз допросить? Мне уйти? Я ожидала обратного: вы расскажете мне о новых обстоятельствах смерти Романа.

На лице детектива мелькнуло странное выражение. Затем он успокоился и принял прежнюю расслабленную позу.

— Хорошо. Вы правы. Даже находясь вне работы, я веду себя как неотесанный коп.

Линдер виновато поглядел в стол. Потом поднял взгляд, и Уна не увидела в нем ни тени раскаяния.

— Понимаете, я не из любопытства спрашиваю. Дело в том, что Роман оставил предсмертную записку. По вашему лицу вижу, вы этого не знали. Тем не менее, это так. И не одну, а с десяток. Все они будто написаны, скажем, нездоровым человеком.

Детектив слегка пригубил кофе. Посмотрел на девушку, словно оценивая, стоит ли продолжать. Их взгляды встретились. Отведя глаза первой, Уна проиграла вчистую.

— Давайте дальше, — попросила она.

— Записки исчерканы, полны исправлений. Но сводятся к одному. Он просит у вас прощения, кажется, говорит, не хотел. Сначала я подумал, что речь идет о самоубийстве. Но потом...

Линдер снова замолчал, сильно задумавшись.

— Потом понял, — сказал детектив наконец. — Они написаны в течение нескольких дней. Возможно даже, пары недель. Кто же пишет предсмертную записку так долго? И я подумал, а вдруг это не предсмертная записка.

— А что же тогда?

— Не знаю, просто письмо с извинениями. Почему нет?

— Что вы хотите сказать?

— Абсолютно ничего, мэм. Кстати, я упоминал, что в крови Романа нашли следы наркотических веществ? Я бы с таким коктейлем видел единорогов и фей. И двинулся бы с трудом. Представляете?

— Я встречалась с ним за неделю до... этого. Он был в порядке, — возразила девушка.

Детектив улыбнулся и кивнул, будто она подтвердила его довод. Память Уны тревожно заворочалась.

...Уна схватила его за руку и сильно дернула, будто пыталась вытащить утопающего из воды. И у нее получилось — он поднял взгляд, вздрогнул, потом узнал ее, улыбнулся...

...поднял взгляд, вздрогнул...

Он увидел ее и вздрогнул! Как она могла не заметить этого тогда?!

Линдер участливо спросил:

— Вам плохо?

— Нет, все в порядке, продолжайте.

— Если хотите, можем встретиться в другой раз, — с сомнением проговорил детектив, но девушка замотала головой.

— Хорошо, — легко согласился Линдер. — Тогда продолжим. Теперь вы понимаете, я не зря спрашивал о ваших отношениях. Вот вы, например, знали, что у него есть пистолет?

Немного подумав, Уна кивнула.

— По службе ему положено оружие.

— А, скажите, когда вы видели этот пистолет в последний раз?

Девушка задумалась.

— Пожалуй, никогда. При мне он ни разу не доставал оружие.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — тряхнула головой Уна. — Есть у него такой пунктик. Был. Никакого оружия при женщине.

Сказала и ощутила вдруг, как сильно ей не хватает Романа.

— Это правильно. Правильно, — одобрительно закивал Линдер. — Но знаете, что любопытно?

Уна покачала головой.

— Если вы не видели пистолета, откуда же на нем взялись ваши отпечатки?

На мгновение вокруг Уны воцарилась полная тишина.

Тук-тук! Тук-тук!

Сердце, застучавшее прямо в ушах, разрушило безмолвие. Звуки — звон бокалов, разговоры, тихая музыка — тотчас вернулись.

Теперь сомнений не оставалось. Это она. Уна из будущего пришла и убила Романа. Нашла письмо, и выдала его за предсмертную записку. Накачала наркотиками, а потом... Но зачем?

— Думаю, дело не закрыто, так ведь? — услышала она свой голос. Очень спокойный.

Линдер, улыбаясь, покачал головой. И только теперь девушка поняла — выражение на лице детектива, которое она приняла за сочувствие, на самом деле было плохо сдерживаемым ликованием. Плотноядным ликованием охотника, который загнал жертву в угол.

— Ордер сейчас принесут, долго получали, — сказал Линдер, не уточняя, что за ордер. И так понятно.

Уна поднялась из-за стола. Ее слегка шатнуло.

— Что с вами? — поинтересовался детектив.

— Вино расшалилось. Мне бы отлучиться ненадолго, — Уна еще слышала свой голос со стороны.

— Не возражаю, — развел руки Линдер, а на самодовольном лице ясно читалось: «Никуда ты теперь не денешься».

Оставив сумочку на столе, Уна молча повернулась и пошла к туалету. Брошенный взгляд на выход из ресторана подтвердил ее опасения: там дежурила пара человек в штатском. Совершенно не скрываясь, они проводили ее взглядом. Будто сторожевые псы: по отмашке хозяина набросятся, собьют с ног и вопьются клыками в горло. Но Уна успела взять себя

в руки. Теперь ей не нужно было мучиться неизвестностью. Правда раскрыта. Да, сука из будущего убила Романа и попыталась выставить это как самоубийство. Осознание факта придало Уне сил. Хватит плакать и стенать. Настало время действия.

Уборная встретила ее полумраком и тишиной. Повезло — кроме нее, посетителей здесь не было. Она осмотрелась по сторонам. Должен быть выход, должен... Вот же — окно под самым потолком! Неведомо кому нужное в клозете. Но упрямые строители продолжают их делать. На благо таким вот неудачницам, как она.

Уна столько раз видела это в кино. Окошко открылось легко и непринужденно. Будто из него каждый день кто-то вылезает, спасаясь от службы расследований. Она подобрала платье и полезла вверх. Раздался треск. Платье порвалось. Но Уна уже стояла на земле, прижимая к груди туфли. Осмотревшись по сторонам, — не мог же Линдер просто отпустить ее! — она, не оглядываясь, нырнула во тьму.

Время встало на дыбы. Выгнулось дугой, а Уну сжало в точку. Затем все чувства свернулись в спираль. И, конечно, появилось знакомое ощущение — резь и тяжесть внизу живота.

Уну качнуло. Чтобы не упасть, девушка оперлась на стену. И замерла. Это не было очередным приступом. Такие знакомые симптомы. Как во время слэпа.

И перед ней — квартира-студия, погруженная в полумрак. Стойкий запах трагедии — тошнотворная смесь лосьона для бритья и слез безумия. Свет не льется, он дрожит. Пламя свечи старается прыгнуть с фитиля, удрать прочь.

Глаза привыкают к темноте, выхватывая подробности. Мутный силуэт в пяти шагах превращается в человека. В единственного во всей вселенной, нужного ей человека.

Роман сидит за столом спиной к ней. Напротив — зеркало. В зеркале — его лицо: скорбно опущенные уголки рта, бритый до синевы подбородок, вертикальная морщина, раскалывающая высокий лоб. Глаза — два колодца. Не человек — восковая фигура.

Мириады чувств бьют Уну прямо в сердце. Ноги подкашиваются, и девушка падает на колени. Губы шепчут:

— Ты жив!

Восковое лицо в зеркале отворачивается от Уны. Одновременно с этим к ней поворачивается Роман. Секунды молчания. А затем в воздухе повисает одно единственное слово. Недоверчивое, но полное скрытой звенящей надежды:

— Ты?!

И тотчас злое колдовство спадает. Черные колодцы превращаются в усталые глаза. Воск испаряется с кожи. Это снова Роман. Из его руки выпадает пистолет и с гулким стуком ударяется о столешницу.

Уна вдруг оказывается в объятиях своего мужчины.

— Уна! Это правда ты?! Откуда?!

— Я не знаю! — шепчет девушка. — Не знаю. Да и какая разница?

— Чудо! Настоящее чудо.

Голос Романа взволнованно дрожит. Каждое слово дается с трудом:

— Я тут с ума схожу... Не появись ты... не знаю, что бы было!

— Потому и пришла, — могла бы ответить Уна, но молчит. Кому нужны слова?

Последние два дня, как туман под солнцем, исчезли без возврата. Она смогла! Смогла! Ликование и счастье переполняют сердце девушки. Время идет. Или не идет. Не важно.

Но вдруг...

Хлопок. По нервам девушки хлещет страх. Оборачиваясь, Уна понимает, кого увидит. Девичий силуэт в сумраке. Она — та, которая из будущего — пришла разрушить свое-чужое счастье.

— Я чувствовала! Чувствовала, что ей нельзя доверять! — вопит внутренний голос.

И тем сильнее шок, когда она видит серьезное мужское лицо: небольшой шрам на виске, волосы с проседью. Проседь теряется в полутьме, но Уна знает — она есть. У двери стоит Роман. В руках — пистолет. На лице сосредоточенное выражение. Роман шурится, привыкая к сумраку. Взгляд бросается к свече на столе. Скользит по зеркалу, а затем вливается в Уну. И отступает.

— Ты?!

Одно слово, один голос. Но какие разные интонации. Теперь в нем испуг, недоверие и даже бессильная ярость.

— Уна?! Что ты здесь делаешь?! Почему опять?!

Только теперь мутные глаза Романа, обнимающего Уну, фокусируются на пришельце. Короткий миг узнавания. А затем улыбка.

— Я знал, — с облегчением говорит Роман, ее, Уны, Роман. — Я так долго этого ждал.

Он слегка отстраняется.

— Отойди, Уна. Не мешай ему. Сейчас все кончится.

— Что кончится?!

— Это, — отвечает чужой Роман. — Отойди, Уна. Так нужно. Мы с ним понимаем.

И почти нежно отталкивает ее. Знает, что она не отойдет по собственной воле. Пламя свечи вздрагивает, будто от ужаса. Густая тень девушки дрожит вместе с ним. Ее Роман, по-прежнему улыбаясь, смотрит на двойника.

— Понимаю тебя, старик. Встретить ее еще раз в шахте... Ты в шоке, да?

— Еще в каком, старик, — через силу улыбается Чужой. Видно, что ему совсем не смешно.

— Давай закончим побыстрее, — выдыхает Свой. Двойник с облегчением кивает и поднимает руку с пистолетом.

Безумие за долю секунды облетает тенью комнату и вонзается в Уну.

— Н-е-ет!

Свечка, задетая рукой, летит на пол. Комната погружается во мрак. А затем три ослепительные вспышки — одна за другой.

Эхо выстрелов бьет по ушам. Некоторое время вокруг девушки только тьма и пронзительный звон. Она роняет пистолет Романа и рыдает, не слыша собственного плача.

Выключатель щелкает целую вечность спустя. Все заливают ровный мертвый свет.

Посреди комнаты — совершенно потерянный Роман. Свой Роман. Пришельца нигде нет. Он исчез, оставив после себя только брызги крови на колонне.

— Зачем ты так? — вдруг бормочет Роман.

— Что? — Уна не верит своим ушам.

— Зачем ты его убила?

Нелепость вопроса пугает.

— Но он же... угрожал... угрожал нам пистолетом!

— Не нам, — мягко поправляет Роман. — Только мне. После прошлого раза он бы ни за что не причинил тебе вред, поверь. Я знаю.

— Какого прошлого раза?

Роман молча подходит, присаживается. Их глаза на одном уровне.

— Я люблю тебя, Уна.

Поцелуй должен обжечь. Но ей кажется, это ледяные губы мертвеца.

Роман подбирает пистолет. Деловито заглядывает в барабан.

— Какого прошлого раза?! — Уна чувствует, что упускает нечто очень важное.

Роман садится за стол. Его отражение глядит на девушку.

— Я надеялся, что это закончится. Я так виноват перед тобой, Уна.

— Какой прошлый раз, Роман?

Его отражение мягко улыбается и приставляет к голове пистолет.

Как в замедленной съемке, девушка стремится к нему, но видит, что не успеет. Тянет руки, но знает, это не поможет.

— Останься, — шепчут губы.

Отражение с улыбкой качает головой, закрывает глаза и...

Хлопок. Время изогнулось дугой.

Такое с ней произошло впервые: вернулась, и тут же стошнило. Прямо на грязный асфальт. Уна отдышалась, вытерла рот.

— Дрянь... — неизвестно кому адресовала ругательство девушка. Огляделась — кирпичная стена, маленькое окошко чуть выше человеческого роста. Ага, переулочек за рестораном. Отсюда забрали, сюда же и вернули.

Буквально день назад Уна утонула бы в слезах. Но не теперь. То ли она стала сильнее, то ли осколки разбитого сердца остались на асфальте за рестораном. Отшвырнув испорченные туфли, девушка побежала к машине. Авто заведется и без ключей — хорошо, что не поскупилась на биометрику. А сумочка — пусть останется мистерию детективу. Носите на здоровье, черт бы вас побрал!

Машина узнала хозяйку, посигналила, открыла дверь. СВР-овец, дежуривший неподалеку, увидел Уну, но не успел ничего сделать. Взвизгнув, авто с места рвануло по вечерним улицам. Проезжая мимо

входа, Уна заметила, как из ресторана выскочил Линдер с перекошенным от ярости лицом. Сумочку захватил? На панели замигал значок визиофона. Кто там еще? Черт, не вовремя.

Появилась мерцающая надпись: «Принято одно новое сообщение». Пришло давно, почему появилось только сейчас? Растерянное лицо Скота. Казалось, он смотрел прямо в глаза. Голос его нервно подрагивал:

«Уна, я так больше не могу. Просто должен сказать. Ты страдаешь из-за своего Романа, а ведь он... Пойми, я хочу тебе добра, но Роман — сумасшедший. Просто съехал с катушек! Ты его не стоишь. Я должен объяснить. Он же шахтер, расходный материал. Работал на министерство энергетики. Знаешь, как шахтеры добывают энергию темпорального возмущения? Просто создают временные парадоксы. А временной поток старается от этих парадоксов избавиться. Выделяет отрезок времени и уничтожает. Мы же этой энергией пользуемся. А что, дешевая ведь...».

Скот на миг замолчал, собираясь с силами, и выпалил:

«Уна, шахтеры убивают самих себя в прошлом. Ты понимаешь?! Просто раз за разом пускают «другому» себе пулю в лоб! Конечно, они психи, все как один! Мания преследования, галлюцинации... полный набор.

А с Романом все еще хуже. Я попросил знакомого разузнать... в одном из слэпов Роман по ошибке убил... тебя.

Тогда Роман из прошлого чуть не убил нашего Романа. Ты видела, он еще с синяком ходил? Неважно... В общем, этот случай его и подкосил. Ему назначили психолога вне очереди, но тот ничего странного не заметил. Наверное, плохо смотрел...».

Снова пауза, затем...

«Пойми одно — Роман был тяжело болен и опасен...».

Хватит! Она в сердцах ударила по клавиатуре. Сообщение прервалось. И вовремя: позади появились красно-синие мигалки. Но эти калымаги не шли ни в какое сравнение с ее малышкой. К тому же она не собиралась убежать вечно. Теперь стало ясно — нужно попасть в лабораторию. Последний шанс, последняя надежда — там. Через двадцать минут девушка взбежала по знакомым ступенькам. Охранник на входе ее узнал и впустил.

— Стойте! — кажется, услышала она голос Линдера, прежде чем тяжелая дверь закрылась за ней. Хорошо, что их отдел так просто не возьмешь, даже если ты из СВР!

Шлеп! Шлеп! — по холодному полу пустых коридоров.

— Уна? Что ты здесь де...

Она явно застала Скота врасплох. Но тот вдруг, будто вспомнил нечто важное, закричал:

— Не подходи!

Ученый забился в дальний от нее угол комнаты. Схватил и приподнял за спинку тяжелый стул.

— Я не понимаю...

— Все ты понимаешь! Ты больна, тебя нужно изолировать!

— Что ты несешь, псих?!

— И я еще после всего этого и псих! Мультидатчики не обманешь! Видела бы ты свои анализы! Держись подальше, я вызываю охрану!

— Стоп, стоп, давай успокоимся. Мне просто нужна твоя помощь...

— Ну еще бы!

— Я тебя не трону. Да и зачем? Ты единственный, кто может мне помочь, — в голосе ее появились

страдание и боль.— Скот, моя жизнь идет в задницу! Неужели тебе все равно?

Скот застыл в нерешительности. Казалось, в нем боролись страх и сострадание.

— Хорошо, рассказывай, — согласился он наконец. — У тебя четыре минуты. Только стой, где стоишь. Уна сбивчиво рассказала. Поначалу Скот слушал настороженно, с недоверием. Но когда она добралась до путешествия в прошлое, попросил ничего не упускать.

После того, как девушка закончила, он некоторое время молчал, а потом сказал:

— Это... просто охренительно!

Силы покинули Уну, и она опустилась на пол. Закрыла лицо руками, зарылась в волосы. Скот едва услышал ее приглушенный голос:

— Пожалуйста, спаси... я совсем запуталась.

Ученый долго раздумывал, морща лоб и кусая губы, затем потребовал:

— Пообещай, что, если все объясню, ты уйдешь.

Уна соврала. Идти ей было некуда, за стеной ревели сирены.

— Ладно, — сдался Скот и опустил стул на пол. — Ты прочла сообщение?

Уна коротко кивнула

— Значит, знаешь про манию преследования и галлюцинации.

Он помолчал немного и добавил сочувствующим тоном:

— Бедная, у тебя тоже приступы.

— Но ... я же не убивала себя миллион раз?! — закричала Уна. — Откуда они у меня?

— Понимаешь, это как боязнь замкнутого пространства. Посчитай, сколько слэпов ты сделала? Сотни, тысячи? Твой организм уже не может оставаться в одном временном потоке.

Они оба надолго замолчали.

Тишину разорвал переговорник внутренней связи. Красный огонек входящего вызова зловеще уставился на Уну в полутьме лаборатории.

— Доктор Вест? Это охранник. Доктор Вест, вы слышите?

— Не отвечай, — прошептала Уна.

Скот с сомнением посмотрел на нее и нажал кнопку громкой связи.

— Да, что там у вас?

— Передаю трубку, — из динамика тихо пшикнуло. А затем — чужой незнакомый Скоту голос:

— Доктор? Доброго вечера. Меня зовут Линдер, я из службы внутренних расследований. Попросить госпожу Роа подойти к проходной?

Скот слегка побледнел.

— А с чего вы взяли, что она у меня?

— Она так сказала охраннику. А ее с вами нет? Может, пусть охрана ее поищет?

Скот несколько испуганно посмотрел на Уну и поспешно ответил:

— Нет, нет. Все в порядке, она уже здесь.

— Уверены, сэр? Все в порядке?

— Да. Да... Сейчас приведу ее. Отбой.

Огонек в последний раз подмигнул и погас.

— Уна, там...

— Я слышала. Не отдавай меня им! — голос ее предательски дрогнул.

— Они не имеют права сюда входить без приказа сверху. А приказ они получают в лучшем случае утром.

Уна слегка успокоилась, подошла к Скоту, тронула его за руку.

— У меня нет дороги назад. Продолжай, Скот. Я должна знать.

— Хорошо. Версия у меня только одна.

Он зажмурился и медленно проговорил:

— Мы сейчас... в побочной ветви.

— Что, совсем спятил?! — спросила Уна, глядя в пол.

— А твое путешествие в прошлое без всякой автомастики, а?! — Скот начинал злиться. — Ты нырнула, а затем вынырнула. Так не бывает в обычном временном потоке. Но здесь...

Уна подняла взгляд и кивнула ему, мол, продолжай.

— Не веришь, давай рассуждать, — предложил Скот, остановившись и взглянув на Уну, — Роман из будущего появляется и пытается убить Романа из прошлого. В этот момент образуется ветвь. Та, которая должна сгореть. Но убийства почему-то не происходит. И Роман — наш Роман — умирает по своей воле. Затем об этом спустя день узнаешь ты.

— Но я узнала в тот же...

— Да-да, — замахал руками Скот. — Дослушай. В общем, ты приходишь ко мне, и я по глупости отправляю тебя в прошлое.

На мгновение он замолчал, обдумывая сказанное.

— Угу. В общем, Уна, там ты встречаешь двух Романов и убиваешь того, который из будущего. Оставив кровь на колонне, он исчезает. Система так и работает: изымает раненых или погибших шахтеров. А сам Роман кончает с собой. Но! — Скот поднял палец вверх. — Своими действиями ты превратила побочную ветвь в дважды побочную! Из-за вмешательства остались следы, которых там изначально не было. Все пошло совсем не так! И теперь ты узнаешь о смерти Романа не через день, а в тот же день! Поэтому система и выдала ошибку. Ты должна была отправиться к Роману сегодня, а не вчера!

— Но я не отправилась...

— Именно! Ты пошла на ужин с детективом. И пространство-время силой втянуло тебя в прошлое, чтобы восстановить баланс.

Некоторое время стояла полная тишина. У обоих было над чем подумать. Лишь тихонько гудели лампы под потолком и потрескивало оборудование.

— Ну? — спросил наконец Скот. — Вроде все, теперь уходи.

Уна горько улыбнулась и покачала головой.

— Ты же слышал охранника. Я никуда не уйду. Мне нужно спасти Романа. И себя.

— Ты же пыталась. Больше шансов нет. Ошибка, помнишь?

— Помню. Значит, нужно нырнуть глубже.

Скот вздохнул, потер глаза.

— Это не работает. Помнишь, как временной поток затащил тебя в прошлое? Так будет и с Романом.

— Нужно еще дальше...

— Пойми, если я ошибусь или ты образуеть парадокс, — залепетал Скот, — то сгоришь. И я не смогу тебя вытащить.

Голос девушки изменился, в нем появились отчаянье и мрачная решимость.

— Раз все так, мне терять нечего. Копы возьмут меня за убийство, которое я не совершала... А потом поджарят. Видишь, какая мне разница, где гореть?

— Уна, послушай...

— Нет, ты послушай! — закричала девушка. — Мой единственный шанс — нырнуть в прошлое так далеко, чтобы не дать произойти этому дерьму с побочными ветвями. Может быть, даже до знакомства с Романом.

Внезапно Скот изменился в лице. Его нижняя губа задрожала. Казалось, и он готов заорать или, что уже совсем невероятно, заплакать. Но он просто отвернулся и быстрым шагом пошел в аппаратную.

Уна почти ни о чем не думала. В голове ее крутилась всего одна мысль: «Почему это все со мной?». Она уселась в кресло. Осталось только дожидаться сигнала Скота.

Но сигнала не было.

Уна с трудом поднялась и пошла в операторскую. Там она тяжело упала на белую обтянутую кожей кушетку. Скот склонился над панелью, обхватив голову руками. Казалось, ученый ее не заметил.

— Скот? — тихо позвала она.

Тот обернулся и вздрогнул. Затем отвел взгляд.

— Уна, — жестко сказал он. — Нельзя тебе в прошлое.

— Почему?

— Я не уверен, что это поможет. Не смотри на меня так! Чем больше я об этом думаю... Ты погибнешь!

— Ты же сам не уверен!

— Я не могу взять на себя такое, пойми! К тому же за все эти дела по головке не погладят.

Скот отвернулся.

— Ты никуда не пойдешь, — сказал он жестко, но потом привычно зататараторил: — Я им все объясню, ты не можешь, ты больна! Черт с Романом, подумай о себе в конце концов!

Что-то блеснуло, на секунду ослепив ее. Зеркало, опять зеркало! Она встретилась взглядом со своим отражением. Из зеркала на нее смотрела испуганная девочка, словно потерявшаяся в лесу. Но Уна знала: зеркала лгут. Она уже не девочка и поборется за счастье. Даже если это поставит на кон весь мир.

— В отражениях нет меня... — простонала она и горько улыбнулась.

— Что ты бормочешь? — переспросил Скот.

— Все в порядке. Теперь все... иди сюда, не бойся, глюпыш. Ты ведь столько для меня сделал.

Она положила руку ему на плечо, притянула к себе — Скот не слишком сопротивлялся — и, встав на цыпочки, поцеловала. Сначала робко, потом настойчивей. Сжала его в объятиях так сильно, как смогла. Он попытался отстраниться... слишком слабая попытка, слишком... Губы Уны впились в Скота так, будто она хотела выпить его без остатка. Или задушить, отобрав дыхание и вместе с ним жизнь. Уне показалось, что в этот момент тьма, окрепшая в ней, перетекает в Скота. Сноровисто врастает в него, пуская корни, и жадно облизывается.

Крик оглушил ее, но это уже ничего не значило. Звуки мира так же лживы, как и его отражения. Скот судорожно схватился руками за лицо, отпихнул Уну. Из его нижней губы сочилась кровь. Она стекала по ладоням тонкими струйками.

Утершись, Уна сплюнула на пол соленую сукровицу и торжествующе ухмыльнулась.

— Нравится?! — ее голос прозвучал уверенно и зло. Уна не узнала его. Но он ей нравился.

— Я тебя люблю, — прохрипел Скот, — но это уж слыш...

Удар по голове — и ученый рухнул на пол. Уна отшвырнула окровавленное пресс-папье. Время на исходе...

От прошлой жизни остались только тени и отголоски.

Труп Скота в лужице вытекающей из него темноты.

И осколки разбитого зеркала в кресле для слэпа.

— Привет

— ПриветВыТожеЗдесьНовенькая

— ДаСегодняПервыйДень

— БудемЗнакомыЯРоман

— Уна

— ВыНеПредставляетеНасколькоПриятно

— МнеТожеНуЕщеУвидимся **УС**

Приближали как могли...

Посвящается Дню Победы

Ян Разливинский (псевдоним)

Родился в 1963 году на Алтае. Жил в Туле и Москве, последние 16 лет — на Урале, в Нижнем Тагиле. Писать начал в школе, первая публикация (стихи) в 4-м классе, первый рассказ — в 9-м. Профессиональный журналист и писатель, автор сборников, вышедших в Москве, Туле, Калуге, Челябинске, Екатеринбурге.

Такое глобальное событие, как Великая Отечественная война, не могло пройти мимо внимания литераторов. Но кроме обычного, реалистического восприятия и отображения этих великих событий, литература подарила нам возможность и фантастического взгляда на войну.

Первый из первых

До войны о грядущих победах советского оружия писали многие — от забытого сейчас Владимира Курочкина до именитого классика Алексея Толстого.

Но вот что удивительно: когда победа случилась в реальности, ни один из них не рискнул вернуться к этой теме и вновь отразить ее в фантастических произведениях. Ни один.

Впрочем, нет правил без исключений. Николай Шпанов, в 1938 году написавший самую известную и самую скандальную книгу о будущей войне («Первый удар»), уже в 1941 году начал публикацию серии повестей, в которых фантастический сюжет об открытии эффекта невидимости для бое-

вых кораблей развивался на фоне событий Великой Отечественной (в переработанном виде роман «Война невидимок» вышел в 1955 году). Но и Шпанов, к тому времени уже бывавший на фронте, не решился включать в ткань романа реальные боевые события: действие книги на этот раз разворачивалось далеко от фронта, а бои заменялись борьбой со шпионами...

Однако Шпанов опять-таки, исключение из правил. Для других мэтров той поры эта тема была по каким-то причинам табуирована. Поэтому труд перенести военные события на страницы фантастических произведений взяло на себя поколение новичков, вступивших в литературу уже после войны.

Дело техники

В 1945 году в Казани увидела свет небольшая книжка «Приключения Рустема». Герой повести подросток Рустем находит в лесу цветок папоротника — тот самый, которому приписывают самые чудесные свойства. Он кладет цветок под язык и... становится невидимым. После этого Рустем отправляется на запад, чтобы там помогать громить фашистов. С большим трудом он добирается до фронтовой зоны, вступает в контакт с партизанами...

Сказочный мотив, перенесенный в современность, становится фантастикой, ведь цветок папоротника — это не более чем допущение, ничуть не хуже какого-нибудь «эликсира невидимости». И уже через несколько страниц читатель забывал о цветке, погружаясь в водоворот приключений: вот ученый пытается исследовать феномен невидимости, вот вражеский агент намерен схватить мальчика, вот Рустем добирается до фронта и по-

падает к партизанам, вот он пускает под откос фашистский эшелон с танками и... И книжка обрывается на этом эпизоде: Адель Кутуй, классик татарской литературы, не успел закончить задуманного романа, скончавшись в одном из военных госпиталей... А в том, что книга оказалась незавершенной, сомнений нет — слишком резко оборвались все сюжетные линии и остались не раскрытыми до конца многие моменты.

Спустя двенадцать лет после появления книжки она стала доступна и русскому читателю: в 1957 году увидел свет перевод, сделанный Рустемом Кутуем, сыном писателя. Это именно о нем думал Адель, перенося на бумагу фантастический сюжет.

Вот так, с полусказочной-полуфантастической книги о мальчишке началась разработка темы Великой Отечественной войны. Но последующие годы показали, что Адель поторопился: обстановка в литературе не располагала к беспочвенным и антинаучным фантазиям, как вполне могли расценить сюжет повести тогдашние критики. В чести была иная фантастика — техническая, основанная на конкретных открытиях и изобретениях.

Этим условиям вполне отвечали появившиеся в 1946 году рассказы «Разговор по существу» изобретателя Вадима Охотникова и «Железное сердце» писателя Виктора Сапарина.

Как бы разнообразно-завлекательно ни назывались произведения той поры, суть их, как правило, сводилась к общему: есть некое изобретение, которое нужно показать в действии. В первом рассказе это агрегат, который создает резонансные волны, способные в ключья разорвать немецкие самолеты. Во втором — снайпер-автомат, ружье, снабженное устройством, улавливающим звук человече-

ского сердца. Чтобы читателю не было скучно, вокруг изобретений, как сахарная вата вокруг палочки, было намотано немного приключений.

По такому же принципу был написан и другой рассказ Охотникова «Электрические снаряды». Разница невелика: в нем «изобретен» прибор, с помощью которого можно по звуку выстрела определить расположение вражеских орудий. Это даже не эпизоды — так, эпизодики, которые «как бы могли быть» и в реальности... Авторы ничего не пытаются изменить в прошедшем, а война в данном случае — только фон, наиболее подходящий для иллюстрации именно этих изобретений.

Почему же на своем начальном этапе тема войны использовалась так робко и без успеха? Да, теория «ближнего прицела» практически не оставляла писателям того периода иной возможности, кроме как описывать различные технические усовершенствования и изобретения. Но позвольте, а разве этого в данном случае мало? Можно же и в таких рамках, с таким потенциалом так развернуться, что... Оказывается, «не можно», и установка на сей счет была однозначной: врага победили реальные «катюши» и «тридцатьчетверки», а не «резонансные трубы» и «корабли-невидимки». И ставить под сомнение этот факт, да что там ставить — просто намекать на нечто иное, значило подставлять под удар себя. А залп критики был страшнее залпа «катюш»: после него человек мог не только перестать быть писателем, но и превратиться на долгие годы в лагерный номер...

Было ясно: требовались не только новые идеи — требовалось новое время.

Оно наступило в конце 50-х годов, с началом политической «оттепели». Волна фантастики, хлынувшая на страницы изданий, оказалась такой

мощной и такой разноплановой, что залпы «критиков», до сих пор дружно бивших по одной выбранной цели, превратились в беспорядочную стрельбу по многим. Новые идеи, новые сюжеты пробивали себе дорогу в литературу, и, хотя окрики раздавались то тут, то там, остановить этого поступательного движения они уже не могли.

И, надо отметить особо, для большинства новых авторов минувшая война была фактом личной биографии. Как, к примеру, для Севера Гансовского.

От железа — к человеку

Гансовский ушел на фронт в 1941 году, был снайпером и разведчиком в морской пехоте, получил тяжелое ранение. Тема войны закономерно вошла в его творчество: вскоре после того, как Гансовский стал писать фантастику, появились произведения, так или иначе связанные с Великой Отечественной. Первым был рассказ «Новая сигнальная» (1963).

Боец Николай Званцев вдруг начинает видеть чужими глазами. Он превращается в живой локатор, улавливающий зрительные образы других людей. Благодаря этой способности удается разрушить планы фашистов на одном из участков фронта. Различие между рассказами Сапарина и Гансовского вроде бы невелико: в одном случае изобретение, в другом — дар. Нынешнее поколение любителей фантастики, избалованное всевозможными вариантами сюжетов и самыми невероятными идеями, может и не увидеть какой-то принципиальной разницы. Но разница была! И еще какая — не зря же критика немедленно зашипела-застонала, на этот раз устами Владимира Немцова: «Жанр научной фантастики открывает широкие возможности для художественного воображения писателя. Но это не имеет ничего общего с досужим вымыслом, ко-

торым иные авторы пытаются подменить героические страницы нашей недавней истории».

Гансовский окрикам не внял, и вскоре появился новый рассказ «Мечта» (1964) — на этот раз о человеке, вдруг обретшем дар левитации. Его герой, поляк Стась, обретает дар свободного полета и благодаря этому бежит от фашистской облавы.

Но Гансовский не зря был разведчиком. Сражаясь с косностью и зашоренностью в фантастике, он не бьет молотом, а наносит уколы шпагой: в его рассказах вторжение в реальность происходит острожно, на уровне героя; необычное, фантастическое изменение переносится лишь на одного человека — все остальное вокруг остается таким, каким и должно быть.

Это позволяло, с одной стороны, использовать новый «плацдарм» и поработать с новой темой, а с другой... Один человек не мог изменить ход войны или существенно повлиять на картину реальности, о целостности которой так пеклись критики в мундирах и без оных. А значит, можно было избежать (хотя бы отчасти) обвинений в искажении действительности — чтобы иметь возможность нанести новый выпад-укол.

Своеобразным алаверды от социалистического содружества стала появившаяся чуть позже повесть «Ночной орел» (1965). Ее автор — чех Александр Ломм — родился в СССР и большинство произведений написал именно на русском языке, хотя с 1938 года жил в Чехословакии. Воевать ему не пришлось, но воспоминания о годах фашистской оккупации нашли отражение в последующем творчестве — и в «Ночном орле» также. У сержанта Ивана Кожина во время ночного десантирования не раскрылся парашют. Гибель была неминуема, но случилось чудо: силой воли ему как-то уда-

лось замедлить падение и остаться невредимым. Позже, с помощью препарата агравина, он обретает возможность контролируемого полета и, словно Зорро, совершает всевозможные боевые подвиги. Оказавшись в плену, он бежит вместе с ученым, изобретшим агравин но оба теряют память: такова расплата за использование препарата. Кожин, несмотря на все попытки окружающих вернуть ему память, до последнего сомневается, что Ночной Орел, совершавший фантастические подвиги, и он — одно и то же лицо. Только находка его боевого дневника на неприступной скале заставляет Кожина поверить в реальность всех прошлых событий. Но главным доказательством становится то, что его сын обретает утраченную отцом способность.

Романтика Гансовского была заменена у Ломма наукой. Впрочем, и Ломм прекрасно понимал, что его агравин не намного научнее ничем не объяснимого «вдруг». Поэтому, в меру отдав должное наукообразности, он переключился на перипетии человеческих отношений, а повесть стала своеобразным военным боевиком, предтечей многочисленных современных романов.

Причем Ломм оказывается более смелым в использовании нового приема: его Кожин применяет свой дар уже не разово, как герои Гансовского, и поле действий летучего партизана не ограничено небольшим географическим пятчком — может, роль тут сыграло то, что действие перенесено за пределы СССР, в Чехословакию...

В то время, когда была напечатана «Новая сигнальная», Ариадна Громова как раз заканчивала работу над своим романом «В круге света» (1965).

Фашизм не был для Громовой абстракцией — во время войны она работала в киевском подпо-

лье, ходила по одним улицам с заклятыми врагами, а будучи схваченной — трижды бежала из концлагеря... То, что она переносила на страницы романа, было пережито и прочувствовано не ее героем — ею самой...

Одной из сюжетных линий романа стала история человека, наделенного даром телепатии. Оказавшись в концлагере, он своим даром помогает друзьям по несчастью — выстоять, выдержать пытки, а кому-то — даже бежать.

Но... Но защитники реализма были уже тут как тут: «Какой же нужно обладать бестактностью, чтобы в эту священную борьбу привносить телепатические бредни, превращать их в оружие победы!». Хотя «В круге света» был включен в один из томов знаменитой «Антологии современной фантастики», отдельным изданием — как другие романы Громовой — при жизни автора он так и не вышел, оставшись на страницах сборников.

Нет, не просто давался каждый новый прорыв — даже бывалым фронтовикам...

Чужак в чужой стране?

Еще одним плацдармом, отвоеванным писателями, стала тема фронтовика, оказавшегося в будущем. Самым ярким произведением этой части фантастики, без сомнения, можно назвать «Попытку к бегству» Аркадия и Бориса Стругацких. Самым объемным — роман Георгия Мартынова «Гость из бездны».

По признанию самих Стругацких, «Попытка к бегству» стала для них переломной вещью. Саул, беглец из прошлого, не ключевой элемент повести — но именно его появление сыграло решающую роль в судьбе самого произведения, работа над которым наглухо застопорилась. «Весь

план, — вспоминал Борис Стругацкий, — тут же, в ту же ночь, за несколько часов оказался вывернут наизнанку, выстроен заново и засверкал неопишными возможностями и перспективами...». Необъяснимым чудом Саул, бежавший из фашистского концлагеря, переносится в далекое будущее (еще одно «вдруг», еще одна примета перемен в фантастике: возможность *не объяснять феномен случившегося научно*). Но, оказавшись со своими спутниками на полудикой планете, увидев фашизм в его ином, инопланетном перерождении, он понимает, что в светлое будущее нельзя сбежать, за него нужно бороться — и возвращается назад, ясно сознавая, что, скорее всего, погибнет. О нет, не о «проблеме перехода к коммунизму отсталых народов и племен», как сообщил один критик, была эта повесть, совсем не о том...

Георгий Мартынов еще до войны в результате несчастного случая потерял около 80 процентов слуха. Но, когда началась Великая Отечественная, это не помешало ему взять в руки винтовку: он воювал на Ленинградском и Прибалтийском фронтах, был награжден орденом Красной Звезды, медалями. В литературу Мартынов пришел уже зрелым человеком, с устоявшимися взглядами и языком, которые на протяжении всего творческого пути остались практически неизменными — он был и остался, как называли его в предисловии к одной из первых книг, «добрым, мужественным романтиком».

Если для Стругацких Саул стал ключиком, открывшим ход сюжету, то Дмитрий Волгин («Гость из бездны») — ключевая фигура, вокруг которой с самого начала строилось все повествование.

Нужно заметить, что Мартынов ввел в советскую фантастику интересный прием — путь в бу-

дущее не через перемещение живого человека посредством некоего аппарата, а через воскрешение: автор позволил своему герою возможность увидеть как бы «жизнь за гробом». Умерший в наше время фронтовик, Герой Советского Союза Волгин найден археологами 39-го века и воскрешен. Но, в отличие от христианского загробного мира, где праведника ожидает вечное спокойное блаженство, мир статичности, героя Мартынова ждет иное «загробье» — коммунизм, пространство движения, развития.

И если в христианской модели «вписывание» в мир иной однозначно (за свою веру ты получишь его как подарок и навечно), то Волгин вживается в новую обстановку не сразу. Вряд ли Мартынов, когда писал роман, следовал высказываниям средневекового монаха, но и он понимал, что человек — «не Остров сам по себе», а часть общества, и из этого общества он, Волгин, был невольно вырван. На протяжении всей книги решается вопрос моральности такого воскрешения, автор рассуждает о трудностях вживания человека в совершенно незнакомый ему мир, о преодолении внутренних преград и психологических барьеров — вещь практически невозможная для произведений недавнего прошлого, когда такой проблемы попросту не видели: хотел же коммунизма — так НА тебе его, живи, удивляйся, радуйся! Какие уж тут вживания-то, зачем?..

...Особняком в этой группе произведений стоит рассказ Лилианы Розановой «В этот исторический день». В нем тоже описывается будущее — довольно далекое для автора (рассказ опубликован в 1968 году) и очень близкое, увы, для нас: день, когда умер последний участник Великой Отечественной войны...

Розановой, в отличие от Мартынова, не было нужды перемещать героя в будущее: оно само пришло, своим естественным ходом. В том чистом и праздничном мире, который яркими мазками описала Розанова, Дед (так зовут героя рассказа) не знаменитый «гость из бездны», воскрешенное чудо, а рядовой человек, один из миллионов. И почести «в этот исторический день» не ему, а неким планетоletчикам, завершившим, очевидно, какой-то невероятный далекий полет... И хотя Розанова всячески стремится сместить акцент на живописный фон, мы прекрасно понимаем, что главное в этом маленьком рассказе не он, не чудеса коммунизма, а человек, именно человек, который каждым днем своей жизни приближал это будущее к себе. Творец Победы. Не чужак в чужой стране, а часть мира, неотъемлемая часть.

Удачи и разочарования

После того как теме «дали ход», о Великой Отечественной войне стали писать смелее и чаще. В 60-е годы, к примеру, неоднократно обращались к военной теме Михаил Емцов и Еремей Парнов («Оружие твоих глаз», «Море Дирака», «Идеальный ариец»), в 70-е — Владимир Щербаков («Мост», «Река мне сказала...»), другие авторы. Компас писательского интереса окончательно сместил стрелку к румбу «человек». Теперь именно он, а не техническая новинка был главным в этой теме.

Показателен в этом смысле рассказ Григория Тарнаруцкого «Не разобрались...» (1977). В нем мы словно бы вновь переносимся в 46-й год, к «Железному сердцу»: точно так же на одном из участков фронта остановлено продвижение немцев, точно так же для этого применено некое изобретение. Но если Сапарин обстоятельно объясняет прин-

цип работы автомата-снайпера (для этого, собственно, рассказ и написан), то эксперты, собравшиеся вокруг останков остановившего танки агрегата (в него попал снаряд), лишь разводят руками: принцип его действия так и остается загадкой. Да и Тарнаруцкому, фантасту уже другого поколения, это не важно, ведь он писал о силе разума, способного к самым невероятным озарениям, а не о про водах и конденсаторах.

Постепенно, год от года, от рассказа к рассказу формировался в фантастике небольшой, но заметный пласт произведений о Великой Отечественной. Были в этом пласте, как и в обычном, и ценная руда, и пустая порода.

Возможно, Геннадий Мельников и не читал рассказ Розановой. Но свой — «Ясное утро после долгой ночи» (1978) — он написал словно ответ на него.

Так же умирает последний солдат Великой Отечественной, но умирает не навсегда — его воскрешают через многие годы. Много лет — уже реальных — минуло и со времени написания «Встречи через века». И если там героя просто будят и ставят перед фактом, Мельников понимает, что возрожденному нужна реабилитация: и ученые будущего очень плавно вводят «воскрешенного» в новый мир, раз за разом повторяя попытки с помощью специальной аппаратуры, воссоздающей обстановку времени, привычного старику-фронтовику.

Если рассказ Мельникова запоминался попыткой показать серьезность и сложность процесса вживания человека с другим социальным укладом в новый мир, то появившийся примерно тогда же рассказ Бангуолиса Балашявичуса «Знакомый солдат» ничего, кроме легкого недоумения, не вызывал.

Группа людей отдыхает за городом, в местах жестоких боев, и ребенок случайно находит неразорвавшуюся гранату. Трагедия неизбежна, но... появившийся ниоткуда солдат вырывает гранату и зашвыривает ее в болото. Потом все сидят у костра, солдат уходит, а на следующий день в местном музее герои рассказа видят фотографию того самого спасителя — в экспозиции, посвященной давним боям. Под фотографией подпись: такой-то погиб в 1941 году, взрывая мост. Таков вот сюжет неудачного сочинения. И неудача тут не столько в странновато-мистическом явлении солдата (Саул у Стругацких тоже перемещается во времени «просто так»), сколько в надуманности всей конструкции рассказа. Автор, судя по всему, и сам не знал, зачем и для чего это явление было нужно. Ну, появился. Ну, спас. Ну, исчез. Точно так же мог — без всякой фантастики — появиться и уйти некий егерь или случайный путник...

Бесхарактерный призрачный солдат, несмотря на свой геройский поступок, останется в памяти читателя неким серым пятном, а вот напечатанный несколько лет спустя в том же журнале рассказ Михаила Шаламова «Дорога на Кильдым» производил впечатление намного более яркое. Партизан Геня Несмертный, умиравший в лесу, был спасен пришельцами: они перенесли его сознание в тело искусственного существа, напоминающего лешего. Сорок лет провел он вместе с ними — но в конце концов, когда пришла пора выбирать, остаться ли с инопланетянами или вернуться домой, он выбрал возвращение. Автор оставляет за кадром то, что ждет Геню в этом возвращении, и мы можем только гадать. Гадать — и переживать, в то время как «Знакомый солдат» такой возможности сопереживания не предоставлял.

И вечный бой...

Не только солдаты Великой Отечественной переносились сквозь время, но и их потомки так или иначе получали возможность ступить на поля войны.

Владимир Фирсов обращался к теме войны раз за разом — с одного из первых рассказов — «Только один час» (1967). Ганс, немецкий коммунист, был схвачен фашистами и ожидал казни — но оказывается перенесенным в далекое будущее на один час. Потомки предоставляют Гансу возможность увидеть тот мир, за который он боролся всю жизнь, вручают орден Ленина, который ждал его пятьсот лет... Но — не имея права менять прошлого, они должны по истечении срока вернуть Ганса обратно, в застенки, на смерть — и возвращают. Прочитанный много лет назад рассказ поразил неким героическим началом, романтическим пафосом, но... Но сейчас, перечитывая его вновь, я невольно задался вопросом: а нужно ли было вообще переносить героя в будущее? Быть может, Фирсов, который тогда был ненамного младше своего героя, примерил ситуацию на себя и счел ее приемлемой — с точки зрения своего времени. Но с позиций будущего он ее явно не смог оценить: наши потомки, думается, должны быть более гуманны к прошлому и его обитателям...

Рассказ — вольно или невольно — переключается с «Попыткой к бегству», но Саул имел право выбора — и воспользовался им по своей воле. Гансу такого выбора автор не оставил.

И потому вдогонку, словно понимая несправедливость такого подхода, Фирсов пишет еще два рассказа — уже о том, как правила все же нарушаются: хрононавт Росин, случайно очутившись в 1941 году, оказывается вовлечен в круговорот военных событий и осознанно меняет их ход (рас-

сказы «Авария» и «Возвращение»). Воевать Фирсову не довелось, но свой вклад в победу он внес, работая на авиационном заводе. Наверное, эти воспоминания о нереализованном юношеском желании «бить врага» и заставляют героев его рассказов выходить из роли бесстрастных наблюдателей, активно действовать.

Точно так же, наперекор инструкциям, поступает и герой рассказа Б. Борина «Неизвестный герой». Историк из далекого будущего отправляется в февраль 1945 г., чтобы установить фамилию неизвестного офицера, благодаря которому у одной из высот был остановлен враг. Отправляется, попадает в круговорот неравного боя и... оказывается тем самым безымянным лейтенантом, совершившим подвиг... Б. Борин, в прошлом фронтовик, сумел наполнить фантастический рассказ и живыми эпизодами военного быта, и героическим дыханием той эпохи.

Если будущее, из которого прилетают герои Борина и Фирсова, отделено от войны столетиями, то героев повестей Сергея Абрамова «В лесу прифронтовом» и «Время его учеников» отделяет от войны гораздо меньше лет — всего несколько десятков. Бывший партизан, а ныне физик Старков, проводя в брянских лесах эксперимент с четвертым измерением, создает пробой во времени. В результате этого в настоящее (первая повесть опубликована в 1974 году) переносится группа эсэсовцев, карательная экспедиция, направляющаяся в одну из деревень, и деревня эта за сорок лет никуда не делась... Теперь только Старков и его помощники-студенты — единственная преграда на пути фашистов.

Перед нами вновь ставится проблема выбора: должны ли герои вступить в бой или, учитывая малые шансы (четверо с дробовиком против трид-

цати эсесовцев), отступить и дать событиям развиваться так, как выйдет. Ситуация, несомненно, интересная для раскрытия характеров, но...

За время, когда фантастика о Великой Отечественной из «рассказов о технике» перешла в область человеческого, у этой темы определился и существенный недостаток: слишком уж очевидна «раскладка сил», заданность решений и поступков в такого рода произведениях.

Вот и у Абрамова, хотя он много внимания уделял именно психологии и морали, нам, тем не менее, сразу становилось ясно, что сторонним наблюдателем ни один из его героев повести не будет. И оттого, что один более осторожен, а другой горяч, ничего не меняется, характер в этом случае роли не играет. И действительно: троица студентов во главе со Старковым немедленно и без колебаний вступает в бой. Рассказ о чувствах получился (переживания и мысли героев перенесены на бумагу точно), а вот рассказа о выборе, если таковой задумывался, — нет.

И продолжение повести — «Время его учеников» — это уже больше повествование о приключениях людей, чем о самих людях в невероятной ситуации: та же троица студентов (теперь без Старкова, но с его благословения) на этот раз отправляется в прошлое, чтобы предотвратить разгром партизанского отряда.

Однако, поскольку прошлое менять нельзя, они должны попасть в некое «параллельное» пространство, где все точно такое же, «отработать» задание там и через определенное количество часов автоматически возвратиться в будущее. Героическое начало первой повести подменяется некой игрой, подвиг превращается в эксперимент на людях...

Но, если в реальном прошлом ничего не изменится, зачем тогда вообще был нужен этот вояж?

Прошлое не изменилось, отвечает автор, но изменились парни, окунувшиеся в него.

Нравственный рост — благородная цель. Однако стоило ли ради этого подставлять пареньков под пули фашистов — неужели не оказалось в арсенале автора других ситуаций для того, чтобы доказать их мужественность и готовность пожертвовать собой? А если стоило, то почему автор позволил героическому партизану Старкову бестрепетно отпустить своих подопечных в самое пекло войны? Ради чего?

Как экспериментатор, Старков оказывается на высоте, как человек — ниже всякой критики. Но вот в чем беда: для Абрамова Старков тоже однозначно положительный герой, как и остальные — и он ни одним словом не осуждает его за неоправданно-чудовищное решение...

Критики эту особенность Старкова как-то просмотрели, взяв за основу героизм его учеников — а зря. Впрочем, какое время, такие и песни: на тот момент Абрамову было важно показать, что и сегодняшние пареньки могут не колеблясь сделать то, что когда-то совершили их отцы и деды, что не бывает плохих поколений — и это ему удалось в полной мере.

...Фантастика о Великой Отечественной развивалась вместе с основным ее потоком и прошла «эволюционный» путь от технической к социальной, в боях с косностью завоевав свое место под солнцем. Какие-то образцы ее мы, наверняка, будем встречать и дальше, только сейчас это будут щепки в бурном потоке альтернативной фантастики, который смел не только все цензурные барьеры, но и барьеры здравого смысла — но это, согласитесь, уже совсем другая история... **У**

Ефим Гамаюнов

Родился 15 апреля 1976 года в провинциальном городе Петровске, живет там же по сей день и уезжать куда не собирается. Писать пробовал еще в школе, подражая, разумеется, Дж. Р. Р. Толкиену и Р. Говарду. Закончил среднюю школу, колледж связи при ПИИРС, по специальности никогда не работал. Напечататься рискнул «попробовать» с появлением дома Интернета (т.е. связи с издателями) в конце 2005 года. Первая публикация — рассказ «Я там был» — состоялась в журнале Б. Стругацкого «Полдень. XXI век» в начале 2006 года. В произведениях пишет об обычных людях в необычных условиях и необычных людях в обычных. Хочет писать фэнтези, но чаще получается мягкая НФ, фантбоевик и нереалистическая проза. В настоящее время работает в администрации Петровского МР специалистом по защите информации. Воспитывает двоих детей.

Своей дорогой

Росший по краям гати рогоз шелестел на ветру. Едущий на первой телеге обоза монашек с тоской оглядывал безбрежное волнующееся травяное море — ни конца ни края. Дикая местность, за что Господь только послал своего верного слугу сюда? В пустых темных кельях, пусть порой и безрадостно, а все ж спокойней, тише, благостней. А тут... Того и гляди, что попадешь напрямиком перед светлыми очами Его. Не звери, так разбойные люди отделят трепещущую душу от брэнного тела. Что хорошего в этих местах? Болото, что тянется уже второй день, комары или вьевшийся тянущий страх?

Зачем только согласился?

— Н-но, пошла, — лошадка вздрогнула и зашагала чуть быстрее.

Поначалу, когда отец Василий позвал и спросил: хочет ли он, божий человек Иван, послужить Господу, избавить заблудших людей от темных мыслей и направить стопы их по правильному пути, Иван, конечно, согласился. Разве не в этом смысл жизни? Разве не ради такого дарована она? Только вот спустя две седмицы уже много раз пожалел о собственном выборе. Да и как не пожалеть? Зачтутся ли ему эти муки?

Иван вздохнул, прихлопнул комара, оглядел сплошные камышовые стены и завертел головой в поисках солнца — далеко ли до обеда?

Расположились бойко и споро: дорогадорогой, а котелок не трогай. Подвернувшаяся, словно загодя придумано, проплешина в камыше, где сквозь болотную почву проступила спина древней скалы, да еще студень родник, бьющий с краю, из-под камня, — можно ли придумать место лучше? Правда, стоял посередине поляны, окруженный частоколом Перунов столб, да ведь столб и столб, не сам Перун.

— Сжечь, — указал рукой на капище иерей Василий.

Святого отца чттили, а сказать по правде, то и побавались. Роста он — даром что монах с постригом — удался с доброго медведя, в плечах — не во всякую дверь сразу войдет. Ко всему голос зычный, громкий, и взгляд такой, что любого ровно насквозь пронзает. Сказывали, раньше был отец Василий знатным кузнецом, а потом восхотел славы воинской, дошел до самого князя, попал в дружину младшую. Долго ль продержался там, никому доподлинно ведомо не было, а только вдруг после одного похода за реку, на хазар, бросил воин-кузнец ратное дело и крестился Василием. Ну и тут не пропал: совсем, кажется, недолго и чинно положили в дьяконы, послужил вновь — в поход от-

правили. Говорили, свой удел готовить: недаром принял Василий иерейский чин.

Монахи дружно бросились разбирать частокол — дрова посреди болота редки, а с собой везли не то чтобы вдоволь. Загородь поломали скоро, а вот со столбом пришлось повозиться — выломать его никак не удавалось, а гореть он не хотел ни в какую. Почитай, весь частокол и сожгли, пока темная, словно мореная древесина занялась.

— Гори, гори, идолище, — пробасил святой отец. — Таковую скверну только огнем да крестом.

«Крест из такого бы выгесать — за сто лет не сгниет», — пришла в голову мысль. Бесовская, худая. Василий перекрестился — негоже нечестивые вещи использовать... Хотя на все воля Божья, ведь и люди исправляются. А дерево — оно и есть дерево, ни в чем не виновато, коли рассудить.

Дождались, пока столб идола дотлеет, подтолкнули чуть вагами, поломали, радуясь, видя, как иерей одобрительно кивает, оглаживая густую черную бороду. Сам святой отец не поленился, обошел бывшее капище по кругу, бормоча молитвы и осеняя там и тут крестами. Подумал, и обошел еще раз, побрызгал водой святой.

— Добро, православные. Обеденное время, разводи костры, грей кашу, уху. Рыбный день нынче-то, Божиим промыслом.

Перекрестились и загомонили, забегали шустрой, есть хотелось сильнее с каждой минутой.

— Только огонь берите новый, — предупредил иерей. — Тот пускай свое дело делает.

Глянул на торчащий дымящийся пенек и полез к себе в крытую повозку.

Иван достал топор и принялся было рубить твердые, словно камень, лесины из ограды, как к нему подошел Борис, из младших иноков.

— Послушай, брат, — не решительно начал он.

— Чего тебе, Борь? Да ты не робей, говори, — вообще-то иноку Ивану даже нравился: работающий, тихий. Только вот пугливый и забитый очень. Сам-то тоже не храбрец, да только так вовсе нельзя, так и своей тени бояться будешь.

— Да тут такое дело, — замылся тот, — не знаю, как сказать.

— Говори, как есть: коли правда, так по делу, коли нет, что ж... — Иван размахнулся и рубанул по колу.

— Ты это, когда идола валили, — Борис торопливо перекрестился, — ничего не заметил?

— А чего ничего-то? — Иван примерился и рубанул снова.

— Ну, вроде как зашумело округ, вроде как ветер.

— Так и был, верно, ветер.

— Не смейся, брат, не ветер то. Словно... кто обрадовался.

Иван взглянул на инока: по всему видать было — напуган тот сильнее обычного. Хм, чудно, конечно, но вспомнил Иван, а ведь и в самом деле зашуршало кругом, ровно дюжины две людей разом побежали по рогозу. Только кто ж по нему бегают? Поранишься, да и растет-то он в воде — как побегаешь?

— Ветер это был, Борь. Отец Василий обошел, сказал: Божье теперь место, не даст Он нас в обиду, не трусь.

Размахнулся, вновь ударил по непокорной лесине. Расколел, подхватил и наступил ногой, доламывая.

— Вот видишь, — улыбнулся. — Давай помогай!

Вскоре затрепали на каменной спине маленькие костерки, пристроились над ними медные котелки — добро церковное, дорогое, но отец Василий для благого дела в поход выбил. Поплыли над шуршащим камышом болотом вкусные запахи, да так, что слона наполнила рты, а животы заурчали.

Иван отдыхал и радовался — вон как ладно все получилось. Немного их, вместе со святым отцом двух десят

не наберется на одного, а как складно работают! Угодное дело, зря он с утра приуныл! Пахнуло вареной рыбой, Иван принялся. Как есть благодать! Он вдохнул носом, повел по ветру, разыскивая самый вкусный котел. Чу! В ноздри ударила болотная вонь: водяная гниль, протухшие водоросли, рыба чешуя.

Он вскочил с камня и завертел головой — откуда? Прислушался. Тихо, лишь плюхнуло где-то громко водой, замолкли на миг зеленые ляги. Иван перекрестился и отвел глаза от стены осоки. И наткнулся на Бориса. Тот стоял, вслушиваясь и вглядываясь. Хм. Странное дело, Иван вспомнил запах вони, дернул плечами и перекрестился еще раз. Спаси и сохрани. Болотище, не земля, кто знает — подул ветер, может... а, ладно! Зовут кашевары на трапезу.

Отобедали, отдохнули чуть да и тронулись дальше, куда солнце высоко. Путь неблизкий, а Василию не терпелось за сегодня пройти гатью, выйти на сухую землю.

— Андрий сказал — день почти дорога по болоту, — рассуждал святой отец, самочинно проверяя лошадок: накормлены ли, напоены. — Даже с задержками, все одно к вечеру должны выйти. Пусть и затемно. Николай! Проследи, чтобы с собой все дрова отсюда забрали, неизвестно куда выйдем, а ну как в поле!

— Сделаю, святой отец!

Василий кивнул: добро. Дошел до седьмой, последней, телеги и собрался было повернуть к своей повозке, как нога вступила в полосу темной влажной слизи. Тянулась дорожкой от края камышей до самых колес, будто протаскивали мокрое, облепленное илом бревно.

— Что за?.. — пробормотал иерей. — Откуда такое непотребство?

Святой отец вздохнул. Богомерзкое все же место, ничего святого, даже земли настоящей нет.

— Трогай! — зычно крикнул.

Прошел тут, и дальше, с Божьей помощью, пройдет.

Отдохнувшие лошади побежали куда как веселей, застучали под ободами выпирающие порой бревнышки. С середины повозки донеслась негромкая песнь, а Иван все не мог успокоиться. Упало в душу зерно черное неведомой и непонятной жути, чудились теперь отовсюду глаза, что следят, и рты мерзкие, кривящиеся в глумливых улыбках. Бесовщина, как есть. По привычке отчитал молитву: раз, другой... полегчало. Не сильно все ж, не как всегда. Захотелось ехать хоть на второй, хоть на третьей, чтобы не впереди вдвоем с глухим Николаем, а с другими братьями, покрепче.

Камыш да розог, больше ничего видно не было. Время шло неспешно, и давешний испуг уходил понемногу. Солнце пекло по-летнему, разморило, захотелось спать. А в таком деле самое лучшее — не сидеть. Иван взглянул на дремлющего старого монаха, соскочил и зашагал рядом с телегой. Пройтись — не грех, грех спать, коли нынче вперед смотрящим поставлен.

Так и прошел день: то в телеге, то рядом. Комары к вечеру зажужжали сильнее, жабы и лягушки заорали, призывая дождь, и вроде как накликали: на небо поползли облака, потащили за собой темные тучи. Вначале редкие, одинокие, к сумеркам они сбились в плотную стаю, залепили собой все небо, губя и без того несильный свет заходящего Солнца. Да и дорога, будто нарочно, запырнула кочками и ямами — быстро не поедешь.

Отец Василий хмурился, часто выглядывая из своей повозки, призывал ускорить шаг. Вот и теперь зычный бас разнесся над болотами.

— Поторопись, братья, время службы вскоре, хорошо бы до земли добраться!

Иван даже оглянулся, а когда повернулся, то обомлел — дороге конец. Нет, не закончилась гать, зато перегораживала ее — от осоки до осоки — преграда из косяг и бревен, черная и липкая. Лошадка прошла еще

с двадцать шагов и встала, не доходя до препоны, пугливо прядя ушами.

— Стой, — запоздало крикнул Иван.

Спрыгнул с телеги, подошел к преграде. Как есть, совсем недавно положена! Сырая, еще тиной пахнет, только-только из-под воды, с донной тины вытащена!

Подошли еще несколько монахов, забубнили, кто-то рванул обратно — за Василием. Тот и сам уже спешил, подобрав подол рясы, чтоб не замарать в проступающей кое-где воде.

— Почто встали?

Иван махнул рукой, вот, мол, препоны какая: ни объехать, ни обойти. Ветер пронесся по камышу; словно захихикал кто, заскрипел зубами, до того вдруг зябко и тоскливо стало. Разом припомнились все страхи давешние, все сомненья, о чем и думать боязно было.

Отец Василий меж тем сунулся влево, вправо, осмотрел, что и так понятно — нет пути в обход, — и засучил рукава.

— Навались, братья, что нам преграда, что помеха? Господь глядит на нас, неужто остановимся?

Первым схватил скользкое бревно и потащил в сторону. И верно, чего ждать? Разобрались, потянули...

— Держи, — подал конец тяжелого бревна Иван стоявшему рядом Стасу: закинуть бы подальше, один не сдюжит.

Подад, а принять никто не принял. Иван огляделся. Темно, спешит ночь занять место.

— Стас! — позвал.

Нет ответа.

А потом кто-то закричал. Громко и страшно.

Сердце, и без того стучавшее словно молот на кузне, ударило мощно и провалилось куда-то в пятки; залил спину студеной родниковой водой ужас.

— Кто кричал? — раздалось недалече. — Иерей! Святой отец!

Иван бросился на голос Василия, насколько позволяли занемевшие враз ноги, подбежал, в полутьме спотыкаясь, разглядел испуганные лица вокруг. Все галдели и вызвали друг друга: кто орал. Потом один, вроде Семен, предложил посчитаться: все ли. Тут и выяснили — нету Стаса, Николая и Фрола большого. Покричали, позвали и не дождалось отклика.

— Утопили что ли? — предположил кто-то, и сам же поправился: — Не дай, Господи.

— Зажгите огня, масло возьмите в повозке, чтоб ярче горело! — раздался голос иерея. — Иван, Семен! Живо!

Хоть и боязно сильно отходить от Василия и остальных, а бросились тут же. Иван знал, где хранился елей, вскочил на подножку, нырнул внутрь, нашарил. Вылез и столкнулся с Борисом.

— Вы чего? Где колья?

— Тебя ждем, страшно вдвоем.

— А мне не страшно? Ладно, побегли.

Дрова везла самая последняя телега, только вот... не было ее. Борис, ехавший на ней, недоуменно прошептал:

— Была, Богом клянусь, вот тут стояла.

«Может, чуть дальше?» — подумалось Ивану. Он сделал шаг, другой, третий... И тут из темноты на него уставились глаза. Зеленые, мертвенные, круглые, как плошки. Немигаючи смотрели, нечеловечески.

Незверино.

Неживо.

— Мать Божья! — Он стремительно развернулся и кинулся обратно. — Бегите, братья! Бегите!

Те не заставили себя просить дважды, метнулись вслед. И всем троим казалось, что хватают их за ноги синюшные холодные руки, когти впиваются в спины, а острые зубы — в горло. Как добежали, Иван не помнил, до того перепугался.

— Там! Там! Глаза! Много! — закричал он, едва разглядел в темноте мощную фигуру святого отца.

— Солому из телег зажигайте! — громко скомандовал иерей. — Бери с ближней!

Метнувшиеся иноки уже выкидывали из телеги стельную солому, чиркали кремнями, выхватили из руки Ивана амфорку с маслом. Всего-ничего прошло, как показался дым, а потом и первый язычок пламени, быстро набирающий силу. Всего-ничего — а уже горел на сырых бревнах гати костер, вселяя надежду и разгоняя страх.

Только и рогоз словно бы ждал этого. Едва разгорелось пламя, как ожили камыши вокруг монахов, замерших перед полуразобранном завалом. Зашуршали пуще прежнего, наполнились злобным кваканьем и причмокиванием. Не лягушачьим, безвредным и всего лишь надоедливый, а голодным, гремящим. И замельтешили на самом краю огненного света темные уродливые фигуры.

— Утопленные, — выдохнул Семен. — Упырье племя!

— Господь защитит! — громко и уверенно крикнул иерей Василий. — Но ежели сами не развалим преграду, то тут и останемся! Навались! Не дайте, братья, себя страхом задавить, повторяйте за мной: «Отче наш...».

Среди кинувшихся на завал святой отец выдернул Бориса и Фрола младшего:

— Следить за огнем, нужно будет, жгите телегу!

«...Иже еси на небеси...».

Мороз раздирал Ивану спину и нутро, в голове звенело. Как оголтелый, повторял он слова молитвы, руки хватали и откидывали...

А потом поднял взгляд и обмер: прямо к нему тянулась черная скользкая лапа с кривыми когтями, а поверх нее успел разглядеть горящие зеленые глаза и разъявленную пасть, долгую, как у лягушки, полную мелких желтых зубов.

— Изъди! — закричал он и ударил прямо в пакостную морду сучком, что держал в руках.

Палка ткнулась словно в густое тесто — мягкое, упругое. Заверещало — уши заложило, морда пропала, утягивая за собой сук. А на ее месте тут же возникла новая.

Иван отступил, сердце колотилось, во рту разливалась горячая слюна. Глаза метнулись налево-направо. Господь всемогущий! Куда ни глянь — везде одно и то же — тьма горящих злобой и голодом глаз, мерцающих болотной гнилью. Что не кидаются разом? Огня бояться?

— Костер поддерживайте! — крикнул отец Василий. — И всякое порождение нечистого вернется во тьму и забвение!

Он решительно сорвал с груди массивный крест, подхватил из под ног обляпанную грязью дубину и двинулся, обходя огонь, в темноту к лошадям, ржущим от ужаса. Едва дошел до края света, как тут же к нему кинулись безобразные фигуры. Иерей широкими махами дубины разметал их и пропал в темноте.

— Отец святой! — отчаянно крикнул Борис. — Не оставь в милости своей!

Из темноты слышалась молитва, прерываемая сочными ударами. Верещало и квакало поганое воинство, бесилось в яростной злобе.

— Пропал, — убито сказал кто-то.

И тут же в кругу света возник Василий: он втащил взмыленную лошадь:

— Прими! — и снова скрылся в темноте.

Фрол младший бросился, перепрыгнул костер, подхватил удила и заставил лошадку войти в круг света.

Стоявший рядом с Иваном инок Димитрий вдруг неловко взмахнул руками, повалился, и тут его потащило, да так споро, что ни Иван, ни кто другой даже вздрогнуть не успели, как Димитрий исчез. Только остался в ушах его полный боли крик.

Хуже всего становится, когда уходит вера и надежда, нельзя без них. А на что надеяться, когда кругом темнота, злоба и смерть? Иван беспомощно огляделся и почувствовал удар: в голову ему врезался комок ила, пахнувший тухлой рыбой. Он поспешно содрал с лица пакость: «В костер метят!».

— Береги огонь! — закричал он.

В ответ еще пуще заквакало и загорлопанило болото. Летела тина, сильнее, гаже, больше. Раз попала в горящую солому, вскинув сноп искр в темное небо. Еще, еще!

— Хватайте колья и огонь, — среди них вновь оказался иерей, весь покрытый черной слизью. — Будем прорывать, берег должен быть рядом! Тут до утра нам не сдюжить!

Вмиг похватили кто что может.

— Господь, не оставь в милости своей! — выкрикнул Василий. — За мной, божьи люди, с нами правда!

И они полезли через полуразобранный завал, стараясь не свалиться, не застрять, не остаться последним. Болото орало, словно и само оказалось живым.

Иван перебрался, помог подвывающему Борису. Хоть и страшно самому, аж мочи нет, но бросать позади себя слабого... Он отпихнул цепляющиеся за ноги лапы, махнул колом, задев по жесткому. Впереди ревел медведь святой отец. Среди упырьего верещания слышались и человечьи крики: яростные, но чаще боли, страха. Монахи, пробежав разом десяток шагов, остановились не в силах сдвинуться дальше: спереди, сзади, по бокам, кишела лютая нечисть. «Вот и конец», — вдруг понял Иван, до того ясно и четко, что даже и не испугался вовсе. Руки отмахивались колом, ноги отбрыкивались, а сам Иван уже словно и не тут жил.

Только бороться до последнего решил твердо. Опустить руки перед поганью? Ну уж, дудки!

Жаль, силы людские не вечны. Вскоре руки и спина начали уставать, все реже и реже летел кол, а когда с дру-

гой стороны в него вцепились и дернули, то чуть из рук не вырвали.

— Люди! Держитесь! — перекрывая ор, донеслось издалека.

— Помощь! — взревел иерей. — Идут! Идут!

Вот когда есть вера, то и силы приходят сами, незнамо откуда! Сердце возликовало, и Иван закричал:

— Борис, идет помощь, слышишь?

Но и болотное воинство почуяло, забурлило, заголосило...

Вскоре стали слышны звуки другой драки, тут на монахов надели, стараясь взять нахрапом, повалить, уволочь, сбежать. Видно, большая сила шла на подмогу, чуяли упыри свой последний шанс. Кол у Ивана все же вырвали, и теперь он лягался и махал кулаками, мало что не кусался. Хотя если б пришлось, то даже не задумался бы — укусил.

Перебивая болотную вонь, пахнуло сосновым лесом, так что даже голова кругом пошла. И тут же наседать перестали — как отрезало; зашумели камыши, зашуршали, завизжали убегающие нелюди.

— Спешите, люди, долго не выдержать.

Ивана дернули за плечо. Он обернулся — Борис — пошли, мол. Кивнул, побежал следом. И вновь, какой уж раз за сегодня, сердце стукнуло о грудь: разглядели глаза, что вдоль гати стояли будто огромные шишки; чешуйки, с ладонь размером. В темноте добром не разглядеть, но точно нелюди: одни белесые буркала, словно миски...

Да возле них старичок с малой лучиной в руке.

— Беги шустрей, — сказал он.

Иван больше не думал, рванул, как мышь от кота. Бежали недолго, ноги вскоре перестали ощущать скользкие бревна гати, затопали по твердому. Дорога пошла вверх, а уж как забежали под высоченные сосны, тут и понял Иван — спасли их, как есть спасли.

Недавний старичок стоял тут же. Распознав главного, подошел к иерею, светя лучиной.

— Эх ты, человеке... Почто Перуна свалил? Думаешь, так просто поставили? Не к месту ему на болоте, не по ему... а все одно — глядел.

Против обыкновения святой отец смолчал, только дышал тяжело.

— Спи спокойно, в лесу никто не тронет. Нежити не будет поживы, не должно такому быть на земле. Костер можете запалить, сушняк по краю много. А утром чтоб духу вашего не было. Завтра не буду такой.

— Спасибо, добрый... человек, — ответил Василий.

Но старичок сгинул, будто и не было никогда. Только лучина горела, воткнутая в трещину на поваленном дереве.

Иван перекрестился, а затем прошептал в темноту:

— Спасибо, Лесной Хозяин. И... прости за Перуна.

— Как же так? — спросил Иван. — Разве должно?

Не спали, недосчитались больше половины, дрожали всю ночь. Уцелели всего семеро, вместе с иереем Василием, грязные, в тине и засохшей черной слизи. Трое с глубокими черными царапинами, одного цапнули за руку, как не отхватили всю...

— Неисповедимы пути, — вздохнул отец Василий, — Хозяин нужен везде и всегда... Затем мы и идем. Помогать, но и присматривать.

Он снова вздохнул.

— А как же эти... старые?

Василий посмотрел на него, оглядел недалекий с дороги лес, в котором переночевали, злокозненное болото, оставшееся позади.

— Пойдем, Иван божий человек, у нас с тобой своя дорога в этой жизни. С ними, может, и спокойней, да не по пути нам. Не по пути.

Вставало Солнце.

Начинался новый день. ☞

Подпишись и читай! Индекс 73413